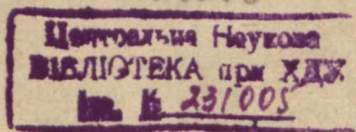

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 12

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени А. М. ГОРЬКОГО
Харьков 1965

Редакторы Л. А. Гаврилова, И. А. Григорьева
Техредактор Л. Т. Момот
Корректор Т. С. Перепелица.

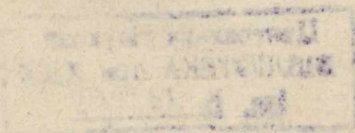
Сдано в набор 3/VII 1965 г. Подписано к печати 23/XII 1965 г. БЦ 51157. Формат
70×108¹/₁₆. Объем: 12,0 физ. печ. л., 16,8 усл. печ. л., 15,6 уч.-изд. л. Заказ 3611.
Тираж 500. Цена 1 руб. 04 коп.

Харьковская типография № 16 Областного управления по печати.
Харьков, Университетская, 16.

Редакционная коллегия:

В. В. Акуленко, И. Т. Балака, А. С. Драчук, П. Я. Корж (ответственный редактор),
М. П. Легавка, Ф. Ф. Медведев, В. А. Мосенцев, М. Е. Протасова (секретарь).

А. Г. Розенберг, Г. И. Шкларевский.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ СТИЛИСТИКИ

В. В. Акуленко

1. Современная стилистика, возможно, еще в большей степени, чем остальные области языкознания, страдает от отсутствия системы точно определенных, общепринятых понятий и терминов. Не уточнено даже и основное понятие — «стиль». Хотя и ясно, как отмечал в 1940 г. Б. Гавранек, что предметом стилистики является стиль, единства в понимании стилистики нет. Нет, в частности, единого истолкования понятия «стиль», неизвестно, проявляется ли стиль только в литературной речи или свойственен любому высказыванию¹. Тот же факт признается в позднейших работах Стуттергейма², Фр. Травнича³, В. В. Виноградова⁴ и многих других. Отсюда понятно, что не ясны самые задачи стилистики, не определено ее отношение к остальным лингвистическим дисциплинам.

1. 1. В современной лингвистической литературе термин «стиль» употребляется чрезвычайно широко, по сути теряя право считаться термином. Его используют применительно к тем явлениям, которые иногда называют функциональными стилями, к книжной и разговорной группам стилей, характерным для многих современных языков, к подвидам стилей, речевым жанрам, эмоционально-экспрессивным окраскам, формам речи, специфике речи, передаваемой различными техническими средствами связи, социально-речевым особенностям, индивидуальному слогу автора и т. д. Между тем очевидно, что нельзя говорить как о равноценных явлениях, например, о современной русской официально-деловой речи и о языке газетных фельетонов, об английской книжной речи в целом и о стиле Байрона или отдельного его произведения, об особенностях речи русских старообрядцев и об иронической манере выражения, о специфике телефонного разговора и об особенностях использования языка в поэзии романтизма.

Представляется необходимым упорядочить все соответствующие понятия и термины, установить системную связь между теми из них, которые относятся к сфере лингвистики. Ниже делается попытка в известной мере уточнить объект и задачи общей стилистики — науки, нередко игнорируемой в системе общелингвистических дисциплин.

1. 2. Рассматривая язык в сравнении с остальными знаковыми системами, функционирующими в человеческом обществе, с точки зрения возможности их стилистического использования, мы видим, что язык противостоит любым конвенциональным семиотическим системам, от

¹ B. Havránek. Stylistika. „Ottův slovník naučný nové doby“, Dodatky, VI, 1, 1940, стр. 471—473.

² C. F. P. Stutterheim. Modern Stylistics. „Lingua“, I, 4, 1948, стр. 413.

³ Fr. Travníček. O jazykovém slohu. Praha, 1953.

⁴ В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 3.

простейших — типа светофора — до символических языков науки, в которых значение каждого знака в идеале строго определено и отграничено от значений других знаков. В языке же ввиду специфики соотношения планов выражения и содержания, а также вследствие его непрерывного самопроизвольного развития и многогранности функционирования семантические поля знаков подвижны и находят одно на другое¹, делая тем самым значительное число знаков в той или иной мере взаимозаменяемыми². Вместе с тем, данная особенность естественного человеческого языка сближает его с «языками» различных видов искусства, в которых также можно видеть сложные семиотические системы³.

1. 3. Взаимозаменяемость, возможность выбора средств и лежат в основе стилистики. И. Бечка отмечает, что при изучении стиля речь идет прежде всего о выборе языковых средств, его причинах, последствиях, влияниях на него⁴. Ж. Марузо включает понятие «выбора» в самое определение стилистики, изучающей, по его словам, особенности, возникающие в результате выбора из различных языковых средств выражения, находящихся в распоряжении говорящего или пишущего лица⁵.

Этим и определяются задачи стилистики как особого раздела языкознания, изучающего вопросы выбора элементов языка и их использования в речи с целью наиболее эффективной передачи информации.

1. 4. Лингвистический подход к информации существенно отличается от подхода теории информации, интересующейся в своем нынешнем, восходящем к работам К. Шеннона, понимании только количеством основной лингвистической информации, заключающейся в сообщении⁶. Языкознание и, в частности, стилистика занимаются качественной и функциональной сторонами языковой информации. Для стилистики важно изучать не только объективные, но и субъективные моменты. Она включает вопросы как основной, так и дополнительной лингвистической информации — различных оценочных, эмоциональных и прочих подконтекстных оттенков, сознательно вводимых говорящим. Основная и дополнительная информация и традиционно организованные средства ее передачи лежат в основе объективных стилей, существующих в общенародном языке.

От предыдущих типов информации следует отличать социально-лингвистическую и персональную информацию, вводимую говорящим бессознательно и позволяющую отнести его к определенной социальной или территориальной группе и в некоторой мере характеризовать его личность⁷. С последним обстоятельством связано замечание Г. Габеленца: «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя»⁸. Специфические личные особенности выбора языкового материала, его организации в речевом контексте, направленные на передачу основной и дополнительной информации, а также передающие социальную и персональную информацию, лежат в основе субъективных стилей, свойственных каждому члену языкового коллектива.

¹ Исключение представляют упорядоченные терминологические системы.

² См. Р. Г. Пиотровский. Очерки по стилистике французского языка. Учпедгиз, Л., 1960, стр. 5.

³ Ср. сб. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 118—137.

⁴ J. Bečka. Úvod do české stylistiky. Praha, 1948, стр. 15.

⁵ J. Marouzeau. Précis de stylistique française. Paris, 1950.

⁶ Л. Бриллюэн. Наука и теория информации. Пер. с франц. Изд-во иностр. лит., М., 1960, стр. 15, 29.

⁷ P. Ladefoged, D. E. Broadbent. Information conveyed by vowels. "The Journal of the Acoustical Society of America", XXIX, 1957, No. 1, стр. 98—104.

⁸ Цит. по кн. Ж. Вандриес. Язык. Пер. с франц. Соцэкгиз, М., 1937, стр. 135.

1. 5. Учет всех перечисленных видов информации ясно показывает ошибочность подхода к стилям как к различным способам передачи одного и того же содержания¹. Не доказывает правильности этой точки зрения и ссылка на то обстоятельство, что диалектическое единство языка и мышления не означает их тождества². Речь может идти здесь лишь об общности основной лингвистической информации при существенных расхождениях в остальных видах информации³. Таким образом, стиль, представляющий единство формы и содержания⁴, можно уподобить не одежде, а самой плоти человека. Он органически присущ высказыванию⁵. Следовательно, стилистика изучает не только различную степень экспрессивности⁶, т. е. количественные различия, но и различия качественного характера⁷.

1. 6. Недостаточно изучен важнейший вопрос о факторах, определяющих выбор языковых средств. Наиболее правильной представляется позиция тех лингвистов, которые подчеркивают зависимость выбора преимущественно от особенностей функции языка в различных областях человеческой деятельности. Функциональную точку зрения в применении к объективным стилям в 30-х годах детально начал разрабатывать Б. Гавранек. В своих первых работах он говорил об отдельных «функциональных языках» со своеобразной структурой, существующих в пределах единого национального языка⁸. В начале 40-х годов, отказавшись от этого понятия, он выдвинул идею функциональных слоев в системе языка⁹. Наконец, с его работами связано и понятие «функционального стиля»¹⁰, с определенными модификациями широко применяемое современными чехословацкими языковедами. Например, так определяет стиль Й. Бечка: «Под стилем подразумевается способ отбора средств или выражения мыслей и построения из этих мыслей целого»; при этом Бечка подчеркивает, что элементы стиля нужно рассматривать прежде всего с точки зрения цели текстов¹¹. Аналогичное мнение высказывает Фр. Травничек: «Стиль есть выбор готовых выразительных средств или создание новых средств и грамматическая обработка всех средств в текстах, служащих для взаимопонимания в одной определенной области человеческой деятельности, в пределах которой тексты используются»¹². Важно отметить, что под стилем понимают не только способ построения данных готовых текстов, но и потенциальный способ создания аналогичных текстов. На последнюю черту стиля особое внимание обращал В. Матезиус.

¹ Fr. Travniček. O slohu. „Slavia“, XXII, 1953, s. 2—3, стр. 233.

² P. Trost. K obecným otázkám stylu. „Slovo a slovesnost“, XVI, 1955, č. 1—2, стр. 15.

³ См., напр., описание одного события средствами разных стилей: M. Deutschbein. Neuenglische Stilistik. Lpz., 1932, стр. 47—51.

⁴ Н. Н. Амосова. К проблеме языковых стилей в английском языке... «Вестн. Ленингр. ун-та», 1951, № 5, стр. 33—34.

⁵ J. Middleton Murray. The Problem of Style. London, 1949, стр. 136.

⁶ Ш. Балли. Французская стилистика. Пер. с франц. Изд-во иностр. лит., М., 1961, стр. 30.

⁷ P. Guberina. La stylistique, science quantitative ou qualitative? „Revue de linguistique“, Bucarest, IV, 1959, No. 1, стр. 5—8.

⁸ B. Havránek. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura. Сб. „Spisovná čeština a jazyková kultura“. Praha, 1932, стр. 32—84.

⁹ B. Havránek. K funkčnímu rozvrstvení spisovného jazyka. „Časopis pro moderní filologii“, XXVIII, 1942, стр. 409—416.

¹⁰ Ср. терминологические замечания Й. М. Коржинка в „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, VI. Prague, 1936, стр. 28.

¹¹ J. V. Bečka. Úvod do české stylistiky, стр. 7, 14.

¹² Fr. Travniček. O jazykovém slohu, стр. 22.

Многими авторами учитывается, что особенности языковой функции, связанные с обслуживанием определенных областей человеческой деятельности, являются не единственным слогообразующим фактором. Так, К. Гаусенблас предложил следующую классификацию объективных слогообразующих факторов: 1) функция сообщения (просто информативная, практически-специальная, теоретически-специальная, агитационно-информативная, эстетически-информативная); 2) цель сообщения (деловое выяснение, призыв); 3) отношение к теме (серьезное, юмористическое, пренебрежительное); 4) способ изложения темы (динамический, статический); 5) момент спонтанности или подготовленности; 6) частная или публичная ситуация общения; 7) односторонний или обоюдосторонний характер речевого акта; 8) наличие или отсутствие непосредственного контакта с адресатом; 9) языковой материал¹. Но в таких классификациях нередко смешиваются внеязыковые и языковые факторы, тогда как последние, хотя бы и стимулируемые первыми, нуждаются в совершенно особом анализе (см. 2. 2—2. 4).

1. 7. В советском языкознании функциональная стилистика начинает особенно активно разрабатываться в послевоенный период. Здесь сказываются и знакомство с работами чехословацких лингвистов, и традиции русского языкознания, которые восходят к А. А. Потебне, И. А. Бодуэну де Куртенэ и отчасти к В. Гумбольдту. Принципы изучения функционального разнообразия речи разрабатываются в советский период В. В. Виноградовым, Л. П. Якубинским, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой и другими. В 50—60-х годах теория функциональных стилей (иногда без использования этого термина) развивается также в известных работах Р. А. Будагова, Э. Г. Ризель, Н. Ю. Шведовой, во многих диссертациях².

2. Однако в настоящее время неуточненными остаются многие важнейшие характеристики функциональных стилей, в частности отношение функциональных стилей к языку как системе систем («структуре», по терминологии А. А. Реформатского) и речи как конкретной реализации языка путем связного использования его знаков. В качестве синонимов нередко употребляются термины: «функциональный стиль», «речевой стиль», «стиль языка».

2. 1. Между тем, как показал В. В. Виноградов, стили языка отражаются в членении частных систем и подсистем языка, речевые же стили создаются в речи в результате особенностей применения средств языка в какой-либо сфере человеческой деятельности. При этом В. В. Виноградов на материале истории русского языка установил историческую последовательность явлений, называемых им «типами языка», «стилями языка» и «стилями речи» (ср. соответствующие понятия функциональных языков, функциональных слоев в языке и функциональных стилей в теории Б. Гавранека) и пришел к выводу, что языковые стили сменялись речевыми в современном русском языке³.

Правда, фактически функциональные стили в русском, как и других современных европейских языках, пока еще не имеют чисто речевого характера. Они характеризуются двойственной природой, поскольку основываются как на наличии в системе языка закрепленных за отдельными стилями элементов (число которых постепенно уменьшается), так и на

¹ K. Hausenblas. K základním pojmům jazykové stylistiky. „Slovo a slovesnost“ XVI, 1955, č. 1—2, стр. 11—12.

² См., напр., В. П. Мурат. О некоторых лексико-стилистических особенностях словарного состава прогрессивной английской прессы. Канд. дисс., М., 1953. Ср. ее же. Об основных проблемах стилистики. Изд-во Моск. ун-та, М., 1957. Ср. также И. И. Шишканова. Морфологические особенности разговорного стиля современного английского языка. Канд. дисс., Л., 1956 и многие другие работы.

³ В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкозн.», 1955, № 1, стр. 81—83.

специфике отбора, сочетаемости и частотности употребления различных языковых элементов в речи, в текстах, характерных для определенных областей человеческой деятельности. Действительно, в последних работах В. В. Виноградова речь идет о стилях языка и стилях речи применительно к современному русскому языку и намечаются сложные связи стилистики языка и стилистики речи¹. В этой классификации понятия функционального стиля и стиля языка сближаются, а на долю стилистики речи остается специфика организации речи в отдельных жанрах устного и письменного речевого общения.

2. 2. Нам представляется возможным говорить применительно ко многим современным языкам о существовании параллельных языковых и речевых функционально-стилистических окрасок как особых свойств отдельных языковых знаков или их совокупностей. Эти свойства, приданные знакам в системе или возникающие у их линейных последовательностей в процессе коммуникации, сами по себе также имеют знаковый характер, так как обозначают типичные варианты функции общения в пределах традиционных для данной культуры сфер человеческой деятельности. Понятие функционального стиля относится при этом к области речи с той оговоркой, что стилистическое качество не полностью возникает в речи, а частично задано в самой структуре языка. Впрочем, следует учитывать, что при понимании языка только как иерархии системных отношений («реляционного каркаса») наша оговорка отпадает, так как все стилистическое в этом случае переносится только в область речи.

2. 3. Языковая функционально-стилистическая окраска — это осознание в языковом чутье массовых носителей языка принадлежности того или иного элемента в системе к определенному функциональному стилю. Как и любые категории, основанные на языковом чутье, она может быть выражена в математических (статистико-вероятностных) терминах. Маркированные функционально-стилистические окраски, выделяющиеся на фоне нейтральной в этом отношении окраски, сосуществуют со стилистическими окрасками иных типов, причем каждому типу маркированных окрасок противостоит соответствующая нейтральная окраска². Так возникают стилистические спектры³, сплошь пронизывающие все ярусы языковой структуры. В частности, мы встречаем функционально-стилистические окраски в произношении (типа англ. поэт. [waɪnd] «ветер» — нейтр. [waɪnd], укр. поэт. *Вкраїна* — нейтр. *Україна*), в словообразовании (русские модели типа нейтр. *формализм* — разг. *формалистика*), в морфологии (нем. нейтр. *ein Glas roter Wein* — поэт. *ein Glas roten Weins*, русск. нейтр. *сыновья* — книжн., торж. *сыны*), в синтаксисе (типа англ. нейтр. *He declared that he was a student* — книжн., главным образом официальное *He declared himself to be a student*), в словаре (лексические и фразеологические стилистические синонимы). Речь идет, однако, не только о стилистической синонимии: элементы языка имеют стилистическую окраску независимо от наличия синонимов к ним в соответствующей языковой системе. Так, окрашены функционально-стилистически все термины, хотя лишь меньшей их части соответствуют иноязычные синонимы. Кроме того, важно, что один и тот же элемент нередко имеет разные значения, связанные с различием стилистических

¹ В. В. Виноградов. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, стр. 5—16.

² См. В. В. Акуленко. О принципах стилистической классификации слов в языке. *Наукова конференція викладачів філол. фак-ту Харківськ. ун-ту*. Изд-во Харьков. ун-та, Харьков, 1959, стр. 41—45.

³ М. В. Панов говорит в сходном смысле о «стилистических парадигмах» (О развитии русского языка в советском обществе. «Вопр. языкозн.», 1962, № 3, стр. 6 и сл.).

окрасок: например, русские уменьшительные суффиксы со значениями уменьшительности или пренебрежения в разговорно-литературном стиле: *ребенок в новых брючках, ручки в брючки* и со значением одобрения, восхищения в фамильярно-обиходной речи с вульгарным оттенком: *шикарные брючки*; ср. значения местоимения *мы*: нейтральное, книжное (авторское), устарелое просторечное, дореволюционное официальное¹.

2. 4. Сложнее определение речевой функционально-стилистической окраски: она, конечно, не сводится, как иногда полагают², к включению в текст стилистически окрашенной лексики. Речевая функционально-стилистическая окраска, характеризующая не отдельные элементы, а текст в целом, возникает в результате как привлечения элементов с языковой функционально-стилистической окраской, так и специфической сочетаемости стилистически нейтральных элементов, нередко приобретающих в контексте нового стиля иные стилистические функции. Например, неразвернутость, эллиптичность предложения может характеризовать небрежность разговорного стиля и тщательную отделанность, динамичность в поэзии³. Существенна роль устойчивых элементов речи, закрепленных за функциональными стилями (так называемых речевых фразеологизмов, клише, штампов, некоторых пословиц и поговорок, ходких цитат). Стилистические оттенки приобретают и разнообразные традиционные типы объединения предложений в сложные речевые единства — «высказывания» (ср. понятия: *utterance* в англо-американском языкознании, *promluva* в чехословацкой лингвистике).

Наконец, особенно большое значение для установления речевой функционально-стилистической окраски имеет частотность употребления нейтральных или закрепленных за группами стилей элементов. Методы статистического изучения оправдывают себя применительно к объективным стилям, подвидам стилей, жанрам, особенностям авторского слога и даже специфике слога одного и того же лица в разные периоды его жизни. Об этом убедительно говорят факты, приведенные в работах Дж. Миллера⁴, К. Черри⁵, В. Фукса⁶, а также первые попытки статистического анализа функциональных стилей, проведенные применительно к грамматическим временам⁷, падежам⁸, значениям слов⁹, синтаксическим конструкциям¹⁰, длине предложений¹¹, частям речи¹². Статистическая концепция стиля, в той или иной степени применимая, по-види-

¹ См. Словарь соврем. русск. лит. языка, т. 6, АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 1410—1412.

² Напр., Б. М. Кулик, О. М. Масюкевич. Збірник вправ з стилістики. «Радянська школа», К., 1958, стр. 23.

³ См. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. Учпедгиз, М., 1958, стр. 408—410.

⁴ G. A. Miller. Language and Communication. New York, 1951, стр. 120—128.

⁵ C. A. Cherry. On Human Communication, London, 1957, стр. 100—108.

⁶ W. Fuchs. Mathematische Analyse von Sprachelementen, Sprachstil und Sprachen. Köln und Oplade, 1955.

⁷ В. П. Мурат. Указ. дисс., стр. 58.

⁸ В. А. Никонов. Статистика падежей русского языка. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 3 (10), М., 1959, стр. 45—65.

⁹ В. М. Григорян. О значении фактора частотности для определения стилистических функций слова. Тезисы конференции по машинному переводу. Изд-во I Московск. гос. педагогического ин-та, М., 1958.

¹⁰ О. В. Сиротинина. Использование статистического метода при выявлении стилистических различий (на материале синтаксиса), «Питання прикладної лінгвістики». Вид-во Чернівецьк. ун-ту, Чернівці, 1960.

¹¹ Г. А. Лескис. О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX в. «Вопр. языкозн.», 1962, № 2; Его же. О зависимости между размером предложения и характером текста. «Вопр. языкозн.», 1963, № 3; Его же. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных типах текста. «Вопр. языкозн.», 1964, № 3.

¹² С. И. Кауфман. Об именном характере технического стиля. «Вопр. языкозн.», 1961, № 5.

мому, к элементам всех уровней структуры языка и позволяющая дать количественное определение стиля, тесно связана с вероятностным анализом стилей. Естественно, данные стилостатистики нельзя абсолютизировать: речевая стилистическая окраска, как отмечалось выше, не может быть сведена к количественным различиям в механических совокупностях независимых друг от друга фактов¹. В то же время ясно, что хранящиеся в памяти носителей языка огромные статистические данные, хотя и не в числовой форме, в большой мере позволяют разграничивать стили. Задача научного анализа — дать точное математическое выражение этих данных.

2. 5. Стилистические речевые окраски, которые с известным упрощением можно формально выразить в виде списков допустимых для каждого стиля языковых элементов, а также средней частотности, а отсюда — вероятности их появления в различных окружениях в текстах данного стиля, являются внешними приметами стиля. За ними стоят внутренние признаки стиля — те тенденции, установки, которые определяют возникновение именно данных, а не иных внешних примет. Такие установки («стилевые черты», по терминологии Э. Г. Ризель) порождаются прежде всего функцией стиля, а также и другими слогаобразующими факторами (см. 1. 6.). Они находят неодинаковое выражение в разных языках и даже в разных стилях одного языка. Эти стилистические категории, находящиеся на стыке лингвистики и логики, психологии, эстетики, не следует смешивать, как это делал В. Шнейдер², с вызываемыми ими бесконечно многообразными субъективными психическими реакциями слушателей (читателей)³. В стилиевых чертах можно видеть своеобразные стилистические множители, создающие возможные стили всех языков. Число их весьма невелико, хотя установить все такие черты на материале одного языка или ряда близких языков невозможно. Так, кроме черт, общих со стилями, скажем, немецкого языка (сжатость — пространность, ясность — расплывчатость, образность — отсутствие образности, эмоциональность — неэмоциональность, статика — динамичность, субъективность — объективность, официальность — непринужденность...), в японском языке важную роль играют особые стилиевые черты: вежливость — отсутствие вежливости, которые выражаются не только лексическими, но и грамматическими средствами, особенно часто — глагольными связками.

2. 6. Именно стилистические окраски, основанные, в частности, на количественных характеристиках, позволяют установить системы функциональных стилей в конкретных языках. Хотя функция стиля играет решающую роль при его формировании, она не может лежать в основе классификации стилей, что, в частности, доказывается расхождениями систем стилей в языках, которые используются в сходных сферах человеческой деятельности (например, в английском языке можно разграничить отдельные литературно-разговорный и фамильярно-обиходный стили, в то время как в украинском языке мы скорее находим подвиды одного стиля).

Ориентация на разновидности функции, а не на стилистическую окраску лежит в основе попыток выделения таких стилей в современном

¹ Ср. В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. Изд-во Моск. ун-та, М., 1962, стр. 118—123, 138—139.

² W. Schneider. Ausdruckswerte der deutschen Sprache. Lpz.—Berlin, 1931.

³ См. Э. Г. Ризель. Полярные стилиевые черты и их языковое воплощение. (На материале немецкого языка). «Иностр. языки в школе», 1961, № 3, стр. 96—103.

русском литературном языке, как эпистолярный стиль¹, стиль телеграмм² и т. д. Между тем, особые формулы начала и конца писем или специфика эллиптичности телеграмм могут сочетаться с самой разнообразной стилистической окраской.

3. 1. Не всегда четко осознается тот факт, что функциональные стили, как и любые стилистические явления, существуют и могут быть установлены только в плане синхронии³. В ряде случаев фактическая ориентация на синхронию прикрывается неопределенно толкуемым термином «исторический»⁴, что может вести и к утрате правильной перспективы исследования.

3. 2. Синхронно-описательное направление не является единственно возможным в стилистике, однако оно лежит в основе всех других ее направлений. В частности, как показал Г. О. Винокур, историческая стилистика строится путем описания, а затем сопоставления систем стилей данного языка в различные периоды (т. е. по сути — описания синхронных срезов. — В. А.), «причем каждый стиль рассматривается как своеобразная система, противопоставленная другим системам, представляющая собой известное видоизменение соответствующей системы в предшествующий период и заключающая в себе те противоречия, которые привели к ее перерождению в последующий период»⁵. В значительной мере на аналогичные принципы ориентируется созданный В. В. Виноградовым и его учениками курс истории русского литературного языка, закладывающий основы новой области языкознания⁶.

3. 3. На синхроническом описании стилистических средств отдельных языков строится и сопоставительная стилистика, имеющая своей целью установление соответствий между возможностями стилистического использования аналогичных элементов языковых структур, стилистическими приемами выражения аналогичного содержания и, в конце концов, сравнение систем функциональных стилей. Такие исследования начаты на материале отдельных пар или групп языков⁷; возможно их применение к языковым семьям⁸ или языковым союзам. Сопоставительная стилистика является не только одной из основ теории перевода, но и со-

¹ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. «Русск. язык в школе», 1939, № 4, стр. 21—22.

² В. В. Виноградов. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков. «Вест. Моск. ун-та», 1949, № 7, стр. 34.

³ См. Ш. Балли. Указ. соч., стр. 39—40. Ср. также нашу статью «К определению функционального стиля» в данном вестнике (5. 2).

⁴ «Стиль языка — категория историческая» (И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. Изд-во лит. на иностр. яз., М., 1958, стр. 343; «Лингвистическая стилистика — дисциплина историческая» (А. Я. Рожданский. Объект и содержание лингвистической стилистики. «Уч. зап. I Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз.», т. 10, М., 1956, стр. 232).

⁵ Г. О. Винокур. О задачах истории языка. «Избр. работы по русскому языку». Учпедгиз, М., 1959, стр. 224.

⁶ См. прежде всего В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. Учпедгиз, М., 1958; А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Изд. 3. Учпедгиз, М., 1957.

⁷ См. A. Malblanc. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris, 1961; J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1958; G. Barth. Recherches sur la fréquence et la valeur des partis du discours en français, en anglais et en espagnol. Paris, 1961; А. В. Федоров. Некоторые вопросы сопоставительной стилистики немецкого и русского языков. «Тезисы докладов на Первой Всесоюзной конфер. по вопросам славяно-германского языкознания». АН БССР, Минск, 1961. Ср. работы по сопоставительной грамматике, лексикологии, прежде всего Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. Изд-во иностр. лит., М., 1955.

⁸ Так, И. Бечка ставит вопрос о создании сопоставительной стилистики славянских языков («Slavia», XXII, 1953, s. 2—3, стр. 236).

действует правильному пониманию соотношения языков в их реальном стилистическом использовании. Последнее особенно сложно для представителя другого языка, и нередко различия в формах, выражающих аналогичные или близкие мысли и чувства, воспринимаются как расхождения в самих мыслях и чувствах (так, различия в формулах вежливости в польском, французском, английском, русском, немецком и пр. языках¹ дают повод неспециалисту обвинять носителей соответствующих языков в подобострастности, жеманстве или, напротив, грубости²).

3. 4. Сближается с синхронно-сопоставительной стилистикой ареальная стилистика, стремящаяся установить районы распространения аналогичных стилистических явлений (например, языковые изоглоссы типа рус. *зефир*, франц. *zéphyr*, нем. *Zephir*, англ. *zephyr* «легкий ветерок» — поэтизмы; рус. *мы*, франц. *pous*, нем. *wir*, англ. *we* и т. д., употребляющиеся вместо местоимения первого лица единственного числа в авторской речи, главным образом в научном стиле; ср. изоглоссы речевых формул типа рус. *Я, нижеподписавшийся*, франц. *Je soussigné*, нем. *Ich, Endesunterzeichneter*, англ. *I, the undersigned* и т. д. в некоторых жанрах официального стиля и мн. под.). Следует ожидать, что ареалы сходных стилистических явлений окажутся особенно близкими в области лингвистической с ареалами интернационализмов³, в области культуры — с ареалами региональных общих особенностей различных областей народного художественного творчества, быта и т. п.

3. 5. На широком использовании материалов предыдущих направлений должна строиться сопоставительно-историческая стилистика, задача которой заключается прежде всего в описании и объяснении путей возникновения аналогичных стилистических явлений в языках, становления стилистических ареалов. Например, можно говорить о развитии общеевропейской функциональной стилистики. Возможно рассмотрение общих и специфических закономерностей развития стилистических ресурсов родственных языков, приводящего к замене единой стилистической системы рядом отдельных стилистических систем. В этом случае говорят о сравнительной стилистике родственных языков⁴.

Важнейший аспект сопоставительно-исторической стилистики — взаимовлияния языков в стилистическом плане. Так, ведущими центрами общеевропейских стилистических влияний явились греческий и особенно латинский языки, а в новейшее время — французский язык. Существенна роль и более частных стилистических контактов типа многообразных взаимовлияний ряда славянских языков или новейших взаимовлияний русского и английского языков в области стиля журналистики.

¹ См., напр., Л. А. Булаховский. Нариси з загального мовознавства. Вид-во «Рад. школа», К., 1955, стр. 93—95; Н. Е. Müller. Wer ist höflicher? „Die neueren Sprachen“, 1955, Hft. 10, стр. 477—480.

² Ср. аналогичные недоразумения при столкновении с элементами чужих культур (в частности манерами), рассматриваемыми вне соответствующих систем. Напр., русский находит безнравственными поцелуй французов в ресторане вместо привычных для него ласковых слов, взглядом, японец так же расценивает поцелуй русских на вокзале вместо привычной для него церемонии прощания.

³ См. В. В. Акуленко. Существует ли интернациональная лексика? «Вопр. языкозн.», 1961, № 3, стр. 67—68.

⁴ См. А. И. Ефимов. Задачи сравнительной стилистики восточно-славянских языков. Изд-во Московск. ун-та, М., 1963.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ

В. В. Акуленко

1. 1. В каждом развитом литературном языке существуют характерные для той или иной эпохи закономерности построения речи в типовых ситуациях общения. Эти закономерности, нередко называемые применительно к современным языкам функциональными стилями, имеют объективный характер: ориентация на их особенности является обязательной для всех лиц, претендующих на обладание культурой речи. Даже авторы, ошибочно оценивающие функциональные стили негативно, как жаргоны, сравнительно одинаково классифицируют их (ср., например, термины и квазипонятия англо-американского языкознания: *legalese*, *commercialese*, *officialese* или *committee English*, *journalese* или *blok-language*, *telegraphese* или *cablese* и даже *pedagese*¹, отражающие стилевые особенности юридической, торговой, официально-канцелярской документации, журналистики и в частности газетной информации, учебников и пр.). Канцеляристы, юристы, дипломаты, клерки частных фирм, журналисты, авторы научных статей, военные и другие практически владеют этими стилями, переключение на которые производится сознательно и в принудительном плане: недостаточное владение специальным стилем делает затруднительной или невозможной даже для вполне грамотного человека работу в соответствующей области².

1. 2. Известно также, что объективность существования функциональных стилей с особыми окрасками подтверждается эффектом, возникающим при переносе элемента с маркированной функционально-стилистической окраской в иностилевую среду. Именно на этом основывается эксперимент в стилистике. Получаемый диссонанс издавна используется в художественной речи как средство стилизации и особенно пародии; без такой целевой установки он является серьезным пороком слога.

1. 3. Объективный характер функциональных стилей противопоставляет их субъективному слогу отдельных лиц. Этого различия не понимают представители школы эстетического идеализма, возводящие в абсолют индивидуальный творческий речевой акт и передающие все общее, установившееся, повторяющееся в ведение грамматики³. Однако

¹ См., напр., W. W. Watt. *An American Rhetoric*. New York, 1957 и др.

² Так, человек с университетским образованием не может без особой подготовки вести коммерческую корреспонденцию на немецком языке (см. воспоминания Фр. Мюллера-Партенкирхена, приведенные в кн. „Die deutsche Sprache“, Lpz., 1955, стр. 359).

Ср. общеизвестные затруднения даже в случаях пассивного восприятия текстов, относящихся к малознакомому функциональному стилю: напр. «...Элизабет с недоумением подняла глаза от газеты. — Каким-то странным языком это написано, ничего не могу понять. Неужели в газетах всегда так пишут?» (Р. Олдингтон. *Смерть героя*. Пер. с англ. Изд-во иностр. лит., М., 1961, стр. 246).

³ См., напр., В. А. Звегинцев. *Эстетический идеализм в языкознании*. Изд-во Моск. ун-та, М., 1956; А. С. Чикобава. *Проблема языка как предмета языкознания*. Учпедгиз, М., 1959 (гл. 2, § 47—55).

утверждения К. Фосслера о том, что «стиль есть индивидуальное языковое употребление в отличие от общего», «повторение — дело попугая, поэтому у попугая нет никакого стиля», — глубоко ошибочны, потому что в индивидуальном слоговом неизбежно проявляются общие, установившиеся закономерности соответствующих функциональных стилей, изучение которых — дело не грамматики, а функциональной стилистики.

Разумеется, в каждом высказывании реально данным является индивидуальный слог (если специфика его не проявляется, то это обычно означает, что рассматриваемый отрезок речи недостаточно велик), однако не видеть за ним особенностей объективного стиля означало бы делать ошибку, аналогичную ошибке младограмматиков, не видевших за субъективными речевыми навыками объективно существующей языковой системы. Можно сказать, что субъективный слог высказывания является реализацией объективного стиля и относится к последнему как вариант к инварианту (ср. также 4. 3.).

1. 4. Вместе с тем сознательная установка на соблюдение норм функциональных стилей противопоставляет их как явление литературного языка неупорядоченному, нарушающему литературные нормы просторечия (ср. понятия: *spisovný jazyk* и *obecný jazyk* в чехословацкой лингвистике). В отличие от стилей, при использовании которых говорящий стремится к некоторому языковому идеалу, просторечие используется несознательно как единственная возможность, находящаяся в распоряжении малограмотных людей, не имеющих представления о культуре речи. Носитель просторечия «не может задуматься над тем, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет»¹. Например, в сфере числительных принципиально отличны случаи типа англ. поэтического устарелого *twain*, нейтрального *two*; нем. военного *zwo* (в командах, телефонной речи), нейтрального *zwei*; франц. фамильярного *quat'*, нейтрального *quatre* от случаев типа нем. просторечного *fufzehn*, литературного *fünfzehn*; русск. просторечного *шешнадцать* (*ишиш, шаш*), литературного *шестнадцать*; англ. диалектного *twa*, литературного *two*.

В этом отношении особое место в пределах просторечия занимают местные диалекты, которые в некоторых языках могут использоваться не только малограмотными людьми, но и достаточно образованными, дублируя для последних обиходно-фамильярный стиль общенародного языка. Так, вполне культурные немцы, пользующиеся в официальном общении литературным общенемецким языком (*Hochdeutsch*), в быту часто переходят на диалект, иногда со многими элементами общенемецкого языка. То же размежевание отмечается в речи английского провинциального клерка². Данную ситуацию можно сравнить с двуязычием части населения во многих странах. В случаях сочетания местных диалектов с литературным двуязычием возникают особенно сложные стилистические отношения, частично дублирующие системы функциональных стилей литературных языков. Например, у носителей рыбацкого диалекта молдавского языка «...молдавское диалектное слово годится в сугубо бытовом, домашнем обиходе... в фольклорном отрывке; литературное молдавское слово несет сугубо официальную «культурную» окраску и годится для выступления на собрании, в стенгазете. Наконец, русское

¹ А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точки зрения на язык. Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. ч. II. Учпедгиз, М., 1960, стр. 235.

² А. Беннет. Мэри-твёрдая рука. Сб. «Английская новелла». Пер. с англ. Лен.-издат, Л., 1961, стр. 176.

слово и выражение имеет деловое, иногда специально техническое звучание...»¹.

2. 1. Обобщая стилистические особенности текстов одного автора, мы получаем характеристику его индивидуального слога; но данная задача выходит за пределы функциональной стилистики. Обобщая же особенности текстов разных авторов, объединенных одной и той же функцией в одинаковой социальной, в первую очередь, профессионально-трудовой ситуации, мы получаем черты, свойственные отдельным речевым жанрам (например, в сфере научно-технического общения — жанрам специальной статьи, реферата, монографии, учебника, инструкции, патента, технического паспорта и т. п.). Количество и даже самое существование жанров зависит от широты функции и степени разработанности стиля. Особенности жанра — это первая ступень в иерархии объективных стилей, которыми занимается функциональная стилистика.

2. 2. На основе обобщения характеристик взаимосвязанных жанров, принадлежащих к одной сфере общения, складываются подвиды функциональных стилей. Системы их характеристик универсальнее, чем у жанров, но более семантически ограничены и конкретны, чем у стилей, находящихся с ними в отношении родо-видовой зависимости. Примером могут служить в западноевропейских языках канцелярский, дипломатический, юридический и коммерческий подвиды официально-делового стиля. С расширением сферы применимости понятий (жанр — подвид стиля — стиль) все более усредняются соответствующие лингвистические, в частности количественные, характеристики, приобретающие наиболее общий вид для литературного языка в целом. Таким образом, функциональный стиль — это высшая ступень обобщения объективных стилистических особенностей образования текстов, характерных для наиболее широко рассматриваемой конкретной сферы общения и отражающих специфику функции коммуникации в этой сфере.

2. 3. Признавая стили системами применения общенародного языка и связь языка с национальной культурой, мы приходим к выводу о неизбежности национального своеобразия системы объективных стилей в любом языке². Действительно, если существенные качественные и количественные отличия аналогичных стилей наблюдаются даже в генетически и/или исторически близких языках, то тем более сами взаимоотношения стилей, их удельный вес в общении обычно не могут полностью совпадать ни в каких двух языках. Различия увеличиваются по мере возрастания специфичности культур. Например, сопоставляя сходные стилистические синонимы: русск. *мать* — *мама*, укр. *мати* — *мама*, нем. *Mutter* — *Mutti*, франц. *mère* — *mamаn*, итал. *madre* — *mamма*³ и японск. *okasan* — *haha*, мы находим общую основу их противопоставления в европейских языках (нейтральность — фамильярность) при несомненных частных особенностях их употребления в каждом из языков, но встречаем совершенно иную базу противопоставления в японском языке (вежливость — фамильярность).

Выражение вежливости или отсутствие его вообще играют ведущую роль в классификации стилей современного японского языка, не-

¹ Р. Г. Пиотровский. О славяно-молдавском языковом взаимодействии в Приднестровье. «Уч. зап. I Ленингр. гос. пед. ин-та иностр. яз.», новая серия, вып. I, Л., 1954, стр. 217—218.

² Ср. А. В. Федоров. О понятии стиля в языкознании. «Уч. зап. I Ленингр. гос. пед. ин-та иностр. яз.», новая серия, вып. I, Л., 1954, стр. 244—245.

³ На обыгрывании стилистической окраски данного слова построен рассказ Альберто Моравиа «Слово мама» (см. «Римские рассказы». Пер. с итал. Изд-во иностр. лит., М., 1956).

обычной с точки зрения европейских языков. Здесь различают два типа стилей:

1) билатеральный (при наличии двух или более собеседников), который в свою очередь делится на стили а) нейтрально-вежливый, б) вежливый (в обращении к старшим, уважаемым людям), в) фамильярный, г) грубый (в обращении к нижестоящим, иногда к младшим);

2) монологический (при отсутствии непосредственного собеседника), который также делится на стили а) официального документа, б) научной и публицистической литературы, в) публичной речи, г) повествовательно-описательный (художественный)¹.

2. 4. Наряду с национальным своеобразием в стилях разных языков могут существовать и объединяющие их общие закономерности. Таковы общие черты функциональных стилей всех основных современных европейских языков, обобщенные в научной и учебной литературе в идеальную схему, которая иногда без должных оговорок проецируется на реальную действительность отдельных языков. Здесь выделяют два типа стилей:

1) книжный тип, который делится на следующие стили а) официально-деловой, б) научно-технический, в) журнально-публицистический, г) ораторский стиль (признаваемый не всеми авторами), д) эпистолярный стиль (признаваемый не всеми авторами);

2) разговорный тип, который делится на стили а) литературно-разговорный, б) обиходно-фамильярный.

2. 5. Данная классификация, несомненно, имеет объективную основу, но при применении к каждому конкретному языку требует серьезных коррективов. Так, в английском, немецком или французском языках в пределах официально-деловой речи важное место занимает подстиль коммерческой корреспонденции, здесь представлены и своеобразные жанры типа жанра рекламы. Всего этого мы почти не находим в соответствующем стиле современного русского языка, где, однако, расширяются рамки подстиля канцелярской документации. В английском или французском языках обиходно-фамильярная речь, широко привлекающая средства жаргонов (слэнга, аргю), выделяется в отчетливый отдельный стиль, тогда как, например, в украинском или белорусском языках грамотная обиходно-фамильярная речь более ограничена в своих возможностях. Менее грамотные ее проявления, переходящие в просторечие, характеризуются, в первую очередь, использованием не арготизмов, а диалектизмов и средств русской обиходно-фамильярной речи. Наличие, в частности, жаргонных средств в английском стиле журналистики (особенно в США) существенно отличает его от аналогичного стиля русского языка и т. д.

2. 6. Недочетом этой классификации в трактовке ее рядом авторов является объединение ныне существующих явлений с теми, которые имели место в прошлом. В современных европейских языках, как правило, уже нет самостоятельного ораторского стиля (пережитки его, пожалуй, наиболее заметны в английском языке): речь, очевидно, идет о жанрах публичного выступления, принадлежащих к публицистическому и официально-деловому стилям (своеобразие публичных выступлений в сфере научно-технической прозы и художественной речи является общепризнанным). Этот стиль перенесен в некоторые новейшие работы из античных и средневековых риторик. В результате аналогичных воспоми-

¹ См. П. И. Шеманаев. О языковых стилях современного японского языка, «Сборник трудов по языкознанию», № 3, изд. Воен. акад. Сов. Армии, 1959, стр. 198 — 218.

наний о временах старинных письмовников иногда приписывается современному языку и эпистолярный стиль.

3. Хотя многие представители функциональной стилистики безоговорочно относят к функциональным стилям и стиль художественной литературы, он (во всяком случае в современных европейских языках) существенно отличается от остальных стилей.

3. 1. В художественной речи язык употребляется в совершенно особой, коммуникативно-эстетической функции: он служит материалом для художественной литературы и тем самым ставится в один ряд с иными многообразными материалами, используемыми в других видах искусства, характерная особенность которого — отображение действительности в форме чувственно выраженных¹ художественных образов. Это определяет специфику использования в искусстве любого материала, несколько утрированно подчеркнутую в «Тезисах Пражского лингвистического кружка»: «Организуемый признак искусства, которым последнее отличается от других семиологических структур, — это направленность не на означаемое, а на самый знак»². Общие закономерности различных видов искусства, позволяющие говорить, например, о «лингвистике» кино³ и т. д. лежат в основе транспонирования художественных образов из одного вида искусства в другой (инсценировки, экранизации, переложения на музыку, иллюстрирования средствами живописи, скульптуры и т. п.). Вместе с тем материал накладывает ограничения на выразительные возможности каждого вида искусства, вследствие чего полная взаимозаменяемость языков разных видов искусства невозможна⁴.

Системы выразительных средств произведений художественной литературы тесно связаны с общими эстетическими задачами всех искусств определенного направления и эпохи, а «...большие и существенные сдвиги в искусстве (например, ренессанс и барокко, классицизм и романтизм) захватывают одновременно все искусства и связаны с общим сдвигом духовной культуры»⁵. Поэтому подлинное понимание отдельных приемов и стиля художественного произведения в целом возможно в контексте не только всех особенностей творчества данного автора и данного литературного жанра, но также и в контексте целого направления в литературе и искусстве.

Тем самым изучение теории художественной литературы увязывается с изучением остальных искусств как разделов единой науки — общего искусствоведения. Исследование же стиля художественной речи, которое выходит за рамки языкознания (функциональной стилистики), «...должно составить предмет особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, но вместе с тем отличной от того и другого»⁶.

¹ Показательны высказывания М. Горького, напр.: «Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически ощутимо. Писать надо так, чтоб читатель видел изображенное словами как доступное осознанию». Несобранные литературно-критические статьи. Гослитиздат, М., 1941, стр. 149. Ср. слова Джозефа Конрада: «Используя могущество написанного слова, я пытаюсь решить задачу — заставить вас слышать, заставить вас чувствовать и, прежде всего, заставить вас видеть. Вот и всё, но в этом-то вся суть». Цит. из кн.: J. Herendeen. *Speech Quality and Interpretation*. New York—London, 1946, стр. 16.

² Thèses. „Travaux du Cercle linguistique de Prague“, I, Prague, 1929, стр. 30.

³ См. С. М. Эйзенштейн. Избранные статьи. Изд-во «Искусство», М., 1956; М. Мартен. Язык кино. Пер. с франц. Изд-во иностр. лит.; М., 1959 и др.

⁴ Ср. Вл. Солоухин. Драгоценные секунды. (Экран и время), «Лит. газета», 4 октября 1962 г.

⁵ В. М. Жирмунский. Задачи поэтики. Задачи и методы изучения искусств, Пг., 1924, стр. 149.

⁶ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. Гослитиздат, М., 1959, стр. 3—4.

3. 2. Специфика функции и отражение художественной литературой не одной области человеческой деятельности, а всей воспринимаемой человеком действительности определяют и другие отличия художественной речи от функциональных стилей. Так, языковая база художественной речи в современных европейских языках исключительно широка: здесь используются, хоть и в разной степени, элементы различных функциональных стилей, прежде всего литературно-разговорного, а также (в целях стилизации) нелитературные элементы. Однако все эти элементы попадают в состав художественного произведения не хаотично, а в результате тщательного отбора¹. В европейских языках существовали и стилистически окрашенные слои языковых элементов, закрепленных за художественной литературой (главным образом поэзией), однако сейчас подобные поэтизмы представляют собой единичные пережитки, и стилистическая окраска данного стиля образуется исключительно в речи.

3. 3. Стиль художественной речи выделяется и особенностями своих статистико-вероятностных характеристик, в чем проявляется общая закономерность искусства: «отклонение от стандарта в какой-то мере является обязательной приметой искусства, основывающегося на сочетании неожиданного с привычным (традиционным), на фоне которого ярче выступает неожиданное»². Поэтому в беллетристике, как показывают подсчеты П. Гиро, даже у авторов сходного жанра и направления частотность языковых элементов существенно расходится³. При этом, в отличие от остальных стилей, вероятностно-ограничительные условия употребления слов и форм действуют здесь не в пределах ближайших фраз или абзацев, а в больших контекстах, иногда распространяющихся на все произведение.

3. 4. Максимальный характер контекста художественной речи проявляется и в установленной Б. А. Лариным семантической закономерности. Для проявления реальных, зависящих от различий в самой действительности, различий в значениях слова достаточен минимальный словесный контекст (ср. *надеть шляпу* — *надеть червяка*). Для проявления концептуальных, зависящих от индивидуального отношения говорящего, различий в значениях, достаточен ближайший фразовый контекст. Эстетические же различия в значениях проявляются в разгадывании недосказанного и зависят от крупных членов литературного текста вплоть до текста в целом⁴. С этим связана и особая сложность описания эстетических значений слов в словаре писателя⁵. Например, в названии романа Г. Фаллады „Wolf unter Wölfen” в слове Wolf совмещены предметно-логическое и собственное назывное значения («Волк среди волков» и «Человек по имени Вольф среди волков»), которые эстетически обыгрываются в ходе всего романа, когда «волк» постепенно превращается в человека⁶ и назывное значение оттесняет предметно-логическое.

3. 5. Преимущественно в художественной речи встречается своеобразный вид контекста, который можно назвать историко-литератур-

¹ А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Учпедгиз, М., 1957, стр. 44.

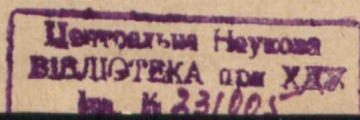
² В. В. Иванов, С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика. Сб. «Кибернетику на службу коммунизму», I, Госэнергоиздат, М.—Л., 1961, стр. 230.

³ P. Guiraud. Les caractères statistiques du vocabulaire. Paris, 1954, стр. 83.

⁴ Б. А. Ларин. О разновидностях художественной речи (семантические этюды), гл. 1, Сб. «Русская речь», Пр., 1923, стр. 63—69.

⁵ Л. С. Ковтун. О специфике словаря писателя. Сб. «Словоупотребление и стиль М. Горького. Изд-во Ленингр. ун-та, Л., 1962, стр. 18—31.

⁶ Ср. журн. «Иностр. лит-ра», 1958, № 12, стр. 293.

ным: мы имеем в виду контекст истории соответствующей национальной литературы и фольклора или группы взаимосвязанных литератур. Так, в повести О. Генри «Короли и капуста» название повести, названия, а отсюда частично и содержание ряда глав («Корабли», «Башмаки»), многие аллюзии понятны только на фоне популярной в странах английского языка повести Л. Керрола «Алиса в зазеркалье». Особенно широко использовался такой контекст в классической китайской литературе, пронизанной «...целым рядом литературных намеков, образов, цитат, которые для своей расшифровки... требуют от читателя весьма значительной начитанности в старых китайских текстах, притом...при условии крепкой ассоциативной памяти»¹. В этом случае возникает знаковость двух планов, так как некоторые из знаков (художественных образов одного произведения) обозначают только другие знаки (художественные образы другого произведения).

4. 1. Противопоставление функциональных стилей друг другу в общей стилистической системе любого языка не означает, что в каждом стиле имеются лишь черты, отграничивающие его от других. На деле характеристики стилей представляют сложную комбинацию специфических черт и особенностей, объединяющих отдельные стили, группы стилей и, наконец, все стили. Данный вопрос разработан недостаточно, хотя и неоднократно рассматривался применительно к функциональным окраскам элементов разных уровней языковой структуры. Изучение его усложняется тем, что в реальной практике общения стили нередко используются параллельно или смешиваются в пределах одного текста.

Общие черты стилей отчетливо проявляются при синхроническом рассмотрении. Примером могут служить стилистические окраски, закрепленные за книжным и разговорными типами стилей в европейских языках и противопоставляющие многие лексические и грамматические элементы этих языков (при этом маркированные книжная и разговорная окраски в советском языкознании обычно противопоставляются нейтральной², чего нет в понятиях типа франц. *mots savants* — *mots populaires* или англ. *learned words* — *popular words*). Таковы и многие общие черты, иногда нежелательные, в современной русской научно-технической, официально-деловой речи³ и др.

Еще нагляднее видна связь функциональных стилей при диахроническом подходе, где ведущими тенденциями развития и взаимодействия стилей можно считать постепенную утрату ими элементов с языковой функционально-стилистической окраской (за исключением терминов), стремление к стиранию граней между стилями, сближению их на основе преимущественно литературно-разговорной речи.

4. 2. Для функциональных стилей характерна внутренняя объединенность и относительная семантическая ограниченность. Последняя особенно ощущается в стилях книжного типа и менее заметна в разговорном общении с разной степенью непринужденности. По мере расширения семантических границ расширяются и вероятностные ограничения, обуславливающие употребление языковых элементов. Это позволяет построить своеобразную шкалу функциональных стилей (в порядке, указанном в 2. 4), где крайними полюсами являются официально-деловая и обиходно-фамильярная речь. Художественный стиль выходит за пределы даже нижней части шкалы (ср. 3. 3).

¹ В. М. Алексеев. Предисловие к кн.: Ляо-Чжай. «Рассказы о людях необычайных». Пер. с китайск. акад. В. М. Алексеева. М.—Л., 1937, стр. 8.

² О. С. Ахманова. Очерки из общей и русской лексикологии. Учпедгиз, М., 1957, стр. 263.

³ К. Чуковский. Канцелярит, «Лит. газета», 9 и 16 сентября 1961 г.

4. 3. Параллельно со снятием семантико-стилистических вероятностных ограничений увеличивается степень допустимого авторского своеобразия в пределах каждого стиля. Такое своеобразие почти отсутствует в официально-деловой документации (в дипломатическом подстиле отсутствует вообще), намечается в научно-технической литературе, во всяком случае в определенных ее жанрах, заметно ощущается в ряде жанров журнально-публицистического стиля и наиболее велико в стилях разговорного типа. Наконец, в художественной речи своеобразие авторского слога превращается в признак подлинного искусства. Как отмечал Э. Гонкур, «всякого очень крупного писателя любого времени узнаешь только потому, что у него свой, индивидуальный язык, и для образованного читателя каждая его страница, каждая строчка как бы подписана им, как будто имя автора стоит в конце этой страницы, этой строки...»¹.

4. 4. Как известно, различные функциональные стили вполне обусловленно в разной степени связаны с устной и письменной формами речи. Речь идет не только о более частом употреблении того или иного стиля в устной или письменной форме². Так, официально-деловой стиль нормально реализуется только в письменной форме: случаи его обязательной устной реализации сводятся к зачитыванию письменного документа. Устное формальное общение в этой сфере человеческой деятельности основывается на другом, литературно-разговорном стиле с вкраплениями элементов официально-делового стиля. Однако данный вопрос может быть поставлен шире: если отбросить упрощенный взгляд на письмо как однозначное изображение, паразитарный помощник устной речи (ср. уподобление Р. Якобсоном письма музыкальным нотам)³ и признать наличие тесно взаимосвязанных, но не вполне конгруэнтных структур⁴ во всяком случае в пределах языков с богатой письменной традицией, то следует полагать, что любой функциональный стиль (преимущественно подвид стиля и особенно жанр) может быть описан как система применения только одной из этих структур⁵.

Закрепленность функциональных стилей за определенными формами речи и неуместность их перемещения в другую форму речи отчетливо ощущается культурными носителями языка. Показательно, например, характеристика персонажа одного из рассказов И. А. Бунина: «Говорил он складно и не просто, а так, точно читал хорошо написанную статью»⁶. Упускать из виду эту неуместность — значит снижать эффективность передачи информации. Так, «...теперь, когда радио и телевидение навсегда вошли в нашу жизнь, литература и публицистика оказываются в положении довольно сложном. Благодаря новой технике, устному слову возвращается его прежнее значение, увеличенное в миллионы раз звучанием в эфире, а литература и публицистика связаны только с бумагой»⁷. Возникает необходимость в новых жанрах различных стилей и, в первую

¹ Э. и Ж. де Гонкур. Жермини Лясерте. Актриса. Отрывки из «Дневника». Пер. с франц. Лениздат, Л., 1961, стр. 522. Ср. аналогичное мнение Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева в кн. Н. Богословского. «Тургенев». Изд-во «Молодая гвардия», М., 1959, стр. 245.

² E. Riesel. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau, 1959, стр. 13—14.

³ Р. Якобсон, М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. Пер. с англ. «Новое в лингвистике», вып. 2. Изд-во иностр. лит., М., 1962, стр. 244.

⁴ В. Мотш. К вопросу об отношении между устным и письменным языком. «Вопр. языкозн.» 1963, № 1, стр. 90—95.

⁵ Показателен такой, напр., факт, как наличие в традиционной английской поэзии зрительных, непронизимых рифм (rhymes to the eye, или visual rhymes).

⁶ И. А. Бунин. Братья. Собр. соч., т. 3, М., 1956, стр. 190—191.

⁷ И. Андронников. Слово написанное и сказанное. (Раздумья у телевизора). «Лит. газета», 18 апреля 1961 г.

очередь, журнально-публицистического стиля и стиля художественной речи: эти жанры должны соответствовать новым средствам (кино, радио, телевидению, магнитофонной и грамофонной записи), а также формам массовой коммуникации (ср. нередко недостаточную эффективность зачитывания пространного письменного документа, относящегося к публицистическому и особенно к официально-деловому или научно-техническому стилям).

5. Функциональная стилистика в описанном выше понимании является важным разделом языкознания. Серьезным упущением общей и частных лингвистик является недостаточное внимание к функциональной стилистике, доходящее до полного ее игнорирования в основной массе программ и учебников по общему языкознанию¹ и отдельным языкам.

5. 1. Таким образом, как общее, так и каждое частное языкознание должны включать, с одной стороны, дисциплины, изучающие структуру языка, и, с другой стороны, дисциплину, изучающую употребление языка². Поскольку изучаются именно коллективные закономерности употребления языка, которые становятся как бы объективной принадлежностью элементов языка, ясно, что речь идет о функциональной стилистике. В таком случае функциональная стилистика объединяет вопросы, относимые в весьма интересной системе стилистических дисциплин В. В. Виноградова³ к сфере стилистики языка, и те вопросы стилистики речи, в которых речь идет об объективных коллективных особенностях функциональных стилей. Вместе с тем вопросы индивидуальной авторской стилистики составят особый раздел лингвистической стилистики, тесно связанный с особой проблемой — психологией стилей⁴.

5. 2. Структура языка может изучаться в ее синхронических закономерностях или в плане развития, что ведет к разделению рассматривающих ее наук на синхронически-описательные и исторические. Употребление же относится к сфере функционирования языка, почему стилистика неизбежно исходит из синхронически-описательного плана. Было бы неверным видеть в этом антиисторизм стилистики: синхрония и диахрония оказываются здесь взаимосвязанными⁵, так как категории развития реализуются именно через категории употребления. Так, по наблюдению П. С. Кузнецова, редуцированные гласные фонемы древнерусского языка исчезли благодаря употреблению в беглой разговорной речи, тогда как в *lento*-формах, например, в церковном чтении и пении, они сохранились⁶.

6. Велико значение функциональной стилистики также и для прикладного языкознания⁷. Учет функциональных стилей имеет существенное значение в лексикографии при составлении не только толковых сло-

¹ Одним из немногих исключений является интересный раздел «Языковые стили» в кн. Р. А. Будагова «Введение в науку о языке». Учпедгиз, М., 1958.

² Ср. почти совпадающие схемы: М. Deutschbein. *Neuenglische Stilistik*. Lpz., 1932, стр. 2; Г. О. Винокур. О задачах истории языка, «Избр. работы по русскому языку», Учпедгиз, М., 1959, стр. 224.

³ В. В. Виноградов. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. «Вопр. языкозн.», 1961, № 4; Его же. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 5—93, 201—205.

⁴ См., напр., Н. Morier. *La psychologie des styles*. Genève, 1959.

⁵ Ср. M. Riffaterre. *Criteria for Style Analysis*. "Word", vol. 15. 1959, No. 1, стр. 160.

⁶ Сб. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 102—103.

⁷ В. В. Акуленко. Функциональная стилистика и прикладная лингвистика. Сб. Питання прикладної лінгвістики. Вид-во Чернівецьк. ун-ту, Чернівці, 1960, стр. 16—18.

варей, но и двуязычных словарей, которые без детально разработанных стилистических помет скорее дезориентируют, чем ориентируют читателя. Этот учет совершенно неизбежен в практике перевода, а в перспективе — в практике машинного перевода. Наконец, данные функциональной стилистики должны широко использоваться при обучении родному и иностранным языкам¹ и при редактировании².

¹ В. В. Акуленко. К вопросу о лингвистических основах методики обучения иностранным языкам. Сб. «Вопросы перестройки преподавания иностранных языков в вузах». Изд-во Воронежск. ун-та, Воронеж, 1963, стр. 45—54.

² По вопросам научно-технического стиля и редактирования в английском языке, см. Th. A. Sherman. *Modern Technical Writing*. Prentice Hall, 1957, а также специальное периодическое издание: „IRE (the Institute of Radio Engineers) Transactions on Engineering Writing and Speech“, New York.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В. М. Овчаренко

1. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА

§ 1. 1. Одной из важнейших предпосылок успешного решения вопросов структурно-семантического анализа научно-технических терминов представляется четкое разграничение понятий логического и лингвистического терминологирования. При этом научно-технические термины должны рассматриваться не как особые лексические единицы, а как обычные языковые знаки в особой функции — функции названий специальных понятий тех или иных отраслей науки или техники. В настоящей работе мы будем исходить из того, что если логическое терминологирование специального понятия есть строгое фиксирование его существенных признаков через соответствующее определение, то в плане лингвистическом терминологирование — это соотнесение терминологизируемого понятия, ранее выражавшегося описательно, с определенным языковым знаком, который в дальнейшем выступает как постоянное название данного понятия. В этой связи представляется возможным говорить и о терминологировании языкового знака, которое можно описать как соотнесение знака со специальным понятием и закрепление этой соотнесенности.

При рассмотрении процесса терминологирования в лингвистическом плане обращает на себя внимание то обстоятельство, что выбор или построение языковых знаков, используемых в качестве терминов, так или иначе мотивированы, а само соотнесение того или иного знака с терминологизируемым понятием производится по действующим в языке способам метафорического и иного переноса значений. Перенос значения, в свою очередь, обусловлен ассоциативными связями между нетерминологизованным понятием, соотносящимся со значением терминологизируемого знака, и закрепляемым за ним терминологизованным понятием. Как при использовании в качестве термина готового знака данного или другого языка, так и при построении термина из двух или нескольких знаков терминологирование языкового знака есть соотнесение его собственного значения с терминологизованным понятием, т. е. закрепление за языковым знаком нового — терминологического — значения.

§ 1. 2. Под собственным значением языкового знака здесь понимается его ближайшее синхронически воспринимаемое значение, положенное в основу переноса значения при терминологировании данного знака. В зависимости от морфологической структуры знака и конкретных условий его терминологирования в качестве собственного может выступать другое терминологическое или лексическое значение знака, его внутренняя

форма, буквальное значение или же, наконец, инвариант различных значений полисемичного знака. Так, собственным значением термина *atomic power plant* является результирующее значение, получаемое при сочетании терминологических значений знаков *steam* и *power plant* по модели «определяющее (*atomic*) + определяемое (*power plant*)»; это результирующее значение можно приблизительно сформулировать как „*power plant which is atomic*“. В качестве собственного значения термина *generator* выступает его внутренняя форма („*generating agent*“, „*that which generates*“). Собственным значением полисемичного знака *gate* является инвариант его лексического и многочисленных терминологических значений, который может быть приблизительно описан как «устройство для упорядоченного пропускания чего-то»¹.

Если отвлечься от единичных случаев лингвистического терминования путем создания совершенно новых знаков, то следует признать, что значение языкового знака, выступающего в качестве термина, есть семантически сложное образование, складывающееся из собственного и терминологического значений. При этом терминологическое значение может рассматриваться как частный случай реализации собственного значения знака в специальном, ибо в разных лексических и терминологических полях один и тот же знак может иметь неодинаковые значения. Например, сформулированное выше собственное значение знака *generator* в латинском языке было реализовано в трех специальных значениях: 1) *производитель* (у животных); 2) *родоначальник, предок* и 3) *животновод*. В современном английском языке в терминологии электротехники собственное значение этого же знака реализовано в специальном (терминологическом) значении, определяемом как «*машина для преобразования механической энергии в электрическую*»², а в терминологии теплотехники — в значении *паровой котел*. Лексическое значение этого знака, также выступающее как вариант реализации его собственного значения в специальном (хотя и более общим по сравнению с терминологическими значениями), описывается как „*a machine for generating (steam, gas, electricity, etc.)*“³.

Таким образом, общее значение языкового знака, как и знак в целом, представляет собой сложное диалектическое единство общего и частного. В каждом из своих специальных значений — лексических или терминологических, соотносящихся между собой по способам переноса значений, слово или словосочетание выступает как разные знаки, различие между которыми обусловлено именно различием частных значений. Но в то же время такой знак всегда сохраняет свое собственное значение, которое вместе со специальным значением образует общее значение знака и позволяет рассматривать различные в отношении специальных значений, но тождественные в отношении собственного значения знаки как частные случаи реализации одного и того же знака. Так, упоминавшееся выше слово *gate* в различных специальных значениях выступает как разные знаки, но вместе с тем во всех этих случаях оно остается тем же знаком с собственным значением «*устройство для упорядоченного пропускания чего-то*». Из характера соотношения собственного и специальных значений в одном знаке можно заключить, что

¹ Ср. Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. Изд-во «Просвещение», М., 1964, стр. 81 и далее.

² Международный электротехнический словарь, 2-е изд., группа 10. Машины и трансформаторы, Физматгиз, М., 1958.

³ A. S. Hornby et al. The Advanced Learner's Dictionary of Current English, London, 1958.

собственное значение знака относится к системе языка, а специальные значения определяются нормой.

§ 1.3. Частные значения языкового знака, как собственное, так и специальные, обусловлены, с одной стороны, соотносительностью знака с соответствующим понятием, ограниченным в случае терминологического значения четким определением, а с другой, — местом данного знака в соответствующем семантическом (лексическом или терминологическом) поле, членом которого он противопоставлен по значению. Например, в терминологии электротехники значение того же термина *generator* обусловлено не только приведенным выше определением выражаемого им терминированного понятия, но и противопоставленностью этого термина другим терминам электротехники, таким как *motor*, *transformer*, *amplifier*, *switchboard* и т. п. ибо *generator* — это не *motor*, не *transformer*, не *amplifier* и не *switchboard*. Эта противопоставленность распространяется и на термины, соотносящиеся с термином *generator* по роду и виду, такие, как *electric machine*, *induction generator*, *synchronous generator* и т. п.

Очевидно, что если каждое из частных значений языкового знака может в известном смысле отождествляться с соответствующим понятием¹, то совмещение этих значений в одном знаке, осуществляемое в соответствии с нормами переноса значений, есть факт языка, а результирующее общее значение знака есть языковая, а не логическая категория. Очевидно также и то, что отождествление частных значений языкового знака с его общим значением было бы неправомерным, что необходимо учитывать, в частности, при установлении синонимов. Например, термины *atomic power plant* и *nuclear-fired power plant* являются синонимами лишь постольку, поскольку речь идет об их терминологическом значении. В отношении же общего значения эти знаки существенно различаются, что обусловлено различием их собственных значений: для первого термина оно может быть сформулировано как „*power plant which is atomic*“, а для второго — как „*power plant which is nuclear-fired*“.

§ 1.4. Так как конкретное терминологическое значение знака в том или ином терминологическом поле выступает лишь как частный случай реализации его собственного значения, то отсюда следует, что терминологическое значение знака должно соответствовать собственному. О соблюдении этого требования в языке свидетельствуют многочисленные случаи изменения терминов при изменении соответствующих понятий. Например, цепочка терминов *thunder bolt* — *lightning bolt* — *lightning stroke*, из которых в терминологии энергетики в настоящее время употребляется лишь последний, отражает эволюцию понятия о грозовом разряде (ср. в русском языке термины *громоотвод* и *молниеотвод*). Исключение составляют лишь термины типа *aqua regia* или *glory hole*, в основу терминирования которых положена очень далекая метафора или поэтический троп, а также составные термины типа *Leblanc exciter*, включающие в свой состав нелексикализованные имена собственные. В таких знаках взаимное соответствие собственного и терминологического значений отсутствует и в каждом из этих значений словосочетание выступает не как вариант знака, а как новый знак, причем в собственном значении словосочетание является членимым знаком, а в терминологическом — нечленимым, ибо его терминологическое значение никоим образом не выводится из значений составляющих.

¹ Ср. В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. Изд-во МГУ, М., 1962, стр. 340—355.

Однако что касается терминов, включающих в свой состав имена собственные, то они остаются нечленимыми лишь постольку, поскольку соответствующее имя собственное употребляется в данной терминологии в составе лишь одного термина. Но коль скоро это имя начинает сочетаться в пределах данной терминологии с другими знаками, образуя термины, обладающие известной семантической общностью с первым, первоначально нечленимым термином, то оно подвергается лексикализации, в результате которой все эти термины становятся членимыми. В следующем разделе будут рассмотрены некоторые случаи такой лексикализации.

II. ЧЛЕНИМОСТЬ ТЕРМИНОВ И ЭЛЕМЕНТЫ ИХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

§ 2. 1. В современном английском языке, как и в других языках, терминология различных областей науки и техники представлена преимущественно формально-членимыми однословными и составными знаками. Поэтому разработка принципов и методов анализа семантической структуры терминов должна быть направлена прежде всего на членимые термины. В свете современных задач, стоящих перед прикладной лингвистикой, особенно в связи с задачей автоматизации перевода и семантической обработки текстов, к принципам и методам такого анализа предъявляются строгие и довольно определенные требования, одним из которых является требование максимальной формализации и унификации структурно-семантического анализа.

Представляется, что условием такой формализации и унификации является четкое различие логических и лингвистических аспектов структурно-семантического анализа на разных его этапах, прежде всего на первом, цель которого — выявить собственное значение языкового знака. Здесь логическим аспектом анализа членимого термина является установление конкретных признаков понятия, соотносящего с собственным значением термина, путем анализа структуры и взаимоотношения понятий, соотносящихся со значениями его компонентов. Лингвистический анализ на этом же этапе, предвещающий логический, состоит в выявлении непосредственно-составляющих знака и в установлении формального соотношения их значений, независимо от того, какое конкретное значение имеет тот или иной компонент знака, т. е. с каким понятием он соотносится. Таким образом, структурно-семантический анализ термина в лингвистическом аспекте является прежде всего формально-семантическим анализом, поскольку он позволяет установить только формальную структуру значения знака, отвечая на вопрос, из чего, т. е. из значений каких знаков, и как складывается это значение.

§ 2. 2. Итак, на уровне собственного значения семантическая структура членимого термина определяется двумя основными факторами: структурно-семантическим составом, т. е. составом лексически значимых компонентов термина, из которых складывается его собственное значение, и структурной моделью, определяющей характер соотношения значений этих компонентов внутри знака.

В однословных терминах элементами структурной формы, или структурными элементами, являются основообразовательные элементы. В сложных основах это основы-компоненты, а в производно-аффиксальных — производящие основы и основообразовательные аффиксы, выступающие в качестве непосредственно-составляющих основы термина. Так, структурными элементами термина *antechamber* являются компоненты *ante-* и *-chamber*, термина *transformer* — компоненты *transform-* и *-er*, термина *rack-and-pinion* — компоненты *rack-* и *-pinion*. В качестве струк-

турных элементов составных терминов выступают основы полнзначных слов, в том числе различные по морфологической структуре составные, сложные и производные основы, а также словосочетания. Например, структурными элементами термина *hydroelectric power plant* являются основа *hydroelectric* и сочетание *power plant*, а термина *motor-driven generator* — основы *motor-driven* и *generator*.

Элементами структурной модели являются порядок следования структурных элементов и внутренние реляционные элементы. К последним относятся предлоги и союзы, входящие в состав терминов, а также элементы парадигмы, конкретизирующие характер синтаксических и семантических отношений между компонентами термина. Например, в терминах *margin against failure* и *rate of discharge* реляционными элементами являются, соответственно, предлоги *against* и *of*, а в термине *operator's desk* — окончание *'s*. Но в терминах *across-the-line starting* и *phase-to-phase fault* предлоги *across* и *to* элементами структурной модели терминов не являются; они входят в состав компонентов *across-the-line* и *phase-to-phase*, которые в целом выступают как структурные элементы соответствующих терминов.

§ 2. 3. Для выявления собственного значения членимого термина необходимо знание собственных значений его структурных элементов. Но для формального структурно-семантического анализа достаточно установить сам факт знаковости компонентов термина и формальное соотношение их значений внутри термина.

Обычно выявление знаковости или незнаковости компонентов термина, необходимое при установлении его членимости или нечленимости, не представляет особых затруднений благодаря повторяемости этих компонентов в других терминологических и нетерминологических образованиях. Общеизвестным критерием знаковости той или иной совокупности элементов языка является известное положение Ф. де Соссюра о двусторонней природе языкового знака, из которого следует, что совокупность элементов языка является языковым знаком лишь в том случае, если она имеет языковое — лексическое или грамматическое — значение. Практически для определения знакового характера звукового или графического комплекса достаточно его двукратной повторяемости в разных сочетаниях, имеющих известную семантическую общность, которую можно объяснить тождественностью значения данного комплекса. Так, повторяемость комплекса *trado* в двух английских терминах, заимствованных из итальянского языка, — *intrado внутренняя (вогнутая) поверхность арки*, и *extrado внешняя (выгнутая) поверхность арки* — дает основание сделать вывод о его знаковом характере и приписать ему значение *поверхность арки*. Но для окончательного суждения о членимости рассматриваемых основ необходимо, чтобы и другие их компоненты (соответственно *in-* и *ex-*) имели значение, т. е. являлись знаками. В данном случае это требование удовлетворяется, так как по тому значению, которое им можно приписать на основании семантического анализа рассматриваемых основ, указанные компоненты совпадают с омонимичными им знаками в таких основах, как *intrusion*, *extrusion*, *inhale*, *exhale*.

В современном языкознании получил распространение метод выделения знаков, при котором остаточная выделяемость совокупности языковых элементов оказывается достаточным основанием для признания ее знакового характера. Применение этого метода ведет к выделению так называемых «уникальных морфем», таких, как *мал-* в слове *малина*¹

¹ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. Изд-во «Высшая школа», М., 1956, стр. 62—63.

или Моп- в слове Monday¹. Рассмотрение таких уникальных совокупностей элементов языка как знаков основывается на том предположении, что отсутствие значения у них только кажущееся, а в действительности «...мал- и смород- значат то в малине и смородине, соответственно, что отличает эти ягоды друг от друга и от прочих ягод»². Такое утверждение, которое может быть отнесено к любому отдельно взятому элементу языка (можно, например, сказать, что фонема *м* в знаке *мал* «значит» то, что отличает означаемое этого знака от означаемых знаков *вал*, *зал*, *бал* и т. п.) делает невозможной формализацию принципа остаточной выделяемости, так как это привело бы к выделению большого количества «знаков», выполняющих в языке лишь смыслоразличительную функцию. Так, усмотрев некую семантическую общность у частично совпадающих по форме основ *fence* и *defence*, можно выделить из состава основы *defence* «знак» -*fence*; при этом автоматически приписывается знаковость и комплексу *de-*. Точно так же, сопоставляя основу *cover* с основами типа *switcher*, *blower* и т. п. и интерпретируя ее собственное значение как «that which covers» (ср. «that which switches», «that which blows»), можно выделить в этой основе «суффикс» -*er* и несуществующую производящую основу *cov-*, которая «значит» то, что отличает *cover* от *switcher*, *blower* и т. п. Вполне очевидно, что в подобных случаях можно говорить лишь о смыслоразличительной функции остаточных групп языковых элементов, но не об их значении.

§ 2. 4. Вышеизложенное подтверждает справедливость того положения, что формальным признаком знаковости той или иной совокупности элементов языка может служить лишь ее повторяемость в разных основах, причем эти основы должны обладать известной семантической общностью, которую можно объяснить тождественностью значения повторяющегося комплекса (см. выше анализ основ *intrado* и *extrado*). Вычленение же «уникальных морфем» по признаку остаточной выделяемости не имеет формальных оснований. Но теперь возникает вопрос о членимости основ, включающих в себя остаточные комплексы. Членение таких основ привело бы к нарушению принципа структурной однородности языковых знаков, проявляющегося в том, что словосочетание членится на слова, слово — на морфемы, морфема — на фонемы. Поэтому основа *Monday* не может члениться на знак -*day* и фонемный остаток Моп-, точно так же, как основа *cover* не может члениться на знак -*er* и фонемный остаток *cov-*.

Представляется, что приемлемым решением вопроса о членимости таких основ могло бы быть признание их нечленимыми, т. е. признание того, что сочетание знака с незнаком дает один знак. При таком подходе легко обнаруживаются как случаи опрощения основ типа *Monday*, так и случаи образования новых знаков за счет разложения ранее нечленимых основ, как это имело место при образовании знака -*trado*.

Изложенные принципы могут использоваться и для выявления терминологической членимости терминов, в том числе и составных. Например, сопоставляя термины *Kaplan turbine* — *поворотнлопастная турбина*, *Kaplan wheel* — *поворотнлопастное рабочее колесо* и *Kaplan design* — *поворотнлопастная конструкция*, нетрудно убедиться, что семантическая общность между ними обусловлена наличием вполне определенного собственного значения (*поворотнлопастной*) у лексика-

¹ H. Marchand. The Categories and Types of Present-day English Wordformation. Wiesbaden, 1960, стр. 2—4.

² А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 62.

лизованного имени собственного Kaplan, что и делает все сочетания с этим знаком терминологически членимыми.

Рассмотрим теперь термины *Leblanc connection* и *Leblanc exciter*. Терминологическое значение первого формулируется как "An arrangement for the transformation of three-phase to two-phase voltage or vice versa by using a three-phase transformer", а второе—как "A polyphase rotor with a commutator rotating in its own magnetic field and capable of supplying reactive power when it is rotating at a speed above synchronism"¹. Сравнительное рассмотрение приведенных определений показывает, что в значениях терминов *Leblanc connection* и *Leblanc exciter* полностью отсутствуют какие бы то ни было общие элементы, наличие которых можно было бы объяснить структурно-семантическим сходством этих терминов, приписав то или иное значение компоненту *Leblanc*. Отсюда можно заключить, что в терминологии электротехники комплекс *Leblanc* не имеет собственного или терминологического значения, т. е. не является знаком. Следовательно, вторые компоненты рассматриваемых терминов, имеющие ярко выраженный знаковый характер, также не могут рассматриваться в этих терминах как знаки, ибо каждый из них образует один знак с компонентом *Leblanc*.

III. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЧЛЕНИМЫХ ТЕРМИНОВ

§ 3. 1. В современном английском языке различные семантические отношения между структурными элементами членимых научно-технических терминов, как однословных, так и составных, сводятся к двум основным формальным типам: сочинению и подчинению. Эти типы формально-семантических отношений выделяются благодаря их четкой взаимной противопоставленности.

При сочинении значения сочетающихся знаков складываются таким образом, что результирующее значение всего образования выступает как сумма значений взаимно координированных структурных элементов. Примерами сочинительных образований могут служить сложные основы *motor-generator* и *pump-turbine*. О сочинительном характере этих образований свидетельствует их сопоставление с контекстуальными сочетаниями *motor and generator* и *pump and turbine*, имеющими аналогичную формально-семантическую структуру сочинительного типа. Но основным способом установления характера структурной модели образования является анализ его собственного значения, направленный на выявление формально-семантических функций его непосредственно-составляющих и их роли в формировании собственного значения всего образования. Структурные элементы терминов сочинительного типа выступают по отношению друг к другу как равноправные, взаимно координированные и взаимозависимые компоненты одного грамматического и семантического целого, выполняя в составе образования одинаковые синтаксические и формально-семантические функции.

Сочинительную формально-семантическую структуру имеют некоторые, сравнительно немногочисленные, сложные основы однословных терминов, такие как *gib-and-cotter*, *triode-pentode*, *pawl-and-ratchet*, *pump-turbine* и т. п. Они образуются из двух или более свободных основ и, как видно из приведенных примеров, могут быть бессоюзными или копулационными. Такую же структуру могут иметь и однословные компоненты составных терминов, например, выделенные курсивом компоненты

¹ Международный электротехнический словарь, 2-е изд., группа 10. Машины и трансформаторы, Физматгиз, М., 1958.

терминов *asynchronous motor-generator, series-parallel connection, steam-power plant*. На уровне словосочетаний сочинительную структуру имеют составные наименования единиц измерения типа *revolutions per minute, kilowatts per hour*, а также составные термины, образованные по способу приложения, такие как *breeder reactor, booster transformer, selector switch*.

Однословные сочинительные образования отличаются от подчинительных не только тем, что в них собственное значение всей основы есть сумма значений ее компонентов, но также независимость этого значения от порядка следования структурных элементов основы. Об этом свидетельствует полная синонимичность таких пар терминов, как *motor-generator* и *generator-motor, series-parallel connection* и *parallel-series connection, pawl-and-ratchet* и *ratchet-and-pawl*. В отдельных случаях порядок следования координированных структурных элементов может быть в известной мере устойчивым, как в термине *boiler-turbine-generator control board*. Но здесь это объясняется не особенностями формально-семантической структуры, а последовательностью технологического процесса.

§ 3. 2. В образованиях подчинительного типа функции структурных элементов неодинаковы и их роль в формировании собственного значения всего образования неравноправна. Здесь значение одного структурного элемента — определяемого — ограничивается значением другого — определяющего, и это ограниченное значение определяемого структурного элемента выступает как результирующее собственное значение всего образования. Например, собственные значения терминов *autotransformer* и *single-phase transformer* есть, фактически, собственное значение определяемого компонента — *transformer*, ограниченное значением соответствующего определяющего компонента — *auto-* или *three-phase*. Точно так же собственное значение основы *transformer*, которое можно приблизительно сформулировать как *агент (орудие) трансформации* или *то, что трансформирует* (*that which transforms*), воспринимается как значение определяемого компонента основы — суффикса *-er* (*агент, орудие какого-то действия*), ограниченное значением определяющего компонента — *transform-*, который уточняет, какое именно действие выполняется агентом (орудием).

Таким образом, определяемый структурный элемент образования подчинительного типа выступает как семантически доминирующий компонент, представляющий своим ограниченным значением значение всего образования. Поэтому именно к определяемым структурным элементам подчинительных образований можно применить термин **семантическое ядро**, получивший в последнее время хождение в языкознании. Что же касается второго компонента таких образований — определяющего, то, учитывая его формально-семантическую функцию, состоящую в ограничении, конкретизации, специализации семантического ядра, этот компонент можно назвать **спецификатором**.

Термин «модификатор», применяемый некоторыми авторами¹ в подобных случаях, не отражает характера семантических отношений между определяющим и определяемым компонентами подчинительного образования, поскольку в таком образовании значение семантического ядра лишь конкретизируется, «привязываясь» к значению спецификатора, но качественно остается тем же самым. Например, значения терминов *control relay, current relay* и *voltage relay* воспринимаются как варианты

¹ См. К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Изд-во «Высшая школа», М., 1962, стр. 230—245.

значения их семантического ядра — relay. Собственные значения терминов water power plant, steam power plant и atomic power plant воспринимаются как варианты значения сочетания power plant. И, наконец, значения терминов blower, heater и generator воспринимаются как варианты собственного значения агентивного суффикса -ег, образующего семантическое ядро приведенных основ, значения которых подводятся под одну семантическую модель: "that which performs the action", т. е. "that which blows heats, transforms".

✓ § 3. 3. Структурно-семантические отношения подчинительного типа имеют место между структурными элементами как составных, так и однословных терминов. В однословных терминах в качестве семантического ядра могут выступать производящая основа (superheater), определяемый компонент сложной основы (servomechanism, switchyard) и основообразовательный суффикс (heater, conductance, phasing-out), который в производно-суффиксальных основах выступает как «...семантически доминирующий элемент и определяемая часть синтагмы»¹.

Некоторые авторы отрицают семантически доминирующую роль основообразовательных суффиксов, мотивируя это тем, что значения аффиксов вообще якобы менее четки, конкретны и определены, чем значения производящих основ². Но касаясь вопроса о правомерности подобных утверждений в плане логического анализа семантического содержания языковых знаков, следует отметить их неприемлемость в плане формально-семантического анализа субстантивных образований, к которым относятся научно-технические термины. Основообразовательные суффиксы имен существительных, кроме оценочных (которые, кстати, в образовании научно-технических терминов обычно не участвуют), всегда образуют с производящей основой внутреннюю атрибутивную синтагму, выступая в качестве ее определяемого члена. А так как при формально-семантическом анализе учитывается не конкретное значение того или иного компонента сложного знака, а лишь сам факт его знаковости, т. е. наличие у него значения, и его отношение к другим компонентам анализируемого знака, то в производно-суффиксальной основе значение суффикса всегда оказывается в формальном отношении более определенным, чем значение производящей основы, поскольку именно значение суффикса, ограниченное и конкретизированное значением производящей основы (спецификатора), выступает как результирующее значение всего образования. Рассмотрим, например, формально-семантическую структуру термина resuperheater на уровне предельно-составляющих, которую можно представить следующим образом:

$$RE \rightarrow [SUPER \rightarrow (HEAT \rightarrow ER)],$$

где стрелка показывает направление атрибутивной связи, а скобки — ее последовательность. В этой основе значение суффикса -ег, ограниченное значением морфемы -heat-, выступает как результирующее значение образования -heater и как таковое подвергается последовательному ограничению значениями двух последующих спецификаторов (соответственно super- и ге-), причем образование -superheater, в свою очередь, выступает как семантическое ядро по отношению к спецификатору ге-. В результате собственное значение суффикса -ег оказывается ограниченным значениями трех последовательных спецификаторов, т. е. трижды

¹ Н. Marchand. Указ. соч., стр. 174.

² См. К. А. Левковская. Указ. соч., стр. 230—284; Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Изд-во «Высшая школа», М., 1959, стр. 59.

определенным, тогда как значения самих спецификаторов, в том числе и значение корневой морфемы *-heat-*, не претерпевают никаких формальных преобразований.

Роль спецификаторов в основах однословных терминов могут выполнять только такие основообразовательные элементы, которые способны нести атрибутивную функцию. В сложных основах эту роль выполняет одна из основ-компонентов (*spillway, tailrace*), в производно-префиксальных — основообразовательный префикс (*semiconductor, supercharger, undervoltage*), а в производно-суффиксальных, как уже отмечалось, — производящая основа (*heat-exchanger, reactivity*).

В составных терминах семантическое ядро может быть выражено любым словом или словосочетанием, способным выступать в качестве самостоятельного термина и соотносящимся своим собственным значением с родовым признаком соответствующего терминированного понятия. В качестве спецификатора может выступать основа любого полнозначного слова, способная выполнять атрибутивную функцию и соотносящаяся своим собственным значением с последним видовым признаком терминированного понятия. В приведенных ниже составных терминах жирным шрифтом выделено семантическое ядро:

single-curvature arch dam, feathering water turbine, across-the-line connection, coefficient of friction, friction coefficient, slow-to-operate relay, power-and-irrigation dam.

§ 3. 4. Итак, английские членимые научно-технические термины могут иметь подчинительную или сочинительную формально-семантическую структуру, на выявление которой, а также на установление структурных элементов термина, находящихся в отношениях сочинения или подчинения, и должен быть направлен формально-семантический анализ. Дальнейший семантический анализ термина, направленный на раскрытие связи его собственного значения с терминологическим и на выявление последнего, можно представить лишь в тесной связи с логическим анализом соответствующих понятий и закономерных ассоциаций между ними, обуславливающих взаимосвязь собственного и специального значений языкового знака. Представляется, что детальная разработка методов и приемов семантического анализа английских научно-технических терминов в этом плане способствовала бы успешному решению задачи автоматизации семантической обработки и перевода английских научно-технических текстов.

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬНОСТЬ
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале терминологии электротехники)**

В. М. Овчаренко

§ 1. В современном английском языке широко распространены многокомпонентные составные образования терминологического характера типа *polyphase series commutator motor with rotor transformer, electromagnetically-operated rotary step-by-step switch, gasoline-driven alternating-current constant-speed squirrel-cage generator* и т. п. Теоретически количество атрибутивных элементов таких образований может возрасти бесконечно, ибо это допускается нормами английского языка. Например, сочетание *gasoline-driven alternating-current constant-speed squirrel-cage generator* может еще расшириться за счет таких определений, как *totally-closed, pushbutton-operated* и т. п.: *totally-closed pushbutton-operated gasoline-driven alternating-current constant-speed squirrel-cage generator*.

Громоздкость таких сочетаний, сравнительная легкость и произвольность их образования заставляют предположить, что это не термины, а свободные терминологические сочетания, образующиеся в результате контекстуального объединения нескольких терминов, имеющих одинаковую определяемую часть. Действительно, последнее из приведенных сочетаний легко членится на ряд более простых терминов с определяемым элементом *generator*: *totally-closed generator, pushbutton-operated generator, gasoline-driven generator, alternating-current generator, constant-speed generator* и *squirrel-cage generator*.

Практически такому же членению на ряд двусоставных и трехсоставных терминов поддаются и другие приведенные выше многокомпонентные образования, но произвольный характер подобного членения может вызвать возражения, тем более, что эти два сочетания взяты нами из авторитетных терминологических словарей¹, где они приводятся как термины. Однако, с другой стороны, терминологичность таких образований также теоретически нигде не доказана: в работах по терминологии и лексикографии проблема отграничения составных терминов от свободных терминологических сочетаний фактически остается открытой. Предлагаемый некоторыми авторами² критерий устойчивости или неустойчивости сочетания является весьма нечетким и рассчитан скорее на интуицию исследователя, чем на объективный анализ сочетания.

¹ Международный электротехнический словарь, 2-е изд., группа 10. Машины и трансформаторы. Физматгиз, М., 1958; И. С. Глузман. Англо-русский словарь по железнодорожной автоматике, телемеханике и связи. Физматгиз, М., 1958.

² См., напр., Э. Ф. Скороходько. Вопросы перевода английской технической литературы. Изд-во Киевск. ун-та, 1963, стр. 50—54.

Этим, очевидно, и объясняется то обстоятельство, что во многих терминологических словарях, особенно в переводных (двуязычных и многоязычных), приводится значительное число многокомпонентных образований, терминологическая цельность которых вызывает сомнение. Отсюда очевидно, что разработка четких объективных критериев отграничения составных терминов от свободных терминологических сочетаний могла бы в значительной мере способствовать рационализации терминологической лексикографии и привела бы к уменьшению объема словарей.

§ 2. В основу разграничения терминологически цельных и свободных составных образований терминологического характера может быть положен критерий наличия или отсутствия родо-видовых связей между однословными компонентами сочетания. Применение этого критерия логически оправдано и практически несложно. Прежде чем переходить к анализу внутренних родо-видовых связей в терминологических сочетаниях, рассмотрим вкратце принципы построения классификационных схем, применяемых при анализе внешних родо-видовых связей терминов. Анализ терминов и терминологических сочетаний, имеющий целью установление их внешних и внутренних родо-видовых связей, мы будем называть классификационным анализом.

Классификационный анализ, направленный на установление внешних родо-видовых связей терминов, принадлежащих к одному терминологическому полю, широко применяется в работе Комитета технической терминологии¹, которым разработаны принципы построения классификационных схем терминов. В зависимости от характера семантических и родо-видовых связей между отдельными терминами и их группами, входящими в такую схему, термины располагаются в схеме по вертикальным и горизонтальным рядам. Все термины в схеме подчинены одному общему родовому термину. Для терминов на приведенной ниже схеме таким общим родовым термином является термин *relay*, по отношению к которому все другие термины выступают как видовые или подвидовые.

§ 3. Однако внутри классификационной схемы родо-видовая связь между терминами и их группами имеет различный характер. Прежде всего следует отметить родо-видовую зависимость, которая существует между терминами, соотносящимися друг с другом как родовые и видовые. Родо-видовая зависимость — это форма семантической связи между терминами, выражающаяся в частичном совпадении их значений. При этом понятие, которое соотносится со значением видового термина, выступает как ограниченный дополнительным признаком вариант понятия, соотносящегося со значением родового термина. В классификационной схеме термины, связанные между собой родо-видовой зависимостью, образуют вертикальные (иерархические) ряды. В рассматриваемой схеме примерами иерархических рядов могут служить следующие ряды терминов: *relay* — *time-lag relay* — *independent time-lag relay*; *relay* — *control relay* — *lighting control relay*; *relay* — *voltage relay* — *maximum voltage relay* и т. п.

Термины, между которыми родо-видовая зависимость отсутствует, располагаются в схеме по горизонтальным (классификационным) рядам, причем принадлежность термина к тому или иному классификационному ряду определяется типом отраженного в нем видового признака. Например, сопоставляя термины *current relay*, *voltage relay* и

¹ См., напр., Руководство по разработке и упорядочению научно-технической терминологии, под ред. акад. А. М. Терпигорева. Изд-во АН СССР, М., 1952.

time-lag relay, нетрудно заметить, что между терминами current relay и voltage relay, с одной стороны, и термином time-lag relay — с другой, имеется существенное различие: видовые признаки, отраженные в первых двух терминах, указывают на величину, воздействующую на реле (current, voltage), а в третьем термине отражен видовой признак, указывающий на характер срабатывания реле (time-lag). Это позволяет различать однотипные и разнотипные видовые признаки, отраженные в значениях терминов, входящих в одну классификационную схему, но не связанных между собой родо-видовой зависимостью. Термины, в значениях которых отражены видовые признаки одного типа, входят в один классификационный ряд. В приведенной схеме термины образуют классификационные ряды по следующим основным типам дифференциальных признаков:

физический принцип работы: magnetoelectric relay, electrodynamic relay, induction relay, magnetic relay, thermal relay;

воздействующая величина: current relay, voltage relay, frequency relay, power relay;

назначение реле: cut-off relay, protective relay, control relay, starting relay, shut-down relay и т. д.

Аналогичные ряды образуют и подвидовые термины. Например, термины, видовые по отношению к термину time-lag relay, образуют классификационный ряд по типу признаков, указывающих на наличие или отсутствие зависимости времени выдержки от значения воздействующей величины: dependent time-lag relay, independent time-lag relay и т. д.

Таким образом, между терминами, образующими классификационные ряды, родо-видовая зависимость отсутствует, но имеет место известная семантическая общность, обусловленная однотипностью видовых признаков, отраженных в их значениях.

И, наконец, термины разных классификационных рядов не связаны между собой ни родо-видовой зависимостью, ни общностью типа видовых признаков. Семантическая связь между ними обусловлена лишь общностью основного родового признака, отраженного в их значениях. Примерами разнотипных терминов, не связанных между собой родо-видовой зависимостью, могут служить следующие пары терминов: beam relay и shut-down relay, slow-acting relay и active-power relay, induction relay и cut-off relay и т. д.

§ 4. Рассмотренные типы внешних родо-видовых связей терминов, входящих в одну классификационную схему, отражают семантическую, а не структурную общность терминов. Тем не менее структурная форма видовых терминологических образований, особенно составных, обычно бывает производной от структурной формы соответствующих родовых терминов. Так, в видовом термине control relay первый компонент указывает на видовой признак соответствующего понятия, а второй компонент — на родовый признак. Компоненты подвидового термина temperature control relay последовательно отражают подвидовой (temperature), видовой (control) и родовый (relay) признаки выражаемого понятия. Это дает основание говорить о родо-видовой зависимости между компонентами видовых терминов, образованных на базе соответствующих родовых терминов.

Родо-видовые связи внутри составных терминологических образований не ограничиваются одной лишь родо-видовой зависимостью. В современном английском языке широко распространены и такие терминологические сочетания, видовые компоненты которых отражают своим значением однотипные и разнотипные видовые признаки. Например,

в термине maximum-and-minimum voltage relay компоненты maximum- и -minimum указывают на видовые признаки одного типа (значение величины, воздействующей на реле), а в терминологическом сочетании electrodynamic double-armature relay видовые компоненты electrodynamic и double-armature передают своими значениями разнотипные видовые признаки, указывающие, соответственно, на особенности конструкции реле и на физический принцип его работы.

В зависимости от характера внутренних родо-видовых связей имеются три разновидности терминологических сочетаний, которые рассматриваются ниже.

§ 5. Терминологические сочетания с последовательной родо-видовой зависимостью компонентов. Для терминов одного иерархического ряда характерна последовательность развития признаков, которая состоит в том, что дополнительный признак, отраженный в значении подвидового термина, непосредственно ограничивает лишь дополнительный признак, отраженный в значении видового термина, и лишь через него — родовой признак. Так, в термине active power relay признак, передаваемый значением компонента active, непосредственно характеризует только предшествующий видовой признак (power) и уже через него — родовой признак (relay).

Видовые термины образуются главным образом путем добавления к непосредственно предшествующему родовому термину нового структурного элемента (атрибутивного), благодаря чему термин получает дополнительный видовой признак и переходит в следующий родо-видовой разряд. При многократном повторении этого процесса образуются многосоставные термины. Несмотря на то, что при образовании новых составных терминов некоторые структурные элементы исходных терминов могут опускаться¹, цепочка атрибутивных элементов многосоставного термина обычно отражает процесс образования иерархического ряда терминов, связанных между собой родо-видовой зависимостью. Это хорошо видно на примере следующих иерархических рядов терминов: relay — control relay — feed control relay — fuel feed control relay; rheostat — field rheostat — exciter field rheostat; motor — enclosed motor — totally enclosed motor и т. п.

Основной структурно-семантической особенностью терминологических сочетаний с последовательной родо-видовой зависимостью компонентов является строго фиксированный порядок атрибутивных элементов относительно друг друга, который исключает возможность изменения их относительного местоположения в составе сочетания без изменения общего значения всего сочетания. Об этом свидетельствует четкое различие значений таких терминов, как motor starting torque (пусковой момент электродвигателя) и starting motor torque (момент пускового электродвигателя). В большинстве же случаев при подобной перестановке атрибутивных элементов образуются либо совершенно бессмысленные сочетания, либо сочетания, не имеющие терминологического значения. Ср.: cantelever brush holder — brush cantelever holder, reaction brush holder — brush reaction holder, totally enclosed motor — enclosed totally motor и т. п.

Такой же строго фиксированный порядок расположения атрибутивных элементов, связанных между собой родо-видовой зависимостью, имеет место и в предложных терминологических сочетаниях, для которых характерна обратная последовательность родовых и видовых компонен-

¹ Д. С. Лотте. Основы построения научно-технической терминологии. Изд-во АН СССР. М., 1961, стр. 90—91, 128—152.

тов. Например, в термине *machine with open-circuit ventilation* непосредственно после предлога следует подвидовой компонент (*open-circuit*), а за ним — видовой компонент (*ventilation*). Изменение порядка следования этих компонентов неизбежно влечет за собой изменение значения всего сочетания.

Зависимость значения всего сочетания от порядка следования однословных компонентов его определяющей части присуща только терминологическим сочетаниям с последовательной родо-видовой зависимостью компонентов и может служить основным критерием идентификации сочетаний данного типа. Терминологическая цельность таких сочетаний несомненна, ибо они не поддаются разложению на ряд терминов, сумма значений которых давала бы значение всего сочетания, как это имеет место в упоминавшихся выше сочетаниях типа *gasoline-driven alternating-current generator*. Поэтому о сущности, обозначаемой, например, термином *totally enclosed motor*, нельзя сказать “*This is a totally motor and an enclosed motor*”. (Ср. “*This is a gasoline-driven generator and an alternating-current generator*”).

§ 6. Терминологические сочетания с координированными однотипными компонентами определяющей части сочетания. Не подлежит сомнению и терминологическая цельность сочетаний со сложным атрибутивным элементом, отдельные компоненты которого входят в состав других терминов, стоящих в том же классификационном ряду, что и данный термин. Так, например, в ряду терминов, видовых по отношению к термину *voltage relay* (см. схему), наряду с терминами *maximum voltage relay* и *minimum voltage relay* имеется термин *maximum-and-minimum voltage relay*. Между координированными компонентами элемента *maximum-and-minimum* родо-видовая зависимость отсутствует, так как оба они при раздельном употреблении выражают своими значениями однотипные признаки, которые выступают как подвидовые по отношению к видовому признаку *voltage*. Но в составе одного термина эти компоненты вступают в функционально-обусловленную морфологическую и семантическую связь, которая состоит в том, что они образуют сложное слово, передавая своим общим значением один сложный признак соответствующего понятия, выступающий наряду с признаками *maximum* и *minimum* как подвидовой по отношению к видовому признаку *voltage*.

По своей морфологической структуре сложные основы, которые образуются координированными компонентами, выражающими один сложный признак, могут быть бессоюзными и копулативными. Примеры бессоюзных: *series-parallel winding*, *star-delta connection*, *kilovolt-ampere-hour meter*. Примеры копулативных: *capacitor-start-and-capacitor-run motor*, *maximum-and-minimum voltage relay*.

Морфологическая и семантическая цельность рассматриваемых сложных атрибутивных элементов обуславливает и их функциональное единство, которое проявляется в том, что при контекстуальных сокращениях терминов с такими атрибутивными элементами сложный атрибутивный элемент может опускаться только в своем полном составе, но не частично. При повторном употреблении в контексте такого термина, например термина *series-parallel winding*, вместо него можно употребить его родовой компонент с детерминативом (*the winding*, *this winding* и т. п.), который в таком случае будет передавать терминологическое значение всего сочетания. При частичном же сокращении такого термина, т. е. при употреблении форм *series winding* или *parallel winding* значение сочетания полностью изменяется, приобретая другую понятийную отнесенность. Сочетания же с родо-видовой зависимостью компонентов

определяющей части и сочетания, атрибутивные элементы которых принадлежат к разным классификационным рядам, допускают как полное, так и частичное сокращение определяющей части сочетания. Ср., например, *fuel feed control relay — this feed control relay — that control relay — the relay*.

Формальное отличие составных терминов со сложным атрибутивным элементом рассматриваемого типа от сходных по морфологической структуре свободных сочетаний терминологического характера проявляется, в частности, в том, что термин сохраняет свою структурную форму как во множественном числе, так и в единственном, и не может быть расчленен на два или несколько терминов, дающих в сумме такое же значение. Например, если отвлечься от написания, то сочетание *maximum-and-minimum voltage relays* можно интерпретировать двояко: и как форму множественного числа термина *maximum-and-minimum voltage relay*, и как контекстуальное объединение терминов *maximum voltage relay* и *minimum voltage relay*. Но при употреблении в единственном числе термин сохраняет свою форму, а свободное сочетание распадается на два термина.

У терминов данного типа в отличие от терминов с последовательной родо-видовой зависимостью компонентов определяющей части значение всего сочетания не зависит от порядка следования координированных компонентов сложного атрибутивного элемента. Относительное расположение этих компонентов либо произвольно (ср. *series-parallel winding* и *parallel-series winding*), либо определяется соображениями неязыкового типа, как в термине *boiler-turbine-generator board*, где порядок следования компонентов определяющей части обусловлен последовательностью производственного процесса.

§ 7. Терминологические сочетания с параллельными разнотипными компонентами определяющей части.

В английской научно-технической речи широко применяются контекстуальные сокращения, в том числе и сокращения терминов. Разновидностью таких сокращений является контекстуальное объединение терминов, в составе которых имеются компоненты, совпадающие по форме и по значению. Основой объединения может являться совпадение как родовых, так и видовых компонентов. Такими совмещениями являются сочетания *maximum and minimum relays*, *synchronous and asynchronous machines* (вместо *synchronous machines and asynchronous machines*), *motor and generator accessories* (вместо *motor accessories and generator accessories*) и т. п. Как правило, контекстуальному объединению на базе общего родового компонента подвергаются термины с однотипными видовыми компонентами.

Контекстуальному объединению на базе общего видового компонента могут подвергаться разнородные термины, имеющие в своем составе одинаковые атрибутивные элементы. Это совмещения типа *electric machines and accessories* (вместо *electric machines and electric accessories*), *induction motors and generators* (вместо *induction motors and induction generators*) и т. д.

Данные виды контекстуальных объединений могут иметь место только при употреблении соответствующих терминов в форме множественного числа. В единственном числе такие образования распадаются на два или несколько самостоятельных терминов, что и может служить формальным критерием их отграничения от аналогичных по морфологическому составу терминов, таких как *power-and-irrigation scheme*, *make-and-break switch* и др. Имеется, однако, еще одна разновидность контекстуального совмещения терминов на базе общего родового компонента,

в результате которого образуются терминообразные сочетания двух или нескольких составных терминов, способные употребляться и в форме единственного, и в форме множественного числа. Это объединения терминов с разнотипными атрибутивными элементами, входящих в различные классификационные ряды одной классификационной схемы. Так, разнотипные видовые и подвидовые термины (*double-armature relay*, *instantaneous relay*, *starting relay* и т. п.) при изложении могут совмещаться в сочетаниях типа *double-armature instantaneous relay*, *quick-acting control relay*, *electrodynamic dependent time-lag relay* и т. д. Разнотипные классификационные ряды одной классификационной схемы. Так, ношениях родо-видовой зависимости с родовым компонентом образования — *relay*, но между самими этими компонентами отсутствует как родо-видовая зависимость, так и связь по типу отражаемого видового признака.

Благодаря отсутствию родо-видовой зависимости между компонентами определяющей части таких сочетаний значение всего сочетания, так же как и в случае сочетаний с параллельными однотипными видовыми компонентами, не зависит от порядка следования этих компонентов, поэтому их расположение относительно друг друга либо произвольно, либо определяется соображениями несемантического характера, например удобосочетаемостью. Ср.: *quick-acting protective relay* и *protective quick-acting relay*, *magnetoelectric shunt-field relay* и *shunt-field magnetoelectric relay*, *variable-speed alternating-current motor* и *alternating-current variable-speed motor* и т. п. Разнотипность видовых компонентов таких сочетаний обуславливает и отсутствие морфолого-семантической и функциональной связи между ними, благодаря чему в составе сочетания эти компоненты сохраняют свою лексическую автономность, оставаясь отдельными словами (или словосочетаниями). При контекстуальном сокращении таких сочетаний (в случае повторного их употребления) может опускаться не только определяющая часть сочетания, но и любой из разнотипных видовых компонентов. Ср.: *quick-acting control relay* — *this quick-acting relay* — *the said control relay* — *the relay*.

Отсутствие родо-видовой зависимости между разнотипными атрибутивными элементами рассматриваемых сочетаний, независимость общего значения сочетания от порядка следования компонентов определяющей его части, а также способность этих сочетаний свободно члениться на столько однородных, но разнотипных терминов, сколько разнотипных видовых компонентов входит в определяющую часть сочетания, — все это говорит о том, что такие образования являются свободными терминологическими сочетаниями, получаемыми в результате контекстуального объединения двух или нескольких составных терминов. Однако вследствие чисто внешнего сходства таких сочетаний с многосоставными терминами образования этого типа нередко рассматриваются как термины, что, с одной стороны, затрудняет решение некоторых теоретических и практических вопросов терминологии, а с другой, — ведет к неоправданному расширению словарей терминологических словарей. Так, в словаре И. С. Глузмана¹ в гнезде *switch* помещено 227 терминологических сочетаний, из которых 28 являются свободными. Это такие сочетания, как *electromagnetically-operated rotary step-by-step switch*, *single-throw double-pole air break switch*, *automatic safety switch* и др. Наряду со свободными терминологическими сочетаниями приводится и

¹ И. С. Глузман. Англо-русский словарь по железнодорожной автоматике, телемеханике и связи. Физматгиз, М., 1958.

большинство составляющих их терминов, таких, как single-throw switch, rotary switch, automatic safety switch и др.

Помещать такие свободные сочетания терминов в словари нецелесообразно, ибо их значение прямо вытекает из суммы значений составляющих их терминов. Кроме того, отразить в словарях все возможные свободные сочетания составных терминов трудно потому, что число таких сочетаний очень велико.

§ 8. Описанный метод разграничения составных терминов и свободных терминологических сочетаний, основанный на анализе внешних и внутренних родо-видовых связей терминологических сочетаний, несложен для практического применения, но требует четкого понимания классификационных связей терминов и их формальной и семантической структуры. Применение такого анализа при составлении терминологических словарей позволит значительно сократить объем их словников и тем самым повысить практическую ценность этих словарей.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЛАТИНСКОЙ
МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

М. П. Терехова

При изучении вопросов развития медицинской терминологии особое внимание заслуживает латинская терминология. Латинский язык не только явился источником международных терминов в медицине, но и в течение долгого времени, включая XIX век, был языком научного общения ученых-медиков многих стран. Так, на латинском языке писали труды крупнейший анатом Везалий (1514—1564)¹, которого по праву считают отцом современной анатомии, один из выдающихся современников Везалия Габриэль Фаллопий (1523—1562)², основатель микроскопической анатомии Марчелл Мальпиги (1628—1694)³, известный анатом Самуэль Томас фон Зоммерринг (1755—1830)⁴, профессор патологии А. М. Шумлянский (1748—1795)⁵ и профессор Московской хирургической академии и Харьковского университета П. М. Шумлянский (1750—1821)⁶, знаменитый русский хирург и анатом, основоположник научной школы в хирургии Н. И. Пирогов (1810—1881) и многие другие ученые. Язык этих трудов, в значительной своей части сохранивших научную ценность до наших дней, ориентирован на грамматические нормы классической латыни, но изобилует новыми по форме и по значению словами, неизвестными не только классическому, но и более поздним периодам развития латинского языка.

В данной статье мы ставим перед собой задачу описать наблюдения над развитием латинской медицинской анатомической терминологии, сделанные нами при изучении работы Н. И. Пирогова „*Anatome topographica*”⁷. Этот труд, являющийся одним из высочайших достижений медицинской науки XIX в., содержит полное и подробное описание соотношения отдельных органов и тканей всех областей человеческого тела, что потребовало от ученого особой тщательности и точности в обозначении описываемых образований, большого внимания при отборе синонимов и, естественно, известных лексических нововведений в области анатомической терминологии.

Мы ограничиваемся описанием одного из наиболее продуктивных способов словообразования — морфологического, который, как и в рус-

¹ A. Vesalius. De humani corporis fabrica libri septem. 1545.

² G. Fallopius. Observationes anatomicae. 1561.

³ M. Malpighi. De externo tactus organo. 1665.

⁴ S. Th. Soemmerring. De basi encephali etc. 1778.

⁵ A. Schumlanski. De structura renum. 1782.

⁶ P. Schumlanski. De proxima topicae inflammationis causa. 1789.

⁷ N. Pirogoff. Anatome topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata. Pars I. (Cavea cranii. Organa sensus. Columna vertebralis. Collum). Petropoli, 1859.

Н. Пирогов. Топографическая анатомия, иллюстрированная рассечениями, проведенными в трех направлениях через замороженное человеческое тело. Часть I. (Полость черепа. Органы чувств. Позвоночный столб. Шея). Петербург, 1859.

ском языке, «определяет особенную гибкость и выразительность словарного состава»¹. Объектом изучения являются главным образом существительные и прилагательные, составляющие основу латинской медицинской терминологии.

Морфологическое словообразование в латинском языке представлено суффиксальным, префиксальным способами и словосложением.

1. Суффиксальное словообразование в медицинской терминологии

Как показывает изученный нами материал, суффиксальный способ словообразования является наиболее продуктивным в медицинской терминологии.

В труде Н. И. Пирогова чрезвычайно часто встречаются слова с уменьшительными суффиксами *-ul*, *-ol*. Значительная группа таких слов из „*Anatome topographica*“, как *tubulus* (трубочка), *corpusculum* (тельце), *corniculum* (маленький рог), *fossula* (ямочка) и многие другие, имели широкое распространение уже в классической латыни².

Наряду с этими существительными встречается немало число слов, не употреблявшихся в классическом языке: *uvula* (язычок), *foveola* (ямочка), *septulum* (перегородочка), *arteriola* (маленькая артерия), *ductulus* (маленький проток) и др., которые появились в более поздние периоды развития латинского языка³. В „*Anatome topographica*“ употребляется новое в латинском языке слово *foraminulum* в выражении *foraminulum parvum* (маленькое отверстие), с помощью которого автор, очевидно, стремится подчеркнуть очень маленькие размеры описываемого отверстия. Возможно, слово *foraminulum* образовано по существующему образцу самим автором, так как, судя по словарям, отражающим практику античных авторов, а также писателей и ученых более поздних периодов, это слово никем больше не употреблялось. Нет его и в современной анатомической терминологии, где в таком значении принято употреблять выражение *foramen minus seu minimum* (малое или очень маленькое отверстие)⁴.

В труде Н. И. Пирогова имеется большая группа слов с суффиксами *-tor*, *-sor*, которые в XVII—XIX вв. служили для образования терминов, обозначающих различные виды мышц. В классической латыни, как указывает акад. С. И. Соболевский, данные суффиксы образуют имена существительные, означающие действующее лицо (*nomen agentis*)⁵. В анатомической терминологии имеется ряд слов, которые в античности имели именно это значение, но впоследствии стали обозначать мышцы. Так, *buccinator* у Цезаря — трубач, играющий в рог⁶, известные же английские анатомы Купер (Cowper, 1666—1709) и Кэн (Quain, 1795—1851) термином *m. buccinator* называют щечный мускул, хотя до них ученик Везалия Коломбо (Columbus, 1559) употребляет в этом значении

¹ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Учпедгиз, М., 1959, стр. 135.

² Aeg. Forcellini. Totius latinitatis lexicon. Prato, 1868—1876; Ф. Розанов. Латинский лексикон с русским переводом. СПб., 1825; И. Кронеберг. Латинорусский и русско-латинский лексикон. СПб., 1860.

³ См. Г. Шульц. Латинорусский словарь. СПб., 1909; Б. А. Окс. Медицинский латинорусский и русско-латинский словарь. М.—Л., 1918; С. И. Вольфсон. Латинорусский медицинский словарь. Медгиз, М., 1957.

⁴ T. Donath. Erlauterndes anatomisches Wörterbuch. Budapest, 1960, стр. 491.

⁵ С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Изд-во лит-ры на иностранном языке, М., 1950, стр. 119.

⁶ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 61.

m. buccae (мышца щеки), бельгийский анатом Спигелий (*Spigelius*, 1578—1625) называет этот мускул *m. contrahens communis buccarum labiorumque* (общий сжимающий мускул щек и губ)¹. Существительное *levator* в античности обозначало — облегчитель, вор², у Стенона (*Stenonis*, 1638—1686) термин *m. levator* — поднимающая мышца³. Если *rotator* в классической латыни переводится «который вкруг вертит, точильщик, который на колесе точильном точит ножи, топоры и пр.»⁴, то в анатомической терминологии это — вращающая мышца. Совершенно отсутствуют в словарях латинского языка классического периода такие названия мышц, как *adductor* (приводящая мышца), *abductor* (отводящая мышца), *dilatator* (расширитель), *extensor* (разгибатель) и пр., которые засвидетельствованы только словарями латинского языка XVII—XIX вв.⁵

В классической латыни для образования терминов, обозначающих различные виды мышц, очень часто использовался греческий суффикс *-ter*. Часть названий с этим суффиксом, употребленных Н. И. Пироговым, сохранилась до настоящего времени, например: *m. sphincter* (сжиматель), *m. masseter* (жеватель). Термин *m. masseter* был предложен еще Гиппократом (460—377 гг. до н. э.) и восстановлен в последующем такими выдающимися анатомами, как Винслов (*Winslow*, 1669—1760) и Кэн, хотя Зоммерринг (*Soemmerring*, 1755—1830) предлагал другое название этого мускула — *m. manducator* и одновременно с ним Меккель (*Meckel*, 1781—1833) для его обозначения употреблял сложный термин *m. mandibularis externus* (наружная нижнечелюстная мышца), иное название дает этому мускулу и французский анатом Шоссье (*Chaussier*, 1746—1828) — *m. zygomatico-maxillaris* (челюстно-скуловая мышца)⁶.

Многочисленной в труде Н. И. Пирогова является и группа слов с суффиксами *-io*, *-tio*, образующими существительные, которые обозначают действие. Ученый в большинстве случаев использовал те слова этой группы, которые употреблялись в античный период — *masticatio* (жевание), *laesio* (повреждение), *incisio* (разрез) и многие другие. Из новообразований обнаружено только слово *reclinatio* (отклонение), которое не засвидетельствовано даже новыми словарями, исключая лишь медицинский словарь Вольфсона⁷.

Очень широко представлены также группы слов с продуктивными и в античности суффиксами *-ur*, *-mentum*: *flexura* (сгиб), *fissura* (щель), *commissura* (спайка), *sutura* (шов), *fundamentum* (основание), *integumentum* (покров), *instrumentum* (инструмент, орудие) и др. Слов постантичного периода с этими суффиксами не обнаружено, хотя из двух и более принятых в античности форм существительных с суффиксами *-men*, *-mentum* Н. И. Пирогов и вслед за ним современная анатомия предпочитают одну. Так, из *segmen* и *segmentum* (отрезок) у Н. И. Пирогова употребляется только *segmentum*, вместо нескольких слов со значением «связка, перевязка» — *ligamentum*, *ligamen*, *ligatio*, *ligatura*⁸. У Н. И. Пирогова, как и в современной анатомии, используется *ligamentum* (связ-

¹ P. Eisler. Die Muskeln des Stammes. Jena, 1912, стр. 130.

² И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 260.

³ P. Eisler. Указ. соч., стр. 514.

⁴ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 433.

⁵ См. словари: Б. А. Окс. Медицинский латино-русский словарь. М.—Л., 1934; А. С. Таубер. Терминологический словарь медицинских знаний. СПб., 1907; Н. Triepel. Die anatomischen Namen. Wiesbaden, 1908.

⁶ P. Eisler. Указ. соч., стр. 197.

⁷ С. И. Вольфсон. Указ. соч., стр. 278.

⁸ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 264.

ка), существительное же *ligatura* употребляется только в значении «перевязка»¹, из двух античных форм *irritamen* и *irritamentum* (раздражитель) употребляется одна *irritamentum*².

Наиболее многочисленную группу прилагательных представляют слова с суффиксами *-alis*, *-aris*, которые были распространены и в античности³. Так, *brachialis* (плечевой) встречается в сочинениях Плавта⁴, *capillaris* (волосообразный) у Плиния Ст.⁵ Термин *m. temporalis* (височная мышца) был предложен еще Везалием в то время, как до него было другое название — *m. crotaphites* (Galenus, род. в 131 г.)⁶. Однако следует отметить, что наибольшее число прилагательных, образованных с помощью указанных суффиксов, относится к XVII—XIX вв., на что указывают авторы многих словарей и анатомических атласов. Так, термин *m. frontalis* (лобная мышца) предложен французским анатомом Риоланом (Riolanus 1580—1657), прежнее название — *m. frontis* (мышца лба)⁷. Вместо современного термина *musculus auricularis posterior* (задняя ушная мышца), употребляемого и Н. И. Пироговым, анатомы даже XVIII в. давали другие названия этой мышце, в которых прилагательное *auricularis* отсутствовало. Так, известный анатом Вальсальва (Valsalva, 1666—1723) называл ее *m. auriculae posterior* (задняя мышца ушной раковины), Купер и Альбинус (Albinus, 1697—1770) употребляли термин *m. retrahens auriculam* (мускул, оттягивающий ушную раковину) и только немецкий анатом Генле (Henle, 1809—1885) в название этой мышцы вводит указанное прилагательное — *epicranius auricularis posterior* (задний подчерепной ушной мускул)⁸.

Термин *m. occipitalis* был предложен Риоланом, в прежнем названии прилагательное *occipitalis* не употреблялось: ученик Везалия Фаллопий (Phallopium, 1523—1562) называл этот мускул *m. occipitii* (мышца затылка), применяя устаревшую форму *occipitium* (затылок) вместо *occiput*⁹.

Классическая латынь чаще использовала относительные прилагательные с суффиксом *-eus*, чем с *-alis* или *-aris*. Так, употребляемому Н. И. Пироговым прилагательному *pulmonalis* (легочный), сохранившемуся и в современной медицинской терминологии, в античности соответствовало *pulmo^{neus}*; вместо современного *turbinalis* (завитой или касающийся нижней носовой раковины) употреблялось *turbineus*, вместо *intercruralis* (межжоговый) — *intercru^{reus}*, и многие другие. В изучаемом труде наряду с новой формой слова на *-alis* употребляется и прежняя на *-eus*. Так, в „*Anatome topographica*” встречается как термин *ligamenta intercruralia* (межжоговые связки)¹⁰, так и термин *spatia intercru^{rea}* (межжоговые промежутки)¹¹.

Целый ряд употребленных Н. И. Пироговым прилагательных с суффиксом *-eus*, имевших распространение в античной латыни, используется и в настоящее время: *osseus* (костный), *cutaneus* (кожный), *membranaceus* (перепончатый) и др. В изучаемом труде встречаются две формы прилагательного «нервный» — *per^vosus* и *per^veus*, из которых в об-

¹ Б. А. Окс. Указ. соч., стр. 131—132.

² Там же, стр. 124.

³ С. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 122.

⁴ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 60.

⁵ Там же, стр. 71.

⁶ P. Eisler. Указ. соч., стр. 203.

⁷ Там же, стр. 167.

⁸ Там же, стр. 172.

⁹ Там же, стр. 169.

¹⁰ N. Pirogoff. Указ. соч., стр. 156.

¹¹ Там же, стр. 121, 122 и др.

ших латинских словарях XIX в.¹ и в современных медицинских словарях² засвидетельствовано только слово *peruosus*. В словаре же известного немецкого ученого Трипелья прилагательное *perveus* отмечено как греческое слово, но редко употребительное³. Все терминологические выражения с прилагательным *perveus* (*plexus nerveus* — нервное сплетение, *truncus nerveus* — нервный ствол, *stratum nerveus* — нервный слой и др.) в современной анатомии считаются устаревшими и заменены несогласованным определением *plexus nervorum* — сплетение нервов и т. п.

Многочисленна в „*Anatome topographica*” группа прилагательных с продуктивным со времен античности суффиксом *-osus*, указывающим на изобилие. Значительная часть таких слов, как *cavernosus* (пещеристый), *petrosus* (каменистый), *spongiosus* (губчатый) и многие другие, употреблялась и античными авторами⁴. Однако имеются и такие прилагательные, которые в античности не использовались, например *cellulosus* (клеточный), *vasculosus* (сосудистый), *cribrosus* (в античности *cribrarius* — решетчатый) и др., но широко применяются в современной терминологии. Иногда у Н. И. Пирогова встречается форма прилагательного *vasculosus* наряду с относительным прилагательным *vascularis*. Так, в термине «сосудистая сетка» использованы им две формы *rete vasculare* и *rete vasculosum*⁵; в современной анатомии употребляется только *rete vasculosum*⁶.

Довольно многочисленную группу составляют прилагательные с суффиксом *-icus*. Хотя этот суффикс был характерен и для классического периода⁷, однако наибольшее число специальных медицинских слов появилось позже: в эпоху Возрождения, которая выдвинула много выдающихся анатомов, и особенно в XVIII в., когда быстро развивалось учение о строении человеческого тела. Встречающийся в труде Пирогова термин *p. phrenicus* (диафрагмальный нерв) был предложен анатомом Баухиным (1560—1624)⁸ взамен названия *p. septi transversi s. diaphragmatis* (нерв поперечной перегородки или диафрагмы). Прилагательное *digastricus* (двубрюшный), образованное с помощью указанного суффикса, впервые употребляется в термине *m. digastricus ossis hyoidei* (двубрюшный мускул подъязычной кости) анатомом Вебером (Weber, 1795—1878), прежнее название, введенное Спигелием, — *m. deprimens biventer* (сдавливающий двубрюшный мускул)⁹.

В состав употребляемого Н. И. Пироговым и современными специалистами термина *galea aroneurotica capitis* (сухожильный покров головы) входит прилагательное *aroneuroticus*, образованное по известному образцу от греческого слова *aroneurosis* (плоское широкое сухожилие), которое отсутствовало в прежних названиях. Так, Санторини (Santorini, 1681—1737) в этом случае вместо *aroneuroticus* употреблял *tendineus* — *galea tendinea calvariae* (сухожильный шлем черепного свода), английский же анатом Купер пользовался термином *pericranium* (наружная надкостница черепа)¹⁰.

¹ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 297.

² Б. А. Окс. Указ. соч., стр. 155; С. И. Вольфсон. Указ. соч., стр. 220.

³ Т. Трипель. Указ. соч., стр. 48.

⁴ И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 76, 347, 485.

⁵ Н. Pirogoff. Указ. соч., стр. 8.

⁶ Т. Donath. Указ. соч., стр. 153.

⁷ С. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 122.

⁸ П. И. Карузин. Словарь анатомических терминов. Л., 1928.

⁹ P. Eisler. Указ. соч., стр. 274.

¹⁰ Там же, стр. 183.

Риолан (Riolanus, 1580—1657) и Лауренций (умер в 1605 г.) ввели неизвестный грекам термин *zygomatīcus* (скуловой), Гален же обозначал скуловую дугу (*arcus zygomatīcus*), образующуюся соединением отростков височной и скуловой костей, термином *zygoma*¹.

В „*Anatome topographica*” имеются прилагательные, например *ambliopīcus*, *diplopīcus*, *aneurysmatīcus*, *autoplastīcus*, *dioptrīcus*, *prismatīcus*, не обнаруженные нами ни в одном из указанных выше словарей, хотя некоторые существительные, от которых они образованы, употреблялись в античности (*dioptrica*, ае, f; *prisma*, аtis, n, etc.)².

Здесь также есть большая группа прилагательных с суффиксом *-atus*, который образует слова, означающие «снабженный чем-нибудь» или указывающие на сходство. Часть этих слов составляют прилагательные, употреблявшиеся в классической латыни, например *dentātus* (зубчатый), *stellātus* (звездчатый), *fornicātus* (сводчатый), *geniculātus* (коленчатый) и др.³, но есть и слова, которые у античных авторов не встречаются, например, *cuneātus* (снабженный клином), *furcillātus* (двухзубый), *sulcātus* (бороздчатый), *supraspinātus* (надхребтовый) и др., однако эти слова засвидетельствованы современными медицинскими словарями⁴.

II. Префиксальное словообразование

При изучении лексики „*Anatome topographica*” мы обнаружили относительно немногочисленную группу слов, образованных префиксальным способом, и более значительную группу слов, образованных префиксально-суффиксальным способом.

При чисто префиксальном способе образования слов, который характерен в основном для имен существительных, в качестве приставок выступают как предлоги, так и частицы латинского и греческого языков. Большинство слов из труда Н. И. Пирогова, образованных этим способом, использовались уже в античности (*interstitium* — промежуток, *atrophia* — слабое питание, чахлость, *superficies* — поверхность, *epiglottis* — надгортанник, *introitus* — вход и др.), хотя имеется незначительное количество и постантичных образований: *ectropium* (выворот века), *diplopia* (двойное зрение), *symphysis* (сращение), *aphonia* (потеря голоса) и других, отсутствующих в сочинениях античных писателей⁵.

В „*Anatome topographica*” наиболее многочисленную группу терминов представляют слова, образованные префиксально-суффиксальным способом, который характерен как для существительных, так и для прилагательных. Здесь имеются слова, встречающиеся в античности (*excavatio* — впадина, *expiratio* — выдыхание, *inspiratio* — вдох, выдыхание)⁶, однако наибольшее число слов появилось позднее в связи с более интенсивным развитием анатомической науки. Особенно большую группу слов составляют прилагательные с малоупотребительными в античности суффиксами *-alis*, *-aris*, но продуктивными в то время приставками *inter-*, *sub-*, *super-*, *supra-*. Появление большей части этих слов относится к XVII—XVIII вв. Так, прилагательное *interspinalis* (межхребто-

¹ П. И. Карузин. Указ. соч., стр. 240.

² Aeg. Forcellini. Указ. соч., стр. 369.

³ Там же, стр. 594, 985, 136, а также Кронеберг. Указ. соч., стр. 131, 188, 195, 488.

⁴ См. словари Б. А. Окса (1918), М. Ф. Книповича (1948), С. И. Вольфсона (1957).

См. словари И. Кронеберга, Ф. Розанова, Forcellini и др.
И. Кронеберг. Указ. соч., стр. 165, 172, 510.

вый), по свидетельству Генле, впервые употреблено Купером, термин *suboccipitalis* (подзатылочный) предложил Кэн, *intertransversalis* (межпоперечный) — Альбий¹. Отсутствуют в словарях латинского языка классического периода и такие слова, как *intercruralis* (межножковый), *interarticularis* (межсуставной), *submaxillaris* (подчелюстной), *superciliaris* (надбровный), *supraclavicularis* (надключичный), *supratrochlearis* (надблоковый) и многие другие, что говорит об их более позднем возникновении.

Не употреблялись в античности приставки *infra-* (под-, ниже-), *intra-* (внутри), *extra-* (вне)². В труде же Н. И. Пирогова широко представлена группа слов с этими приставками, большинство из которых, появившись в XVII—XVIII вв., сохранилось в анатомии до наших дней (*inframaxillaris* — расположенный под верхней челюстью, *infra-orbitalis* — подглазничный, *infratrochlearis* — подблоковый, *intra-vaginalis* — внутривлагалищный, *extraduralis* — вне твердой мозговой оболочки и др.); часть же слов из „*Anatome topographica*” с указанными приставками не получила распространения в наши дни (*intranasalis* — внутриносовой, *extranasalis* — вненосовой, *infrazygomaticus* — подскуловой, *extravaginalis* — невлагалищный и некоторые другие).

III. Словосложение

Многочисленную группу терминов представляют в „*Anatome topographica*” сложные слова, большая часть которых в античности не употреблялась. Так, с начала XVII в. анатомическая терминология пополнилась значительным количеством прилагательных, образованных из корней греческих слов с окончанием *-ideus*, которое указывает на сходство, подобие (от греческого слова *ἴδος* — вид).

Как указывает проф. П. И. Карузин, «слова на *-ideus* были введены в начале XVII в. большей частью Риоланом»³. Именно Риолану принадлежат использованные Н. И. Пироговым термины *m. pterygoideus* (крыловидная мышца), *m. sternohyoideus* (грудинноподъязычная мышца), *m. omohyoideus* (лопаточноподъязычная мышца), *m. thyreo-hyoideus* (щитовидноподъязычная мышца) и многие другие⁴.

Эти термины употребляются и в наше время.

В изучаемом труде имеются и такие прилагательные на *-ideus*, которые не обнаружены в медицинских словарях различных эпох. Так, при описании мышц Н. И. Пирогов вводит усложненное слово *sterno-hyo-thygeoideus* (грудинно-подъязычно-щитовидный), называя одним термином одновременно три мышцы. В современной же анатомии закреплены отдельные названия за каждой мышцей: *m. sterno-hyoideus* (грудинно-подъязычная мышца), *m. sterno-thygeoideus* (грудинно-щитовидная мышца) и *thygeo-hyoideus* (щитовидно-подъязычная мышца)⁵, которые употреблялись и анатомами XIX в.⁶ Сложное название *sterno-hyo-thygeoideus* не получило распространения.

¹ I. Henle. Handbuch der Knochenlehre des Menschen. Braunschweig, 1867.

² А. А. Майкова. Словообразование в анатомической терминологии. Изд-во ун-та им. Патриса Лумумбы, М., 1963.

³ П. И. Карузин. Указ. соч., стр. 15.

⁴ P. Eisler. Указ. соч., стр. 216, 255, 256.

⁵ P. Eisler. Указ. соч., стр. 255.

⁶ И. Гиртль. Руководство к анатомии человеческого тела. Пер. Янпольского, 1887, стр. 356—367; И. Генле. Очерк анатомии человека. Пер. Вагнера и Попова, 1881, стр. 117—118.

Устарелыми являются употребленные Н. И. Пироговым названия мышц *sterno-mastoideus* (грудинно-сосцевидная) и *cleido-mastoideus* (ключично-сосцевидная), которые были предложены Альбином. В настоящее время употребляется термин *m. sternocleidomastoideus*, введенный Винсловом¹. По мнению Гиртля², разделение *m. sterno-cleido-mastoideus* на отдельные мышцы: *sterno-mastoideus* (грудинно-сосцевидная) и *cleido-mastoideus* (ключично-сосцевидная) является неправильным. Такого же мнения придерживается и анатом Генле (Henle, 1809—1885)³, отмечающий, что *m. sterno-cleido-mastoideus* состоит из двух самостоятельных, но тесно соединенных друг с другом частей. Не закрепились за этой мышцей и другие названия: *putator capitis* (кивающая мышца головы), которое предлагал Меккель (Meckel, 1714—1774) и *m. quadrigeminus capitis* (четырепарная мышца головы), предложенное Краузе (W. Crause, 1833—1910).

В материале исследования имеется большая группа слов, образованных сложением с **-formis** (от слова *forma* — форма, вид), которые в античности не употреблялись: *arciformis* (дугобразный), в классической латыни в том же значении применялось *arcuatus*; *cuneiformis* (клиновидный), прежнее название — *cuneatus*; *taeniformis* (лентовидный), равное по значению *taenioideus*, где **-ideus** также указывает на подобие; *emboliformis* (клювообразный); *ensiformis* (мечевидный) и многие другие. Все эти и подобные им слова находят отражение только в новых словарях, что говорит об их позднем возникновении⁴.

В „*Anatome topographica*” имеется также группа слов, образованных сложением с греческим корнем **-tomia** (τομή — сечение), например: *myotomia* (перерезка мышцы), *laryngotomia* (вскрытие гортани), *tracheotomia* (вскрытие трахеи) и др., которые в античности не употреблялись.

В приведенных примерах сложных слов **-ideus**, **-formis**, **-tomia** выступают, подобно соответствующим формам русского языка, в качестве суффиксоидов, которые, по свидетельству Н. М. Шанского, «представляют собой опорные основы в сложных словах»⁵.

Изучение морфологического способа словообразования в медицинской терминологии труда Н. И. Пирогова „*Anatome topographica*” приводит к следующим выводам.

1. В морфологическом словообразовании медицинской лексики наиболее продуктивными, как и в античности, являются суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы и словосложение; менее продуктивным является префиксальный способ.

2. Как и в античности, наиболее продуктивными словообразовательными элементами медицинской лексики являются:

для существительных — суффиксы: **-ūl**, **-ōl**, **-tor**, **-sor**, **-ūr**, **-mentum**;

для прилагательных — суффиксы: **-eus**, **-ālis**, **-āris**, **-īcus**, **-ātus**, **ōsus**,
приставки: **inter-**, **sub-**, **super-**, **supra-**.

3. В словообразовании медицинской лексики постантичного времени, начиная с XVI в. и особенно в XVII—XVIII вв., когда интенсивно развивалась анатомическая наука, имеются некоторые особенности:

¹ Р. Eisler. Указ. соч., стр. 235.

² И. Гиртль. Руководство к анатомии человека. Пер. Михельсона, 1879, стр. 281.

³ И. Генле. Указ. соч., стр. 116.

⁴ См. словари Г. Шульца (1885), Б. А. Окса (1918), С. И. Вольфсон. (1957).

⁵ Н. М. Шанский. Указ. соч., стр. 97.

а) начиная с XVII в., отмечается известная трансформация в значении существительных, образованных с помощью суффиксов **-tor**, **-sor**, от обозначения действующего лица (*pomen agentis*) к названию мышц;

б) из двух форм существительных с суффиксами **-men** и **-mentum** в медицинской лексике постантичного периода закрепляется одна на **-mentum**;

в) в относительных прилагательных, начиная с XVII в., предпочитают суффиксы **-alis**, **-aris** употребительному в античности суффиксу **-eus**;

г) в медицинской лексике XVII—XVIII вв. продуктивными приставками являются **intra-**, **extra-**, **infra-**, которые в античности не употреблялись;

д) начиная с XVII в., анатомическая терминология пополнилась большим количеством слов, образованных сложением с **-ideus**, **-formis**, **-tomia**, которые выступают как формообразующие суффиксоиды.

К ПОНЯТИЮ О ВСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

И. А. Кирюхина

Кроме понятия «вводное предложение», в современной русской грамматической науке все более широкое распространение получает понятие «вставное предложение». Существование предложений, которые неожиданно прерывают начатое высказывание и являются добавочными сообщениями одного и того же автора, а также внесение в авторское повествование замечаний персонажей в виде прямой или несобственно-прямой речи или вставки в прямую речь различных замечаний автора заставляют отделить эти предложения от тех, которые имеют чисто модальное значение, т. е. от собственно вводных предложений.

В некоторой степени на различия между этими предложениями указывают сами названия — «вводные» и «вставные»¹. Вводные предложения, включаясь в основное предложение, развивают мысль, выраженную в основной части. Вставные же предложения размыкают, разрывают, по выражению авторов академической грамматики, основной состав предложения и вносят в него самые разнообразные дополнения, пояснения, оговорки, уточнения и т. п. Например:

1. Осенью, когда поспевали яблоки, — *яблоневые деревья были гордостью семейства Поповых*, — Анатолий обычно спал на топчане в саду, чтобы мальчишки не покрали яблок² (А. Фадеев. Молодая гвардия).

2. Бабушка Вера убрала постель из комнаты сына и невестки, убрала со стен и со стола фотографии сына и внука Олега в комод (*«щоб не выпрашивали, кто да кто»*) и перенесла к себе в комнату белье и платья свои и дочери (*«щоб уже не лаять до них, хай им грець!»*) (А. Фадеев. Молодая гвардия).

3. Бабушка Вера, истомившаяся без слушателей (*не могла же она считать собеседником денщика с палевыми веснушками!*), сразу обрушила на них ворох городских новостей (А. Фадеев. Молодая гвардия).

4. — ...Берусь вам подсказать, — *голос его перешел в крик*, — находитесь вы на каторге! (К. Седых. Даурия).

Следовательно, к вставным предложениям правомерно относить: а) предложения, неожиданно прерывающие сообщение и являющиеся к нему дополнительными замечаниями самого разнообразного содержания (см. пример 1); б) реплики персонажей, оформленные как прямая или несобственно-прямая речь и вставленные в повествование (примеры 2 и 3); в) различные замечания автора, вклинивающиеся в прямую речь (пример 4).

¹ А. Б. Шапиро называет такие предложения «вставочными» (см. «Основы русской пунктуации». Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 305 и сл.).

² Курсив наш. — И. К.

Несмотря на различия, существующие между вводными и вставными предложениями, которые позволяют рассматривать их как самостоятельные синтаксические категории, между ними есть много общего. Последнее и служило причиной того, что эти типы предложений смешивались в рамках одной грамматической категории. К числу таких общих черт относятся: 1) отсутствие традиционных синтаксических связей вводных и вставных предложений с основным составом предложения; 2) наличие смысловой связи между ними и основным составом; 3) грамматическая оформленность этих типов как самостоятельных предложений, которая особенно заметна при бессоюзном употреблении.

Главное различие вводных и вставных предложений заключается в тех значениях, которые они вносят в основное предложение. Если вводные предложения передают отношение говорящего к высказываемой мысли и функционально сближаются с вводными словами и сочетаниями, то вставные предложения вносят в него разнообразные по содержанию дополнительные сообщения. Сравните вводные (примеры 5, 6) и вставные (примеры 7, 8) предложения:

5. ... даже неповоротливые искусственные ноги, *казалось ему*, обрели чувствительность (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

6. Побеждали — *вот что было неожиданно!* — побеждали даже в агитации — храбрецы (П. Павленко. Счастье).

7. Хотя Сергей жаловался, что саперам больше нечего делать — *немцы, отступая, не успевают взрывать мосты*, — он был весел; стремительность наступления его вдохновляла (И. Эренбург. Буря).

8. И почти в то же мгновение с беззвучным стоном, — *это был даже не стон, а вздох, такой он был тихий*, — проснулся и Андрей Валько (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Смысловая самостоятельность вставных конструкций по отношению к основному составу предложения условна и относительна. Можно сказать, что смысловые взаимоотношения вводного или вставного предложения с основным занимают срединное положение между взаимосвязью сочиненных предложений, с одной стороны, и взаимосвязью главного и придаточного или придаточных, с другой. Выражая различные добавления, замечания, характеристики, уточнения и т. п., вставные предложения существуют не как равноправная часть всего предложения, а как нечто сопровождающее его¹. В то же время они представляют собой логическое и смысловое развитие содержания, заключенного в основной части предложения. Но, несмотря на наличие смысловой связи между вставными предложениями и основным составом предложения и на грамматическую оформленность вставных предложений как самостоятельных (особенно при бессоюзном включении), мы не можем говорить о сложном типе таких предложений, если, конечно, они не являются сложными без вставных предложений. Тип предложения не меняется от наличия вставных предложений.

Основной состав предложения по своей грамматической структуре может быть представлен простыми, сложносочиненными, сложноподчиненными (с одним или несколькими придаточными) предложениями. Включение в такие предложения вставных, независимо от их собственной грамматической структуры, сути дела не меняет: тип предложения остается прежним и его определяют, не принимая во внимание вставных пред-

¹ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 290.

ложений. Но подобно тому, как говорится об осложнении предложения, в составе которого есть обособленные члены, вводные слова или сочетания, можно говорить и об осложнении тех или иных типов предложений вставными предложениями.

По своему содержанию вставное предложение может относиться либо ко всему составу основного предложения (пример 9), либо к части предложения (пример 10), либо к отдельным его членам (пример 11):

9. Тут была, по существу, та же операционная, только для легко раненых, и хирурги работали в стерильных халатах и перчатках (*для смены повязок была организована другая, малая перевязочная*) (А. Коптяева. Дружба).

10. Однажды мать, погруженная в себя (*с ней это случалось часто*), протянула свою ложку раньше других (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

11. Белолицый, румяный (*загар не приставал к его коже*), он широко и душевно улыбнулся и поймал меня своими веселыми глазами (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Все приведенные выше вставные предложения характеризуются бессоюзным включением в основной состав предложения. При бессоюзном включении вставных предложений повышается роль их интонационной обособленности от основного предложения. В этом случае они обязательно отделяются паузами от основного предложения и произносятся в иной тональности и иным темпом, чем основное предложение¹. Чаше всего их произношение характеризуется более ускоренным темпом и меньшим напряжением голоса (понижением его) по сравнению с основным высказыванием.

Если же нужно особенно подчеркнуть и выделить вставное предложение, оно при соблюдении пауз на границах читается, наоборот, медленнее основной части предложения.

Но вставные предложения могут быть введены в состав основного и с помощью сочинительных или подчинительных союзов. Такое употребление встречается значительно реже бессоюзного, причем роль используемых сочинительных или подчинительных союзов меняется. При вставных предложениях они не являются показателями сочинительной или подчинительной связи, а приобретают новое значение — присоединительное, так как их цель — установить присоединительную или присоединительно-пояснительную связь вставного предложения с основным.

Из сочинительных союзов в использованном литературном материале встретились союзы: **да, а, и, но**. Например:

12. И он не видел — *да никто почти что не видел этого*, — как в крохотный глинобитный дом, укутанный в зеленую тьму сада, вошел, спотыкаясь, тот самый колхозник, что приехал с невесткой и внуками (П. Павленко. Счастье).

13. С детьми нужно говорить, не примитивно уговаривая их не драться и не озорничать (*а то мы их сами побьем или оставим без кино*), а говорить картинками, образами, видениями (П. Павленко. Дети и мы).

Значительно реже в исследованном материале встретились вставные предложения, включаемые в основное посредством подчинительных союзов и относительных слов. Такие вставные предложения по форме совпадают с придаточными. Но благодаря особой «выделительной» ин-

¹ Курс сучасної української мови, під ред. Л. А. Булаховського, т. II. Вид-во «Рад. Школа», К., 1951, стр. 132.

тонации и большей смысловой самостоятельности по сравнению с обычным придаточным предложением, они приобретают оттенок присоединительной связи по отношению к основному предложению и употребляются как вставные. Определение синтаксической функции таких предложений не представляет особых трудностей, так как в устной речи ярким средством различения вставных предложений является особая интонация, а на письме — знаки препинания.

В интонационном отношении союзные вставные предложения выделяются, как и бессоюзные, паузами на своих границах, причем распространенность вставного предложения увеличивает эти паузы. Темп произношения (ускоренный или замедленный по сравнению с основным предложением) зависит от содержания вставного предложения, от его логической нагрузки. На письме такие предложения выделяются скобками или двумя тире.

Для включения вставных предложений в основное употребляются союзы и союзные слова **что, если, когда, который, хотя, где** и некоторые другие. Примеры союзного включения вставных предложений:

14. И даже то, что так понравилось Шульге, — **что Фомин ходил у себя дома в пиджаке и в галстуке, и при часах**, — объяснялось не его любовью к опрятности..., а объяснялось тем, что он с часу на час ждал немцев (А. Фадеев. Молодая гвардия).

15. Человек со стороны, — **если бы мог быть такой человек**, — попав в сельские районы немецкой оккупации, был бы поражен необыкновенными, мрачными и неожиданными по контрасту картинами, открывающимися его взгляду (А. Фадеев. Молодая гвардия).

16. Вид был так прекрасен и ни с чем не сравним, может быть — с первозданным хаосом, что спутники мои (*которых я неウトомимо корила и качеством дороги, и красотой, и легкостью перевалов: вот видите, видите!*) вынуждены были сдаться по всем пунктам (М. Шагинян. Дневник писателя).

Последний пример интересен, кроме того, и тем, что имеет в своем составе два вставных предложения различных видов: первое из них (*которых я неウトомимо корила и качеством дороги, и тишиной, и красотой, и легкостью перевала*) является дополнительным замечанием к основному, а второе (*вот видите, видите!*) представляет собой слова прямой речи, обращенные автором к своим спутникам. Такой случай употребления вставных предложений встречается довольно редко, тем более, что здесь и своеобразная форма второго вставного предложения: оно вклинивается в повествование того же лица, которому принадлежит и само.

Соотносительность союзных вставных предложений с такими же по форме придаточными предложениями позволила С. И. Абакумову заметить, что любые придаточные предложения, по усмотрению говорящего, могут превратиться в предложения, вставленные в основное. Хотя у С. И. Абакумова нет терминологического различения вводных и вставных предложений, но есть указание на два типа вводных предложений: одни — близки по своим значениям к вводным словам, другие — содержат всякого рода дополнительные замечания (иначе говоря — вставные). Любое придаточное предложение, по мнению Абакумова, может превратиться именно во второй вид вводного предложения, что получает соответствующее отражение в устной и письменной речи¹. Можно со-

¹ С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык. Изд-во «Сов. наука», М., 1942, стр. 148.

гласиться с тем, что такое превращение возможно, однако далеко не всегда и, безусловно, не для любого придаточного предложения.

Таким образом, вставные предложения не связаны с основным составом предложения ни сочинительной, ни подчинительной связью. Грамматически они совершенно самостоятельны, структурно не зависят от основного состава предложения. Однако существующие смысловые связи между основной частью высказывания, с одной стороны, и вставными предложениями, с другой, дают возможность говорить об осложнении тех или иных высказываний вставными предложениями.

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ РОЛИ АТРИБУТИВНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ИМЕНАМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В АВТОРСКОЙ РЕЧИ

А. М. ГОРЬКОГО

(на материале романа «Жизнь Клима Самгина»)

Ф. А. Коноваленко

Изучению языкового мастерства великого пролетарского писателя, основоположника социалистического реализма А. М. Горького посвящено много работ. Однако далеко не все стороны языка и стиля писателя глубоко исследованы и освещены в печати. В частности, заслуживает пристального внимания изучение метафорических значений слов в языке А. М. Горького.

Профессор А. И. Ефимов говорит о необходимости изучения метафоризации в языке художественной литературы. Он отмечает, что в недавнем прошлом исследователи языка писателей предпочитали анализировать состав и функции таких речевых средств, как славянизмы, галлицизмы, архаизмы и т. п. Это приводило к тому, что «общенародные по употреблению слова, в смысловом и стилистическом отношении очень выразительные и дающие большие возможности для художественного изображения, оставались в тени. Всестороннее изучение роли этих слов поможет найти ключ к пониманию специфики художественности и образности языка писателя»¹.

Следует отметить, что стилистами больше исследовались метафорические существительные и глаголы. Метафорические же прилагательные не изучались вовсе или изучались мало, между тем как использование новых переносных значений у разных видов прилагательных открывает большой простор для индивидуального речевого творчества писателя. Задачей настоящей статьи является наблюдение над метафорическими атрибутивными словосочетаниями с именами прилагательными в авторской речи романа «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького и изучение их стилистической роли.

По образованию переносно-метафорических значений первое место занимают относительные прилагательные, второе — качественные, третье — притяжательные. При этом у каждого из названных разрядов прилагательных появление переносных значений обусловлено специфическими закономерностями.

Кроме переносных значений, широко известных, в авторской речи А. М. Горького отчетливо выделяются переносно-фигуральные значения, понятные лишь в контексте романа «Жизнь Клима Самгина» и обуслов-

¹ А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. Изд-во Моск. ун-та, М., 1957, стр. 98.

ленные художественной манерой писателя, структурой и характером художественных образов.

При подборе эпитета писатель исходит из цели изображения, умело используя многозначность слов, способствующую созданию художественной метафоры. Изображая внешнюю сторону предмета, А. М. Горький учитывает впечатление, которое предмет производит со стороны зрительной, слуховой, осязательной, вкусовой и обоняния. В других случаях автор обращает внимание на внутреннее чувство, которое возбуждает предмет.

Переход прилагательных из категории относительных в категорию качественных основан на сходстве предметов или явлений. На этой именно основе происходит в романе «Жизнь Клима Самгина» метафоризация, а благодаря ей — развитие качественности в таких, например, относительных прилагательных, как *каменный, свинцовый, медный, золотой, бархатный* и др. Приведем примеры:

«Пришла ее *каменная сестра*; садясь на стул, она точно переломилась в бедрах и коленях; хотя она была довольно полная, все ее движения казались карикатурно угловатыми» (II, 160)¹. «По улицам мчались раскормленные лошади в богатой упряжке, развозя солидных москвичей в бобровых шапках, женщин, закутанных в звериные меха, *свинцовых генералов...*» (II, 597). «Лучи солнца упирались в лицо Варавки, он блаженно жмурился и гладил ладонями *медную бороду* свою» (I, 318). «...В песчаной ямке извивались *золотые* и синенькие *червяки огня*, пожирая рыжую хвою...» (I, 298). «Клим улыбнулся, внимательно следя за мягким блеском *бархатных глаз...*» (II, 98).

Процесс метафоризации, обогащающий лексические значения относительных прилагательных, отличается специфическими особенностями, он обусловлен семантикой относительных прилагательных, генетически связанных с тем или иным существительным, и семантикой имени существительного — стержневого слова атрибутивного словосочетания. Из многих признаков предмета, названного существительным, от которого образовано относительное прилагательное, писатель выбирает один, сходный с таким, который имеется у другого, далекого по смыслу предмета. Относительные прилагательные получают возможность смыслового развития, переосмысляясь не по всей совокупности признаков, заключенных в предмете, обозначенном существительным, а по одному, например, *каменные глаза*. Одним из свойств камня является *неподвижность*. Это свойство переносится на другой предмет — *глаза*. В подобных случаях значение относительного прилагательного сужается, а отсюда — усиление образности, картинности изображения.

В иных случаях А. М. Горький разрушает привычные связи слов, переносит прилагательные в другие контексты, оживляя их экспрессию. Разнообразные второстепенные значения слова позволяют писателю употреблять в языке романа яркие образные словосочетания, выработанные в общенародном языке, и создавать свои, индивидуальные, остроумные и живописные. Например:

«...Она (Таня Куликова. — Ф. К.) приносила книжки или тетрадки, исписанные *лиловыми словами*» (I, 13—14). «Выдумалось, что дедушка говорит *лиловыми словами*» (I, 17). «Трифонов... рассказывал о достопримечательностях Астрахани тоже *клетчатыми*, как его костюм, *серенькими* и *белыми словами...*» (II, 278). «...Он

¹ А. М. Горький. «Жизнь Клима Самгина». Изд-во «Советский писатель», М., 1947. Римскими цифрами обозначены части книги, арабскими — страницы.

руки, руки его), 6,3 : 1 (твои руки, руки твои) и к сочетаниям с именами прилагательными (большие руки, руки большие), где соотношение тех же форм равно 49:1. Можно ли вообще говорить об инверсии в таких случаях, когда количество препозиционных и постпозиционных форм почти одинаково? Однако, как уже говорилось выше, такое весьма распространенное употребление термина **инверсия** встречается довольно часто в современной лингвистической литературе, хотя, на наш взгляд, оно едва ли оправдано.

Из указанных фактов видно, что даже простой статистический, точнее, подсчетно-арифметический анализ языкового материала нередко приобретает эвристическое значение, т. е. дает возможность обнаружить новые, часто скрытые от непосредственного наблюдения особенности и тенденции. На некоторых из них мы остановимся подробнее.

Одна из важнейших особенностей словорасположения в изучаемых нами сочетаниях состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев постпозиционные формы притяжательных местоимений концентрируются в начале предложения, а препозиционные формы — в конце¹. Так, из 40 случаев постпозиции форм *его, ее, их* в повести И. С. Тургенева «Яков Пасынков» 34 находится в начале предложения и лишь одна — в конце (пять остальных в середине). В романе М. Шолохова «Поднятая целина» из 21 случая постпозиции согласованных притяжательных местоимений в начале предложения находится 15 форм, а в конце — только одна. Приведем несколько иллюстраций.

1. Глаза *его* нагло заблестали, и пошлая усмешка скривила его губы (И. С. Тургенев. Яков Пасынков).

2. Страх *ее* оказался напрасным: добродушный немец оставил у себя Якова (там же).

3. Увлекаешься, милый мой! *Предположения твои* довольно-таки шатки (М. Шолохов. Поднятая целина).

4. Фамилия *моя*, как вы и полагаете, отнюдь не Седой, а Никольский (там же).

Эти примеры, как и приведенные ранее количественные данные, показывают, что порядок слов в атрибутивных сочетаниях с притяжательными местоимениями отличается своеобразием. Наша задача состоит в том, чтобы определить типичность этой особенности, степень ее распространенности, выявить основные тенденции в развитии данного явления и тем самым предупредить субъективизм в решении поставленного вопроса. Для этого необходимо подвергнуть статистическому анализу весь собранный материал; нужно также выяснить, является ли указанная черта особенностью одного какого-то стиля письменной речи или же она относится ко всем ее стилям.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, воспользуемся сводными статистическими данными (в процентах), которые характеризуют соотношение препозиционных и постпозиционных форм местоимений в начале, середине и в конце предложения по каждому стилю² (см. таблицу 1).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что позиция местоимений *его, ее, их* зависит от места атрибутивного сочетания в предложении: во всех стилях препозиционные формы явно преобладают в конце предложения, а постпозиционные — концентрируются, а иногда и доминируют в начале его.

¹ Под началом и концом предложения подразумевается соответственно его начальная и последняя синтагмы.

² Нами было исследовано свыше 15 тысяч атрибутивных сочетаний с местоимениями *его, ее, их*.

Таблица 1

Стиль	Начало предложения		Средина предложения		Конец предложения	
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
Художественная проза . . .	33	67	80	20	89	11
Драматические произведения	39	61	79	21	92	8
Научная проза	46	54	91	9	94	6
Письма, мемуары	44	56	88	12	87	13
Публицистика	59	41	92	8	96	4

Соотношение между препозиционными и постпозиционными формами в разных стилях далеко не одинаково. В художественной прозе, в отличие от всех других стилей речи, постпозиционные формы в начале предложения явно преобладают над препозиционными (соотношение 1 : 2), что дает основание отрицать правомерность употребления термина *инверсия* в обычном его значении при характеристике словорасположения в указанных формах. Интересно отметить также, что из 50 исследованных нами произведений художественной прозы в 49 постпозиционные формы в начале предложения явно преобладают над препозиционными.

Примерно такая же картина наблюдается и в сочетаниях с согласованными притяжательными местоимениями. Вот какими данными (в процентах) характеризуется соотношение между пре- и постпозицией в этих сочетаниях, взятых из десяти произведений художественной прозы.

Таблица 2

Начало предложения		Средина предложения		Конец предложения	
препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция
47	53	84	16	95	5

Подсчеты позволяют обнаружить и ряд других особенностей словорасположения в этих сочетаниях. Так, частота употребления постпозиционных форм зависит от степени распространенности атрибутивных сочетаний: чем сложнее, распространеннее сочетание, тем реже употребляются постпозиционные формы. Подтверждением этого положения могут служить следующие данные, характеризующие соотношение препозиционных и постпозиционных форм в различных по сложности сочетаниях с местоимениями *его, ее, их*.

Таблица 3

Тип сочетания	Препозиция	Постпозиция	Соотношение
Его глаза	6021	2711	2 : 1
Его голубые глаза	1518	347	5 : 1
Его красивые голубые глаза . . .	258	28	9 : 1

Такую же зависимость мы наблюдаем и в сочетаниях с согласованными притяжательными местоимениями. Несомненный интерес представ

ляет и следующее обстоятельство. Порядок слов в изучаемых сочетаниях за период от А. С. Пушкина до наших дней претерпел значительные изменения в сторону вытеснения постпозиционных форм формами препозиционными. Однако в разных стилях речи эта общая тенденция обнаруживается далеко не одинаково. Так, если в научном стиле мы наблюдаем резкое изменение соотношения указанных форм в пользу препозиционных (первая половина XIX в. — соотношение препозиции и постпозиции примерно 2 : 1; первая половина XX в. — соответственно 25—30 : 1), то в художественном стиле речи, особенно в художественной прозе, такого резкого изменения мы не наблюдаем (первая половина XIX в. — соотношение препозиции и постпозиции 1 : 1; первая половина XX в. — соответственно 3 : 1). Следовательно, если в прошлом широкое использование постпозиционных форм было присуще всем стилям речи, то, начиная примерно со второй половины XIX в., они закрепляются в основном за художественным стилем.

Какие же функции в этом стиле речи выполняет постпозиция изучаемых нами форм? Чем объясняется концентрация их в начале предложения и почти полное отсутствие в конце? Прежде чем ответить на эти вопросы ознакомимся с толкованием их в научной литературе. Необходимо отметить, что специальных исследований по данной проблеме нет. Те же высказывания и замечания, которые встречаются в лингвистической литературе, чаще всего далеко не полные, а иногда носят разноречивый характер.

По мнению Л. А. Булаховского, «Родительный падеж *его, ее, их* обыкновенно предшествует управляющему слову *его желание, их увлечения*; инверсия подчеркивает управляющее слово или просто стилизует сочетание в архаизующем направлении: *желания его, увлечения их*»¹.

В «Грамматике русского языка» АН СССР по данному вопросу сообщается следующее: «В постпозиции в целях выделения может находиться одиночное определение, выраженное притяжательным местоимением или формами *его, ее, их*. Такое словорасположение может (подчеркнуто нами. — Ф. Н.) придавать речи характер торжественности, риторичности... Я думаю только о фабрике, о делах, о невесте моей. Горький. Рассказ о безответ. любви; ...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. Фадеев. Молодая гвардия, ч. 1, гл. 5.

Примечание. В речи, не имеющей торжественной окраски (подчеркнуто нами. — Ф. Н.), постпозиция определений, выраженных местоимениями, не служит целям их выделения. Такое словорасположение в этих случаях не может считаться инверсией...»².

Как видно из изложенного, в этих работах по-разному определяется как факт инверсии, так и ее роль. Л. А. Булаховский рассматривает все постпозиционные формы местоимений *его, ее, их* как инверсию. В «Грамматике русского языка» наличие инверсии в этих сочетаниях связывается с тем, сообщает или не сообщает речи постпозиция местоимений *его, ее, их* характер торжественности или риторичности. Л. А. Булаховский утверждает, что инверсия местоимений *его, ее, их* подчеркивает управляющее слово, а в «Грамматике русского языка» говорится, что инверсия этих форм, как и инверсия согласованных притяжательных местоимений, служит для выделения, подчеркивания определения, то есть управляемого слова, что видно уже из иллюстраций к этому пункту и примечания.

¹ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд-во «Радянська школа», 1952, стр. 397.

² Грамматика русского языка, т. II. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 681.

Чтобы дать полный и обстоятельный ответ на поставленные выше вопросы, необходимо изучить все факторы, влияющие на словорасположение в указанных сочетаниях, что возможно только в специальном исследовании. В данной же статье мы остановимся лишь на некоторых из этих факторов.

В письменной речи, особенно в художественном стиле ее, наибольшую смысловую нагрузку, как правило, несут те слова, которые находятся в начале и в конце предложения. Притяжательные местоимения *его, ее, их* при свойственной всем местоимениям скудости конкретного содержания отличаются особенной бедностью его. Поэтому вполне закономерно то, что в языке художественной прозы в начале предложения, как правило, значительно преобладают постпозиционные формы. Концентрация этих сочетаний в начале предложения объясняется их структурно-синтаксической ролью: эти местоимения в силу своей анафорической функции (они осуществляют связь данного высказывания с предшествующим текстом) относятся к той части предложения, в которой сообщается «данное», «исходное». При обычном (объективном) порядке слов эта часть высказывания, как правило, выражается группой подлежащего, которая стоит чаще всего в начале предложения. Иначе говоря, постпозиционные формы указанных местоимений играют определенную роль при членении предложения на интонационно-смысловые группы (синтагмы).

Каковы же те особенности притяжательных местоимений, которые способствуют выполнению столь важной структурно-синтаксической роли? Притяжательные местоимения отличаются от иных самостоятельных частей речи большей подвижностью, то есть большей свободой изменения позиции по отношению к определяемому слову. Это прежде всего относится к простым сочетаниям типа *его глаза, глаза его, твои руки, руки твои*, которые являются наиболее распространенными.

Для чего нужна такая подвижность их позиции по отношению к определяемому слову? Такие слова, которые играют роль своеобразных ритмомелодических «балансиров», нужны нашей речи, особенно в художественном стиле. В противном случае ритмомелодический строй предложения отличался бы однообразием. Чтобы убедиться в этом, сопоставим авторский текст, где позиция этих местоимений отличается подвижностью, с такими вариантами, в которых местоимение *его, ее, их* употребляется только в одной позиции.

Авторский текст: «Печорин обвил рукою *ее* гибкий стан, щека *ее* почти касалась *его* щеки, от нее веяло пламенем» (М. Ю. Лермонтов).

Первый вариант текста: «Печорин обвил рукою *ее* гибкий стан, *ее* щека почти касалась *его* щеки...».

Второй вариант текста: «Печорин обвил рукою гибкий стан *ее*, щека *ее* почти касалась щеки *его*...».

Едва ли вызовут сомнения достоинства авторского текста, который благодаря использованию как препозиции, так и постпозиции этих местоимений отличается большим интонационным разнообразием и благозвучием. В вариантах с постпозицией пауза после атрибутивного сочетания более длительная, чем в вариантах с препозицией, особенно в тех случаях, когда в определяемом слове ударение падает на последний слог. Сравним примеры:

1. Глаза́ *ее* были красны. *Ее* глаза́ были красны.
2. Жена́ моя то́тчас замолкла. Моя жена́ то́тчас замолкла.

Пауза сказуемого при постпозиции большая, так как после ударного слога определяемого слова следует двухсложное энклитизированное местоимение. В сочетаниях с препозицией пауза меньшая, потому что в непосредственном соседстве оказывается два сильно ударяемых слога. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что постпозиция местоимений *его, ее, их*, как и вообще всякая постпозиция, сообщает повествованию размеренность, плавность, а иногда и своеобразную напевность, если эта форма стоит в конце предложения (дактилической клаузулой, как известно, и отличается былинный стих). Повествование в предложениях с препозицией отличается большей энергичностью, быстрым темпом, меньшей плавностью.

Употреблением постпозиционных форм притяжательных местоимений, которые легко энклитизируются, предупреждается непосредственное соседство слов с сильным ударением. О необходимости соблюдения этого правила говорил еще М. В. Ломоносов в своей «Риторике». Сравните примеры:

1. а) Ее гла́зá нáгло заблиста́ли.
б) Гла́зá ее нáгло заблиста́ли.
2. а) Его звезда́ б́ыстро всходи́ла.
б) Звезда́ его б́ыстро всходи́ла.
3. а) Мой о́тец б́ыл родом из Бре́мена.
б) О́тец мой б́ыл родом из Бре́мена.

Из этого следует, что употребление этих форм тесно связано с ритмомелодикой предложения, интонационным разнообразием и богатством его, что имеет особо важное значение в художественном стиле речи. Таким образом, едва ли можно считать случайным тот факт, что препозиционные формы притяжательных местоимений, начиная, примерно, со второй половины XIX в. закрепляются главным образом за художественным стилем речи и близкими ему жанрами. Значительная подвижность их позиции по отношению к определяемому слову, способность легко энклитизироваться, большая частота употребления в нашей речи делают эти формы важным средством выразительного порядка слов и так называемого актуального членения предложения.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В «КРОЛЕВЕЦКОЙ РАТУШНОЙ КНИГЕ» XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

А. А. Свашенко

«Кролевецкая ратушная книга»¹ — рукописный памятник начального периода формирования украинского национального языка. События, отраженные в памятнике, охватывают довольно большой промежуток времени — 90 лет. Первый документ датируется 1655, а последний — 1746 годом. Для исследователя языка памятника особый интерес представляет I том, так как в нем помещены различные судебные разбирательства с дословно записанными допросами обвиняемых и свидетелей и ярко отражен живой народный язык. Во II томе преобладают имущественные дела: купчие, завешания, дарственные записи, связанные традиционными нормами делового письма. Реже встречаются криминальные дела. В III томе (он составляет только 4 листа, тогда как первый — 75, а второй — 119) дается перечень преступлений, совершенных в 1715 году. Этот том написан языком, очень близким к народному, разговорному. Настоящая статья посвящена обзору глагольных форм памятника.

Настоящее время. Глаголы настоящего времени в памятнике почти не отличаются от современных. Так, в первом лице единственного числа фиксируется чередование согласных: *доношу* (II, 59, 94, 96), *прошу* (II, 26, 96, 98), *поношу* (I, 79), *не хочу* (I, 36), *не хочу мѣти собѣ за жону* (I, 67)². На такую же особенность в Полтавских актовых книгах указывает Л. О. Самойленко³: *дохожу* (I, 99), *не хочу* (I, 5), *мушу* (I, 47), *прошу* (I, 61, 70, 115), *поношу* (I, 79), *докажу* (II, 104). Форма *хошу* (II, 51), отмеченная в акте за 1723 г., появилась, очевидно, под влиянием русского делового письма.

В первом лице множественного числа памятник фиксирует окончания *-мо* и *-мѣ* (*-м*), причем последнее значительно преобладает: *наказуемо* декретом (I, 75), *не хотимо* (I, 50), *не умѣемо* (I, 73), *не знаемо* от кого он ...мѣет (I, 37), *кладем* (I, 11) — только пять примеров и *заховуем* (I, 38, 70, 71, 73), *приймуем* (I, 70), *не їдаем* (I, 71), *отдаляем* (I, 36) — 41 случай. В полтавских актах тоже преобладает окончание *-мѣ*, а *-мо* встречается только трижды: *чинимо* (I, 69, 89), *отженемо* (I, 153). Л. О. Самойленко считает, что «формы на *-мѣ* — результат тенденции к сокращению окончаний». В нашем памятнике параллельные формы на *-мѣ* и *-мо*, возможно, объясняются особенностями говора Кролевецкого района, допускающего обе формы: *їїдемо їс'п'івáємо* (Алт.⁴), *посѣди мо* (Алт.), *було і оремо́ самі їс'їєм* (Добр.), *пїдем до рѣпис'ї /ї читаємо до двох часу́*

¹ Под таким названием памятник числится в Харьковском филиале Центрального государственного исторического архива, ф. 229.

² Римскими цифрами обозначен том памятника, арабскими — листы в каждом томе.

³ Л. О. Самойленко. Форми дієслів дійсного способу в актових книгах Полтавського городского уряду другої половини XVII ст. Праці Одеського держ. ун-ту ім. І. І. Мечнікова, т. 15, вип. 10, серія філ. наук, Одеса, 1961, стр. 93. В дальнейшем мы будем ссылаться на эту работу.

⁴ См. список сокращений в конце статьи.

(Т.), соберем **бс'а** душ **вс'ім і орём** (Андр.), купá^аjem **ос'а** на ставу́ і гука́^аjem (Б.), ми і /ка́жем/ робіт' б́удемо (Р.).

Не отличаются от современных и формы второго лица единственного и множественного числа: ти мене собакою зовеш (I, 46), розказуеш (I, 31), хочеш (I, 57), зовете (I, 71), обачите (I, 80), хотя их в памятнике мало.

В третьем лице единственного числа глаголы в «Кролевецкой ратушной книге» имеют, как правило, окончание **-ть (т)**: опѣ^авает (II, 5), опису^ает (II, 4), хто за бие^ат (II, 4), иде^ать (II, 21), справу^ает (I, 80), жона живе^ать (I, 52), ходит, молчит (I, 21).

Отсутствие мягкого знака после **т** не означает, что этот звук произносился в данной позиции твердо. Наоборот, в современных кролевских говорах наблюдается только мягкое окончание: хó^адит', вó^азит', прó^асит' (все села). Отсутствие же мягкого знака — только графическая черта памятников XVII века: грамматисты того времени пропагандировали написание **ть** после **т**.

Глаголы бывших I, II и III классов в современном украинском языке не имеют флексии **-ть**. Хотя в «Кролевецкой ратуше» таких примеров немного, они дают возможность говорить о распространенности подобных форм в народной речи: зверху за лобъ и рве (I, 11), Гаврика...б'е (I, 11), нехай за кого хтѣв малженство вступуе (III, 4), господар надежджае (II, 8), отдаляе (III, 71, 77), каже (I, 24) — в рассказах участников суда и в официальной части актов: хто за бие (II, 4), описуе (II, 51). Преобладают в памятнике нехарактерные для современного украинского языка формы с **-ть (-т)**. Возможно, что глаголы с **-ть (-т)** и без **-ть (-т)** употреблялись и в XVII в. параллельно, как в древнерусском языке, причем употребление **-ть (-т)** поддерживалось книжной традицией: именно такое окончание предлагает грамматика М. Смотрицкого 1619 г. (чте^ать, прочте^ать). Л. О. Самойленко отмечает подобные явления в Полтавских актах: из 70 глаголов этого типа только 10 не имеют флексии **-ть (-т)**.

Не отличаются от современных украинских и формы третьего лица множественного числа¹: станут (I, 54), гатят (II, 50), не мають (I, 50), зостають (I, 29), ганят (I, 31), живут (I, 6), спродадут (I, 15), беруть (I, 25). Обращает на себя внимание лишь отсутствие эпентетического **л** в формах **топять** (I, 6), **поставят** (I, 69).

Прошедшее время. В памятниках деловой письменности XVII в. уже, как правило, не встречаются формы аориста и имперфекта. Нет их и в исследуемом памятнике². Зато формы перфекта в настоящем или чаще деформированном виде употребляются часто. Правда, вспомогательный глагол **быть** в перфекте в XVII ст. перестал указывать на лицо, о чем свидетельствует «Кролевецкая ратушная книга» и другие памятники этого периода. Например, в нашем памятнике имеем вспомогательный глагол **есми** в первом лице единственного числа: Мария мовила дня нинейшого **была есми** в млынѣ (I, 74), яким **рекъ** **иж што есми** на его **мовил...** а не довол (I, 9), я **был есми** в Коропѣ (I, 41), я **взял есми** грошей и **отдала есми** отцеві своєму (I, 77), а **оставил есми** коня (I, 47), только я **видѣл есми** же з ним... горѣлку **пил** (I, 71), я **увюл ся...** и **сѣл есми...** и **стали есми** фрасоват (II, 1).

Подобные примеры можно найти и в других памятниках XVII века: Тишко **повѣдив** **иж...** **дей есми** **мев** спор (МБ., 8), **оповеда**в отец Сте-

¹ Если не считать графической черты памятника — отсутствия мягкого знака.

² Исключением является единственный случай употребления аориста в доношении в Сотенное Кролевецкое правление за 1738 год: муж мой... в Царицанки **умре** (II, 98).

фаний... иж дей **есми** ездив (МБ., 7), жона казалала... шла дей **есми**... и чула **есми** крыкъ (МБ.,), я Евдокия Григоријева дочь... отпустила **есми** (АКСГУ, 119), продал **есми** думъ (АКПГУ, II, 26, 28), купил **есми** я, Ярема (АКПГУ, II, 31).

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти формы зафиксированы в дословно записанных рассказах свидетелей или подсудимых, поэтому мы считаем, что они существовали в разговорной речи XVII ст., а не объяснялись только «книжной традицией», как считает С. Ф. Бевзенко¹.

Правда, в нашем памятнике этих форм мало, а в актах, относящихся к первой четверти XVIII в., они отсутствуют полностью. Очевидно, они отмирали, постепенно уступая место слитным формам перфекта типа **чулем**, **ходилем**. Последние тоже исчезали, давая дорогу современным формам **ходив**, **чув**. Именно этот процесс можно проследить в «Актах Кролевцекого городского уряда».

Слитные формы прошедшего времени наблюдаются только у глаголов первого лица единственного и множественного числа². Остатки вспомогательного глагола **есмъ** (**ем**) в слитых формах встречаем и при наличии подлежащего: **я взялем** и **розвязалем** (I, 39), **я змовилем** и **заручилем** (I, 27), **я вымовилем** тые слова и **чулем** тое зуст (I, 72), **я спиталем** козака (I, 66), **я поставилем** (I, 41), **я отгอดилем** ся (I, 41), **я вола купилем** (I, 42), **я не мѣлем** справъ (I, 63) — и тогда, когда подлежащего нет, но из содержания можно понять, что имеется в виду первое лицо: Андрѣй повѣдил иж **мѣлем** шкатулку (I, 38), так мовиль был **ем**... атаманом... и вернул **ем** (I, 55), речи выкидал **емъ** мовит у снѣгъ (I, 54).

Подобные явления наблюдаются и в других памятниках XVII столетия: **давала мъ** грошей (МБ, 86), **давала мъ** позовъ (МБ, 88, 90), **я опытывалем** ся (МБ, 89), **поймала мъ** мужика чужого (АКПГУ, I, 118), **не взялемъ** (АКСГУ, 17), **фуку подписалемъ** (АКСГУ, 22), **я... пустила мъ** и **подала мъ** пну Ивану (АКСГУ, 39). Очевидно, деформированные перфекты в XVII и даже в начале XVIII в. были характерны для всех говоров Украины, но в большинстве из них эти формы исчезли, уступив место современным типа **чув**, **був**; остались они лишь в юго-западных говорах, поддерживаемые, возможно, польским влиянием.

О. М. Маштабей считает, что «не следует игнорировать и возможности юго-западных диалектных влияний, связанных с переселением в XVII в. значительных масс населения с Правобережья на Левобережье»³. Нам кажется, что, несмотря на переселение значительных масс населения с Правобережья на Левобережье, наличие этих форм нельзя объяснять юго-западным диалектным влиянием. Если бы это влияние было таким сильным, оно сказалось бы не только на глаголах, но и на других частях речи (например, в первую очередь это сказалось бы на словообразовательной системе украинских фамилий, а ведь левобережные памятники все без исключения свидетельствуют о преобладании патронимических суффиксов **-енко**, в то время как западно-украинские суффиксы **-ук** (**-чук**) в фамилиях составляют 0,5—1%).

Таким образом, можно говорить о распространении этих форм по всей территории Украины в XVII и в начале XVIII столетия. Об этом

¹ С. П. Бевзенко. Исторична морфологія української мови. Закарпатське обл. вид-во, Ужгород, 1960, стр. 310.

² Один раз встречаем подобную форму во втором лице множественного числа в рассказе свидетельницы: за тое **мѣлисте** мене зарезати (II, 5).

³ О. М. Маштабей. «Актовые книги Полтавского городского уряда» как источник исторического изучения полтавско-киевского диалекта (глагольные формы). Автореферат диссертации, 1955, стр. 11.

свидетельствует и «Кролевещкая ратушная книга»: я... продалем (II, 50, 1723 г.), продалем (II, 66, 1733 г.), одобралем (II, 53, 1721 г.), я... вручилам (II, 53, 1721 г.), продалем млынок, упросилем дѣти (II, 106, 1740 г.), мешкалем и билем (II, 58, 1723 г.), упросилем (III, 107, 109, 1742—1746 гг.), продалем (II, 113, 1740 г.) и другой интересный документ, написанный на Кролевещчине, — «Дневник генерального подскарбия Якова Марковича»¹ 1717—1765 гг., в котором очень много устно-разговорных элементов: обѣдалем... вечералемъ (309), принялемъ (320), пускалемъ крови (57), вечералем (329), былем у князя, обедалемъ у паней, слухалемъ... (305), ...просилемъ и велѣлем ему быть у Пушкарах (306), з родителми обедалемъ (317), на засулюю вечералем (83).

Остатки вспомогательного глагола **есмы** (**смо**, реже — **смы**) в первом лице множественного числа находим в слитных формах в официальной части актов: ка^за^ли **смы** записати (II, 11), велѣ^ли **смы** (II, 23), ка^за^ли **смо** записать до книг (I, 8, 22, 23, 25, 26, 32, 39, 40...), на^ка^за^ли **смо** скарат (I, 39, 40), на^ка^за^ли **смо** дат (I, 26, 31, 36, 41, 51), по^ска^за^ли **смо** (I, 51, 52), ка^за^ли **смо** пыат (I, 32) и в рассказах свидетелей и подсудимых: те^ды пош^ли **смо** (II, 7), при^кри^ли **смы** (II, 8), мы... про^да^ли **смы** (II, 9), зо^ста^ли **смо** вси з братами (I, 72), за^ста^вку у^гла^дели **смо** (I, 79), се^дѣ^ли **смо** на рынку (I, 71).

Иногда реликты вспомогательных глаголов присоединяются не к основным глаголам, а к другим частям речи, чаще всего к местоимениям, наречиям, союзам: к^гд^ы **смо** ка^за^ли по^зва^т (I, 48), те^ды **смо** по^сла^ли (I, 43), я^ко **смо** за^свѣ^ти^ли (I, 80), щ^о **смо** и за^пи^са^ли (I, 29), я^ко **м** перед вами зезнавала (I, 74). На такую же особенность в Полтавских актах указывает Самойленко Л. О.: те^ды **смо** при^ка^за^ли (I, 217). Встречаемся мы с ней и в Стародубских актах: же^бы^м я жа^лова^лься (16), в Бориспольских актах: к^гд^ы **м** при^ехав (9), те^ды **смы**... по^жи^ли (10), и же^м про^да^л ниву (23).

Таким образом, как свидетельствуют памятники XVII—начала XVIII вв., реликты вспомогательных глаголов, еще долго оставаясь в живой народной речи, теряли свое значение, употреблялись необычно, иногда, как указывает Л. О. Самойленко, с глаголами настоящего времени: те^ды **смо**... при^ка^зу^ем (АКПГУ, I, 12), те^ды **смо**... чи^ни^м (I, 100), то же наблюдаем в «Кролевещкой ратуше»: чо **смо** бы^тк^уе^ш из сим мужом другим (I, 62).

Поэтому так часто в исследуемом памятнике можно встретить при местоимениях первого лица параллельно глаголы с остатками вспомогательных глаголов и без них, иногда в рассказе одного и того же человека: я во^лы при^вѣ^ли ска^за^лем (I, 42), от ба^бы... не чу^ль... вы^сту^пи^лем (I, 73), я не ви^дѣ^ль... то^лько чу^лемъ (II, 1), взя^лем шу^ку, ко^тору^ю про^ме^ня^лем на то^вар... як^я и ш^ол (II, 76), по^зва^ль и ре^клем (I, 47) и т. д. Довольно часто эти реликты совершенно отсутствуют в первом лице: не я то мо^ви^ль (I, 9), я ку^пи^ла у проча^н (I, 9), иж дом свой про^да^ла я (I, 10), я... грош^ы... вы^ня^ла и на^метку взя^ла (I, 77), я... по^бра^ла той сер^па^нок (I, 79) и т. д. Новые более краткие и удобные формы еще долго уживались со старым деформированным перфектом, пока совсем не вытеснили его. В памятнике широко представлены формы прошедшего времени мужского рода на -в: на^би^в (II, 6), за^ста^ви^в (II, 11), ска^за^в (II, 44), бра^вь (II, 44), ви^хва^ти^вся (II, 45), твер^ди^вь (II, 66), за^ни^ма^в (II, 57), же^ни^вся (II, 58; III, 3) — всего 68 примеров, хотя, конечно, преобла-

¹ См. ж. «Киевская старина» за 1891—1896 гг.

дают старые традиционные формы с -л: оддал (II, 118), шинковал (II, 108), взял (I, 44, 42). Особенно много форм с конечным -в в дословно записанных рассказах участников суда, так как в этих случаях писцы стремились к достоверности записи, пренебрегая традиционными письменными нормами. Например, на листах 21—22 II тома такие формы преобладают, так как весь рассказ записан из уст пострадавшего: я... добуdivся дѣвчини, он... оболонку виби^в, вдарив раз и другой, руки ясобѣ ножомъ порѣзав^в... пусти^в з рукъ ножъ, а он... вихопився на двор.

В памятнике насчитывается несколько случаев употребления давнопрошедшего времени, причем в этих формах, как и в перфекте, имеются остатки вспомогательного глагола **быть** в первом лице единственного и множественного числа: сознание свое учинилъ иж был^{ем} вступилъ (I, 75), першей был^{ем} вола укралъ в Носовци (I, 42), приказали **смо** были (II, 24), акты же, относящиеся к началу XVIII в., уже не фиксируют реликтов вспомогательного глагола: я бувъ уписався отбувати (II, 58), я купивъ бувъ сѣножать (II, 111). Во всех остальных случаях имеем современную форму давнопрошедшего времени, если не считать традиционного -л, употребляемого вместо разговорного -в: ротмистръ далъ был^л ему зробити (I, 36), Мищенко що побилъ былъ мужа моего... за тое погодил (I, 10), шинкара запрошували були (II, 43), отдав ей все що была дала (I, 35), оплатили были по подѣлѣ (I, 37).

Все эти формы встречаются в дословно записанных свидетельствах участников суда; очевидно, именно они были характерны для устно-разговорного языка того времени. На употребление этих форм в Полтавских актовых книгах XVII в. указывает О. М. Маштабей¹: завѣв^в бувъ (АКПГУ, III, 128) и Л. О. Самойленко: купили были (АКПГУ, II, 56), пошла была (АКПГУ, 161); встречаем их и в других деловых памятниках XVII столетия: за которую продалъ былъ (АКСГУ, 55), семениха помовила була (МБ, 60), обывателѣ поехали были до бору (МБ, 74), забойца повѣдѣлъ же... отишол був (МБ, 78), изъгубилем былъ быка (МБ, 89).

Формы давнопрошедшего времени можно услышать и теперь на территории Кролевецкого района: ја бул^ла нѣгу поломѣла (Тулиголово); нередко встречаются они и в произведениях дореволюционных и советских украинских писателей, как отмечает Ф. Ф. Медведев²: трохи була не втопилась (Т. Шевченко), Кармель був зовсім поправився (Марко Вовчок), тивпав був од тяжкої рани (М. Рильский).

Будущее время. «Кролевецкая ратушная книга» фиксирует все три формы будущего времени: простую, сложную и составную. Простая форма будущего времени — самая распространенная: выйде^тт замуж за другого (II, 52), схочут (II, 104), душа розлучит^{ся} (II, 61), знайдуть (I, 12). Между формами будущего простого и настоящего времени только видовая разница. В одном случае в рассказе пострадавшего встречаем употребление будущего простого вместо настоящего времени: я... проснуса аж ходит ледве чути и я крикну хто-то, а он мовчит и зась кликну до своих (II, 21). Формы проснуса, крикну, кликну совершенного вида и поэтому должны рассматриваться как формы будущего времени, но не исключена возможность, что в XVII в.

¹ О. М. Маштабей. «Актовые книги Полтавского городского уряда» как источник исторического изучения полтавско-киевского диалекта (глагольные формы). Автореферат диссертации, 1955 г.

² Ф. П. Медведев. Нариси з української історичної граматики. Вид-во Харківського ун-ту, Харків, 1964, стр. 229.

различение совершенного и несовершенного видов еще полностью не стабилизировалось. Аналитическая составная форма будущего времени, как правило, состоит из инфинитива основного глагола и вспомогательного глагола **быть**¹: **нихто упоминатися не будеть** (II, 51), **будет братъ** (II, 52), **будет требовати** (II, 53), **будеть отбувати** (II, 58), **жити будет** (II, 26). Гораздо реже в качестве вспомогательного глагола выступает **маю** (иму): **не мѣют турбовати** (II, 10), **мает зоставати** (II, 12), **чинити не мѣем** (II, 33), возможно, потому, что уже с XVI в. этот глагол стал элементом синтетической формы будущего времени, развившейся на украинской и частично белорусской почве. В нашем памятнике синтетическая форма встречается трижды: **Дяковская имѣтимет** (II, 58, 1742 г.), **належатимет** (II, 33, 1742 г.), **надлежатимет вѣдати** (II, 106, 1742 г.). Такие же формы фиксируют и другие украинские памятники XVI—XVIII веков: и **нихто възглядом вѣры своя жадно боятимется инквизиції** («Летопись С. Величко», 249), а **они яко люде дишкретні, умѣтимуть отдячити** (там же, 44), **подлѣгатимут** (АКСГУ, 18), **коли указоватимет** (АКСГУ, 17), **токариха подлягатиметь** (АКСГУ, 23), **вѣдати надлежатиметь** (АКСГУ, 38), **уживатимет** (АКСГУ, 59), **потребоватимет** (АКПГУ, I, 109).

Анализируя синтетические формы на **-му** в «Летописи С. Величко», В. П. Беседина-Невзорова² отмечает, что «они наряду со значением будущности передают дополнительный оттенок обязательности, категоричности, даже принудительности». Именно такой оттенок наблюдается в глаголах **имѣтимет** и **належатимет** в исследуемом памятнике.

В современных говорах Кролевецкого района аналитическая форма будущего времени преобладает: **там будете женіцъ: а** (Т), **будем і́хатъ** (БТР.), **ја́ буду житъ** (Добр., Дуб., Алт.), **будете допекатъ** (Добр.), **будут даватъ** (Т.), **хто буде годоватъ** (Добр.), **будем і́ти** (Т.), хотя встречается и синтетическая форма: **гарілки не пітимеш** (Добр.), **хто́на де вони́ поступатимутъ** (Добр.), **часті́ і́тимутъ** (Дуб.), **ви де́ртимете з лісу** (Т.), особенно часто в народных песнях: **б'їл'ш м'їн'ї ти не м'їтимеш/ свої́х р'учок не том'їтимеш** (Дуб.); **б'їл'ш ти не летатимеш/ свої́х ніжок не топтатимеш** (Алт.).

Условное наклонение. Формы условного наклонения в памятнике ничем не отличаются от современных украинских: **а если бы ся того допустилъ...** (II, 6), **хоча бы хто и упомянулся** (II, 51), **хто бы мѣлъ кого назвати** (II, 9), **коли б такого втопили** (I, 6), **о том бы турбацѣ, не мѣли** (I, 36), **хто бы тые речи носилъ** (I, 48).

Повелительное наклонение. Формы повелительного наклонения достаточно широко представлены в «Кролевецкой ратушной книге». Это чаще всего второе лицо единственного числа с окончанием **-и** под ударением: **пойди** (I, 48), **купи** (I, 48), **ходи з нами** (I, 62) или без окончания, если ударение на него не падает: **выкуп тые каюбки** (I, 48), в отличие от современного украинского языка, где **-и** сохраняется в производных словах и в безударном положении (**выкупи**, **винеси**). Безударная флексия после гласных превращается в **-й**, как и в современном украинском языке: **не бойся** (I, 48), **дай еще талярей** (I, 57), **не дай мнѣ́ отче згинут** (I, 41), **отдай тые прошы** (I, 41), **пане Миску не купуй** (I, 42), **не частуй** (I, 53), **не фрасуйся куме** (II, 1), **стой**

¹ Формы с **буду** стали преобладать в украинском языке с XIV—XV столетий.

² В. П. Беседина-Невзорова. До історії складних форм майбутнього часу в українській мові. Зб. «Питання історичного розвитку української мови». Вид-во Харківського ун-ту, Харків, 1962, стр. 254.

brate (I, 24). Двумя примерами представлено в памятнике второе лицо множественного числа: ходѣте панове (I, 80) и оставте мене при цалом здоровю (II, 4).

Описательные формы повелительного наклонения, фиксируемые украинскими памятниками с XV в., в «Кролевецкой ратушной книге» встречаются довольно часто: нехай я такий зостаю (I, 49), нехай отец мой старається огрошы (I, 77), нехай товар мой не лежить (I, 45), нехай дасть (II, 7), нехай за кого хтѣ в малженство вступе (II, 4), нехай жона моя за кого хтѣт пошлю быт (II, 45), нехай вам будет извесно (II, 65) — с частицей нехай и один раз с частицей да: да будет мнѣ отмщенемъ (II, 49).

Инфинитив. Формы инфинитива в памятнике представляют интерес для исследователя. Нельзя забывать, что он написан на территории, где сейчас употребляются исключительно формы на **-ть**: ходѣтѣ, писѣтѣ, робѣтѣ, носѣтѣ; **-ти** встречаем только в народных песнях: ми не будем і стѹкати /ми не будем і грѹкати/ тихенко седѣти /горілочку пѣти (Алт.).

Эта диалектная черта, возможно, отражена и в памятнике. Особенно показателен в этом отношении I том, наиболее близкий по языку к народно-разговорной речи. Формы на **-ть** встречаются в нем 327 раз, а на **-ти** — только 164. Правда, II том, содержащий в большинстве своем купчие документы, завещания, тяжбы о наследстве, так и пестрит застывшими выражениями типа: дати, продати, даровати, замінити, на свой пожиток обернути, до книг записати и поэтому разговорные формы на **-ть** (**-т**) встречаются реже — 280 примеров против 405. Тем не менее даже при таком соотношении во II томе формы на **-ть** (**-т**) в «Кролевецкой ратушной книге» преобладают (607—569).

Как отмечает О. М. Маштабей¹, Полтавские акты в менее шаблонных контекстах свидетельствуют о преимуществе форм на **-ти** (543 — 400). То же самое можно сказать о Бориспольских актах: **-ти** — 225, **-ть** — 165 примеров.

Итак, даже краткий обзор глагольных форм в «Кролевецкой ратушной книге» дает возможность говорить об их близости к современным украинским глагольным формам, и это само собой разумеется, если учесть, что памятник отражает живую народную речь начального периода формирования украинского национального языка. В то же время памятник фиксирует и некоторые архаические формы, то ли еще существующие в языке XVII в., как, например, деформированный перфект, то ли являющиеся данью традиции (как окончание **-лъ** в глаголах прошедшего времени мужского рода).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В СТАТЬЕ

Андр. — Андреевка

Алт. — Алтыновка

Добр. — Добровот

Дуб. — Дубовичи

Б. — Быстрик

Р. — Ревутины

Т. — Тулиголово

АКПГУ — Актовые книги Полтавского городского уряда XVII в., под редакцией

В. Л. Модзалевского, вып. I—III. Чернигов, 1912.

АКСГУ — Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 г., под редакцией

В. Л. Модзалевского, Чернигов, 1914.

МБ — Местечко Борисполе в XVII веке. Изд. ж. «Киевская старина», 1892.

¹ См. О. М. Маштабей. Автореф. дисс., стр. 13.

КОНСТРУКЦИИ С ДАТЕЛЬНЫМ БЕСПРЕДЛОЖНЫМ В «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

Л. М. Черняк

Исторический синтаксис остается наименее изученной областью русского языка. Описание синтаксической стороны языка памятников XI—XVII вв., накопление фактического материала, необходимого для построения научного исторического синтаксиса, не утратили своего значения и в наши дни¹. Наиболее важными представляются памятники письменности XVII в., эпохи формирования русского национального языка.

Вопрос о развитии падежных значений еще не получил полного освещения в лингвистической науке. В истории языка имело место все более широкое распространение предложно-именных сочетаний, сопровождавшееся постепенным ограничением или даже исчезновением из сферы употребления некоторых падежных форм².

В данной статье на языковом материале «Жития протопопа Аввакума» рассматриваются конструкции с дательным падежом без предлога. Синтаксические функции дательного падежа рассмотрены в общих курсах по историческому синтаксису русского языка³ и в отдельных статьях и исследованиях⁴. В них анализируются обстоятельственные и объектные значения дательного падежа, который в древнерусском, как и во многих других славянских языках того периода⁵, употреблялся значительно шире, чем в современном русском языке, обращено внимание на утрату дательным падежом обстоятельственных значений, на вытеснение некоторых конструкций с дательным падежом другими падежными и предложно-падежными формами, точнее передающими взаимоотношение между управляющим и управляемым словом. Однако языку XVII в. в этих работах достаточного внимания не уделено.

Для исследования привлекается материал трех имеющихся редакций «Жития», а также писем, челобитных, посланий Аввакума. Для сравне-

¹ Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. Изд-во «Рад. школа», К. 1960, стр. 4.

² Это отмечают Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Л. А. Булаховский, В. И. Боровский, Т. П. Ломтев.

³ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, Госучпедиздат Мин. просв. РСФСР, М., 1959; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд-во МГУ, М., 1956; Я. А. Спринчак. Указ. соч.

⁴ А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Уч. зап. ин-та славяноведения», т. 13, М., 1956; Г. В. Павловская. Значения дательного беспредложного в памятниках русской письменности XVI в. «Уч. зап. Харьковск. гос. пед. ин-та». Изд-во Харьковск. ун-та, Х., т. 29, 1958; И. Белорусов. Дательный самостоятельный в памятниках церковно-славянской и русской письменности. Русский филологический вестник. Варшава, 1899; В. П. Воробьев. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII в. «Уч. зап. Саратовск. пед. ин-та». Изд-во Саратовск. пед. ин-та, вып. 30, 1958.

⁵ F. Miklosich. Vergleichende Syntax der slawischen Sprachen, Wien, 1883, стр. 578—636.

ния используются материалы современных «Житию» памятников. Анализ проводится с учетом лексико-семантических и грамматических особенностей управляющих глаголов и имен, так как с ними тесно связаны значения дательного падежа. В работе прослеживается также употребление слабоуправляемого дательного падежа и дательного падежа, не зависящего от семантики управляющих глаголов.

Дательный падеж косвенного объекта

Основное значение дательного приглагольного падежа в изучаемом памятнике — значение косвенного объекта, то есть лица или предмета, к которому направлено действие. Деление глаголов, при которых употребляется дательный падеж, на переходные и непереходные способствует наиболее полному выявлению круга значений исследуемого падежа.

Дательный косвенного объекта при переходных глаголах

Значение косвенного объекта при переходных глаголах проявляется наиболее четко, так как эти глаголы одновременно управляют винительным падежом прямого объекта. Дательный косвенного объекта имеет несколько оттенков значения.

Дательный адресата предоставления и показа употребляется при глаголах с общим значением передачи, поручения, показа: дати, прѣдати, въздати, приказати (отдать на попечение), предлагати, показати, являти: далъ деньги двоюродному брату (А., 70), прѣдалъ безумнымъ грекамъ те же три перста (В., 238), онъ же мнѣ приказалъ церковь (А., 15).

В дательном падеже преобладают одушевленные существительные и заменяющие их местоимения; изредка — неодушевленные существительные, сочетания с которыми носят книжный характер: кто дастъ главе моей воду и источникъ слезъ (А., 27), но и мени своему Господь славу даетъ (А., 81).

Прямой объект, выраженный конкретными, реже — абстрактными существительными, в большинстве случаев называется. Не назван прямой объект лишь в некоторых книжных конструкциях: Господь тебѣ въздастъ (В., 187), и хоцетъ паки приити судити и въздати кому ждо по дѣломъ его (А., 7).

Дательный адресата предназначения употребляется при глаголах с общим значением приготовления, приобретения, приношения: сдѣлати, творити, учинити, прислати, принести, привести, навести. Он является слабоуправляемым падежом, особенно при глаголах результативного действия, где налицо оттенок целевого значения¹: корыто имъ сдѣлалъ (А, 32), казакамъ каши наварилъ (А, 32). Если прямой объект конструкции выражен существительным или местоимением, которые обозначают понятия, связанные с человеческими ощущениями, то связь дательного с глаголом является более сильной: и тогда мнѣ дѣлалъ добро (А, 18), болши тово што ем умогутъ сдѣлатъ (А, 68), мнѣ зла не сотворили (В, 193). При глаголах, значение которых связано с пространственным передвижением, дательный падеж может быть как беспредложным, так и предложным с

¹ Для древнерусского языка характерна синонимичная дательному в указанном значении форма на + винительный падеж: нищимъ цену даяше и на церковное строение («Житие Юл. Лаз.», 347). В современном русском языке наряду с дательным употребляется форма для + родительный падеж. В памятнике имеется один случай такого употребления: все-то у Христа наделано для человеков (А, 42).

предлогом к (ко): прислала намъ рыбы да пироговъ (А., 34); по два яичка на день приносила робяти на пищу (А., 32), ко мнѣ прислалъ десеть рублевъ (А., 19), кормъ ко мнѣ везуть да тащатъ (В., 196).

Дательный адресата сообщения употребляется с большой группой глаголов речи: говорити, разговаривати, сказати, отвещати, побесѣдовати, поведати, оглашати, известити и так далее: вся ему подробну возвещаетъ (А., 38), они же обо мнѣ царю известиша (А., 11), мнѣ надобе поговорить Аввакуму брату (В., 218).

Глаголы бесѣдовати, поговорити, разговаривати выступают еще как глаголы сообщения и управляют дательным падежом: еще в амъ про невежество свое побесѣдую (А., 41) сталъ разговаривать отцу (А., 35). Наряду с беспредложным дательным при глаголах речи, как и в древнерусском языке, употребляется дательный с предлогом к (ко), подчеркивающим обращенность действия в сторону того или иного лица. Такие конструкции в памятнике чаще предшествуют прямой речи: да осреди побой вскричалъ я к нему: полно бить-тово (А., 29), онъ же ко ученику глагола: или кончина веку прииде (А., 3).

Дательный косвенного объекта при непереходных глаголах

Разнообразием оттенков значений отличается дательный косвенного объекта при непереходных глаголах, большинство которых в силу своего лексического значения управляет лишь одним именем существительным (местоимением) в дательном падеже.

Дательный объекта пользы и вреда употребляется при глаголах полезного или вредного действия: помочь, пособляти, благодѣйствовати, служити, работати, угодити, докучати, досадити, стужати (беспокоить, вредить), навѣтовати (клеветать, наговаривать): пособлялъ тебѣ с ними битца (А., 70), пускай дети мои работаютъ Богу (В., 101), стужаютъ мнѣ (В., 146), бѣси и навѣтовать ему стануть (А., 71). Некоторые глаголы этой группы: лаяти, пеняти, журити, благодарити, оскорбляти, пользовати в истории развития языка утратили характерное для древнерусского управление дательным падежом. В XVII в. последний при указанных глаголах еще наблюдается: после пеняешь мнѣ, (Письмо к М. Ф.), журять мнѣ (А., 17), чимъ тебѣ оскорбилъ (Ин. сказ.), яко в векъ скупому лають (Пр. каб. яр.), животу человеку пользуетъ (Травникъ).

В «Житии», письмах, посланиях Аввакума преобладает новая форма управления, отражающая живую разговорную речь того времени:

а) род.—вин. падеж имени: журять меня (Пр. сп., 316), онъ меня лаеть, (А., 11), надобѣ другъ друга журить (П. к. б. М.), оскорбилъ тебѣ (В., 201), я ихъ словомъ Божиимъ ползую (В., 201), о сихъ всехъ благодаритъ Бога (Первая чел.);

б) предлог на + род.—вин. падеж имени: что на нихъ и пенять (А., 52);

в) предлог с + творительный падеж имени при глаголе дружить, утратившем значение «оказать услугу кому-либо» и получившем значение «быть в дружеских отношениях»: ну, дружи со мной, не сердитуй же (П. к. М. Ф., сравни в других памятниках XVII в., отражающих живую разговорную речь): не дружися, чадо, с глупыми (Пов. о горе, 387), а с мужиками не дружилъ (Пов. о куле, 455).

Дательный падеж косвенного объекта психического движения употребляется при глаголах со значением внутреннего отношения, мысли, чувства, эмоционального состояния. Внутри этой группы конструкций с сильно управляемым дательным падежом выделяется несколько разновидностей в зависимости от характера управляющего глагола и последующей судьбы конструкций.

а) Дательный падеж при глаголах дивитися, смеятися, ругатися обозначает косвенный объект, являющийся в то же время причиной или основанием психического движения: *сталъ смеятися тому извещению* (А., 49), *а самъ имъ ругался* (В., 194), *Камынинъ дивится же мнѣ* (А., 44). Очень своеобразной является одназначная с дательным при глаголе дивитися форма *на + род. — вин. падеж имени при глаголе дивить* (смотреть с удивлением). Ф. И. Буслаев характеризует эту конструкцию как просторечную¹: *дивить на васъ нельзя*, (А., 58), *а на робятъ и дивить нечево* (А., 68).

б) Дательный косвенного объекта психического движения при глаголах *завидовати, позазрити, вѣровати, умети*: *позавиде дияволъ добродетели ея* (А., 77), *не позазрите просторечію нашему* (В., 151), *по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему* (А., 40), *онѣ де и грамоте не умели* (А., 54).

в) Дательный падеж при глаголах *исповѣдатися, кланятися, молитися* обозначает лицо как объект общения, связанный с определенными чувствами субъекта: *Богородице молихся* (В., 148), *поклонился мнѣ* (А., 28). С этими глаголами употребляются синонимичные беспредложному предложные формы дательного падежа с предлогом *к (ко)*, характерные для древнерусского языка: *ико брату исповѣдался* (А., 30), *молился с воплемъ ко владыке* (В., 165).

Дательный падеж косвенного объекта при глаголах *приближения, прикосновения* с приставкой *при* зависит от того значения, которое создается в глаголе приставкой и обозначает объект приближения, прикосновения. В силу лексического значения глаголов на объектное значение наслаивается пространственное: *прикреплятися Богови благо есть* (В., 230), *привязался еси жене* (І., 43), *желающе приближатися Богу* (В., 153). В сатирико-бытовых повестях XVII в. такие типично-книжные конструкции уже не употребляются, будучи вытесненными предложными формами, характерными для современного языка².

Многочисленные случаи употребления дательного падежа при глаголе *быти*, имевшем вещественные значения: «иметься», «принадлежать», «случаться». Конструкции с дательным, обозначающим лицо, у которого что-то имеется, с которым что-то случается, последовательно употреблялись в старославянском языке и менее последовательно — в древнерусском³, вытесняясь предложными формами.

а) Дательный падеж лица, у которого что-то имеется, сохранился в памятниках с церковно-книжным языком: *аще бы мнѣ былъ добрый конь* (С. Г.), *тебѣ будетъ нужда в деньгахъ* (К. С.). В «Житии» на месте дательного употребляется форма *у + родительный падеж*, харак-

¹ Ф. И. Буслаев. Указ. соч., стр. 505.

² В. Н. Перетрухин. Система беспредложного глагольного управления в русской сатирико-бытовой повести второй половины XVII в. «Уч. зап. Ишимского педин-та», т. 2, Тюмень, 1958.

³ А. Б. Правдин. Указ. раб., стр. 73.

терная для современного языка: сынъ у нея былъ Симеонъ (А., 33), у нихъ были любимые законоучители (А., 54).

б) Дательный падеж лица, с которым что-то случается, еще широко употребляется в памятниках XVII в., в том числе и в «Житии»: што будетъ ему (А., 51), быть же было инымъ (А., 52), то ж ему было от прадедовъ (А., 60).

Дательный косвенного объекта двойной зависимости связан одновременно с глаголом и именем и представляет собой, очевидно, одно из промежуточных звеньев между собственно приглагольным его употреблением и более поздним приименным: младенцу спину вытру (А., 80), в глаза Никону плевалъ (А., 17).

Слабоуправляемый дательный падеж косвенного объекта предназначения при непереходных глаголах встречается очень редко. Он обозначает лицо, в интересах которого происходит действие: своему владыке стоять или падаютъ (В., 200), отступилъ мнѣ девицы (А., 10), елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется Богови (В., 150). Дательный заинтересованного лица также является слабоуправляемым падежом. Возвратное местоимение, кроме основного значения, имеет добавочное значение ограниченности действия сферой субъекта: коли баба лиха, живи же себѣ одна (А., 38), да постарому сделалъ, пошолъ себѣ ко владыке (А., 58).

Дательный субъекта — объекта

Дательный падеж со значением субъекта-объекта зависит как от личной глагольной формы, так и от объектного инфинитива, связь с которым придает дательному значение субъекта. В XVI в. указанные конструкции были характерны для языка деловых памятников, отражающих разговорную речь¹. Многочисленные примеры из «Жития» свидетельствуют об их широком употреблении в разговорной речи XVII в.: как де прикажешь мнѣ ходить (А., 55), казначею своему велелъ в шапку мнѣ сунуть (А., 49), приказалъ государь уговаривать меня Родиону Стрешневу (А., 49).

Дательный падеж косвенного субъекта

Значение дательного падежа косвенного субъекта² относится к ряду таких, которые обусловлены строем всего предложения, но косвенный субъект все же «грамматически зависим от глаголов, грамматически вызван им»³.

Дательный косвенного субъекта в безличных предложениях

В безличных предложениях выражаются процессы или состояния, которые исходят от субъекта, пассивного деятеля или носителя состояния, обозначающего дательным падежом. Дательный падеж отличается от ответствующего именительного падежа субъекта, так как обозначает лицо, являющееся не только производителем действия, но в какой-то мере и адресатом, лицом, которому приписывается действие или состояние, возникающее независимо от воли лица. Это сближает дательный косвенного субъекта с дательным косвенного объекта.

¹ Г. В. Павловская. Указ. раб., стр. 164.

² Термин употребляется как общепринятый, хотя он не совсем точно передает содержание данного понятия.

³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз. Л., 1941, стр. 97.

Дательный косвенного субъекта употребляется в памятнике необычайно широко в различных по характеру безличных предложениях: захотелось есть мнѣ (В., 163), занемоглось мнѣ гораздо (А., 46), соромъ ему стало (Б., 147). Особенно часто встречается эта форма при сказуемом, выраженном предикативными словами, которые обозначают физическое и психическое состояние человека: горько, люблю, сладко, тошно, чюдно, хорошо. Такие предложения помогают выразить эмоциональную приподнятость повествования, внутреннее переживания рассказчика. В языке письменности XVII в. они не находили еще широкого применения¹.

Дательный косвенного субъекта в инфинитивных предложениях

Значение косвенного субъекта в инфинитивных предложениях определяется независимым инфинитивом, выражающим различные модальные оттенки. Употребляющиеся в «Житии» инфинитивные предложения можно разделить на несколько групп.

1. В инфинитивных предложениях, выражающих объективную неизбежность действия, в дательном падеже называется лицо, реже предмет, который с неизбежностью совершит то или иное действие или будет находиться в том или ином состоянии: вѣдаетъ, что бытъ ему в патриархахъ (А., 14), видить душа моя, что имъ побитымъ бытъ (А., 35).

2. В независимых инфинитивных предложениях, в форме риторического вопроса обозначающих долженствование или возможность действия, дательным падежом имени выражается лицо, которое совершит действие, фактически противоположное указанному в предложении: как—су мнѣ царя того не жалеть, (А., 45), и мнѣ, окаянному, много столко Божия благодѣяния за бытъ (А., 46).

3. При инфинитиве с частицей бы в дательном падеже называется лицо, побуждаемое к действию: в поясъ бы вамъ класть поклоны (В., 168), и чемъ бы ему, послушав меня, и вдовъ отпустить (А., 21).

4. При объективно независимом инфинитиве дательным падежом называется лицо, к которому обращено приветствие. Такими предложениями начинались письма, послания, челобитные: и пишеть к нему послание навстречу: Преосвященному митрополиту Никону... радоватися и прочая (А., 14).

Дательный предикативный

Дательный предикативный употребляется в «Житии», как и во многих других памятниках XVII в., наряду с постепенно вытесняющим его творительным падежом²: лутче умереть не причастся, нежели, причастся, осуждену быти (В., 228), вождя себя помышляю быти слепымъ, а самъ ослепъ извнутри, (В., 178). Дательному предикативному соответствует часто употребляющаяся в памятнике предложная форма (местный падеж с предлогом в), характерная для живой разговорной речи: чтоб ему бытъ в патриархахъ (А., 17), азъ не гоюся в понытых быти (Пов. о бр.), кто в холопахъ бывалъ, тот и битъ чаю бывалъ, (Посл. Сим., 200), не всякому старцу в игумнахъ бытъ (Посл. Сим., 205).

¹ На это указывает В. Е. Ляпунова. См. автореферат канд. диссертации «Безличные предложения в памятниках письменности XVII века», 1962.

² Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 226.

Дательный обстоятельственный

Дательный обстоятельственный, широко употреблявшийся в древнерусском языке, в процессе развития языка вытесняется предложными формами.

В памятниках XVI—XVII вв. еще наблюдаются случаи употребления дательного с пространственным значением¹; в исследуемом памятнике он не встречается. Интересно отметить употребление дательного с временным значением (после того) при глаголах *пройти*, *минуть* в предложениях с количественно-именными сочетаниями: *то му двадцать лет минуло* (А., 8), *годовъ будетъ то му с полтретьятцеть* (А., 9), *двадцать лет то му уж прошло* (А., 41). Сравните в памятниках XVII в., близких к разговорному языку: *и минуши уже то му три года* (К. С., 426), *прошло тому времячка ровно три года* (Пов. о горе, 400).

Дательный падеж со значением цели и причины, вышедший из употребления в основном к XVI в., еще встречается в более поздних памятниках, в том числе и в «Житии»: *аще живемъ, Господеви живемъ*, *аще умираемъ, Господеви умираемъ* (А., 37). Можно отметить и употребление местоимения *чему* с целевым значением, совмещенным со значением причины: *не учоны де люди были, чему им верить* (А., 59). Более живым, характерным для разговорной речи средством выражения цели в памятнике являются падежные формы с предлогами того же местоимения: *за што, на што, по што: за што было за то гневаться* (В., 184), *на што городъ покинулъ* (А., 14).

Дательный приименный

В древнерусском языке дательный приименный падеж имел широкое распространение². Он выступал в тех же синтаксических функциях, что и родительный падеж и прилагательные, вытеснившие в истории развития языка дательный, и имел, в зависимости от семантики управляющего имени, различные значения: косвенного объекта, косвенного субъекта, принадлежности.

1. В языке памятника наиболее употребителен дательный падеж, выступающий в роли поясняющего слова при именном предикативном члене составного сказуемого, который может быть выражен существительным, прилагательным, причастием.

а) При именном предикативном члене — одушевленном существительном, выражающем отношение родства, приязни, неприязни, — дательный падеж имеет значение принадлежности:³ *до конца в раги быша христианомъ* (А., 58), *какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батко* (А., 70).

б) При именном предикативном члене, выраженном неодушевленными существительными, изредка встречаются конструкции с дательным падежом косвенного объекта с оттенком назначения, характерные для языка церковнорелигиозной литературы: *крестъ над нимъ исправление, страстемъ умерщвление, плоти пригвождение* (В., 15Г).

¹ См. примеры в указ. ст. В. Н. Перетрухина: *пошла Фролу Скобееву*, Ф. С. абие *разступися имъ вода*, С. Г.

² В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, ч. I. Львов. Изд-во Львовск. ун-та, 1949.

³ Книжные конструкции с дательным косвенного объекта при именном предикативном члене, выраженном одушевленным существительным, встречаются в письмах, посланиях Аввакума и в других памятниках XVII в. с элементами церковно-книжного языка: *ты бо еси Богъ нашъ, судия живымъ и мертвымъ*. В «Житии» подобные словосочетания не употребляются.

в) При именном предикативном члене — прилагательном или причастии — дательный падеж имени имеет значение косвенного объекта: рады миленькие намъ (А., 41), былъ братъ зѣло грамоте гораздъ (А., 17).

2. Дательный приименный не в составе сказуемого употребляется при абстрактных существительных, корни которых соотносительны с глаголами.

а) Значение косвенного объекта дательный падеж имеет при существительных, обозначающих действие или его результат, а также производителя действия: да иное, что вспомнишь во славу Христу и Богородице (А., 82), Никону за вѣтчику ересе мѣ, досталось небольшое место (А., 63). Наиболее употребителен дательный косвенного объекта в безглагольных предложениях: вѣчная ему память (А., 56), слава о нихъ Богу (А., 81).

б) При существительных, образованных исключительно от переходных глаголов, дательный имеет значение косвенного субъекта: вдруго-рядъ затмение солнцу было (А., 4), чаю воскресения мертвымъ (А., 9).

3. Определительное значение дательного падежа проявляется тогда, когда управляющее имя с глаголом не соотносится: отецъ ми бысть священникъ Петръ (А., 8), и мѣ ей забылъ (А., 76). С определительным значением более широко распространены в памятнике родительный падеж имени и притяжательное местоимение: и мѣ ея во иноцехъ Агафѣя (А., 79), отецъ мой прилежаще пития хмельного (А., 8).

Дательный самостоятельный

Дательный самостоятельный относится к конструкциям, которые широко использовались в древнерусском языке и в более поздний период, включая XVII в., в определенных литературных жанрах: летописях, житиях и других произведениях, связанных с церковно-религиозной тематикой¹. На их фоне ярко проявляется сознательное стремление Аввакума избежать в «Житии» этого оборота (в других сочинениях автор использует его чаще). Сравнивая три редакции «Жития» с Прянишниковским списком, можно отметить следующую особенность: если в Прянишниковском списке заметно свободное употребление дательного самостоятельного, то в редакциях Б и В количество случаев использования этого оборота заметно сокращается. В редакции А — автографе Аввакума — всего три конструкции с дательным самостоятельным: связавшуся языку его, ничево не промолыть (А., 48), и самъ не говорить, связавшуся языку его (А., 70), в правилѣ стоящу ей, да и вбесится (А., 77).

* *

*

Анализ употребления конструкций с дательным падежом без предлога позволяет сделать следующие выводы:

1. Система конструкций с дательным беспредложным в «Житии» представляет сложную картину, характеризующую язык XVII в.: сосуществование элементов старого и нового. Несмотря на наличие устаревших конструкций, вытесненных впоследствии другими падежными и предложно-падежными формами (дательный при глаголе быти, дательный предикативный), употребление дательного падежа в памятнике гораздо ближе к современному русскому языку, чем к древнерусскому.

¹ В. П. Воробьев. Указ. раб.

2. Основное значение дательного приглагольного—значение косвенного объекта. Насыщенный разговорными элементами языковой материал «Жития» показывает значительное сужение по сравнению с древнерусским языком и языком других памятников XVII в. употребления конструкций с дательным косвенного объекта при непереходных глаголах (в основном, за счет утраты некоторыми группами глаголов способности управлять дательным падежом).

3. Язык памятника отражает более широкое по сравнению с языком предшествующего периода и языком XVII в. употребление конструкций с дательным косвенного субъекта в безличных предложениях (горѣ ко мнѣ, чюдно мнѣ).

4. Конструкции с дательным обстоятельственным падежом в памятнике немногочисленны: к XVII в. его значения стали выражаться другими грамматическими средствами. Употребительным в памятнике является лишь дательный с временным значением — характерная особенность народноразговорного языка.

5. Дательный приименный в зависимости от лексических и грамматических особенностей управляющих имен имеет значение косвенного объекта, косвенного субъекта, принадлежности. Употребление дательного приименного по сравнению с древнерусским языком в памятнике значительно сужено.

6. Единичны в «Житии» (в автографе Аввакума) конструкции с дательным самостоятельным, широко употреблявшиеся в житийной литературе XVII в.: здесь проявляется сознательное стремление Аввакума сделать свое сочинение доступным для широких масс.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ¹

- А — первая редакция «Жития», автограф Аввакума.
- Б — вторая редакция «Жития».
- В — третья редакция «Жития».
- Пр. сп. — Прянишниковский список «Жития».
- Письмо к М. Ф. — Аввакум. Письмо к Маремьяне Федоровне.
- П. к Б. М. — Аввакум. Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой.
- П. к С. — Аввакум. Письмо к Симеону.
- Первая чел. — Аввакум. Первая челобитная царю Алексею Михайловичу.
- Житие Юл. Лаз. — Житие Юлиании Лазаревской.
- Ин. сказ. — Иное сказание.
- Пр. каб. яр. — Праздник кабацких ярыжек.
- Пов. о горе — Повесть о горе и злосчастии.
- Пов. о куре — Повесть о куре и лисе.
- С. Г. — Повесть о Савве Грудцине.
- К. С. — Повесть о Карпе Сутулове.
- Ф. С. — Повесть о Фроле Скобееве.
- Пов. о бр. — Повесть о бражнике.
- Посл. Сим. — Пословицы и поговорки XVII в., изданные П. Симони.

¹ Принятые сокращения относятся и к нашей статье «Атрибутивные словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума». — Л. Ч.

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В «ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

Л. М. Черняк

Характеристике атрибутивных словосочетаний в древнерусском языке, истории их становления посвящено большое количество работ и специальных исследований¹. В них рассмотрены вопросы о постепенном вытеснении из состава атрибутивных словосочетаний именных форм прилагательных, о закреплении местоименных форм в роли «чистого» атрибута, о порядке слов, а именно, об особенностях функционирования различных способов расположения членов атрибутивной группы. И все же эта проблема продолжает интересовать многих лингвистов, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время статьи, которые посвящены вопросу становления современного препозитивного атрибута в качестве нормы для русского языка и функциям препозитивного и постпозитивного определений в древнерусском языке в сравнении с современным². Если раньше считали, что постепенное преобладание препозиции атрибутивного прилагательного в памятниках XI—XVII вв. определяется возрастающей ролью собственно русских элементов и постепенным вытеснением иноязычного воздействия³ (греческого через старославянский), то теперь видят причину этого явления в особенностях синтаксического развития качественного прилагательного в именной и местоименной формах, имеющих различную судьбу в истории развития русского языка⁴. В статьях О. А. Лаптевой и В. И. Медведевой рассмотрен вопрос о функциональной роли препозиции и постпозиции в древнерусском языке; установлено, что именно препозитивное, а не постпозитивное прилагательное сообщало нечто новое; к XVII же веку оно приобрело значение невыделенного признака, передав выделительную функцию постпозитивным прилагательным. Эта точка зрения противоречит установившемуся мне-

¹ Е. С. Истрина. Употребление полных и кратких форм прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. Изв. Рос. АН. Отд. русск. языка и словесности, т. 23, кн. I, М., 1918; Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Изв. АН СССР. Отд. русск. языка и словесности, т. I, кн. I, М., 1929; С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. Изд-во АН СССР, Л., 1946; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Изд-во Львовск. ун-та, Львов, 1949; Л. А. Коробчинская. Функции словопорядка в древнерусском языке. Вопросы славянского языкознания, кн. I. Изд-во Львовск. ун-та, Львов, 1955; Г. П. Уханов. К истории атрибутивных словосочетаний. «Уч. зап. Калининск. пед. ин.», Калинин, т. XIX, вып. 2, 1957.

² О. А. Лаптева. О некоторых изменениях порядка слов в древнерусском языке. «Научн. доклады высш. школы». Филол. науки, № 3, М., 1959; В. И. Медведева. О месте определения по отношению к определяемому слову. «Уч. зап. Шахтинского пед. ин-та», т. III, вып. 3. Изд-во. Ростовск. ун-та. Шахты, 1961.

³ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд-во «Рад. школа», К., 1958, стр. 358.

⁴ О. А. Лаптева. Указ. раб., стр. 55—66.

нию о связи особой значимости прилагательного исключительно с позицией¹.

Представляется существенно важным рассмотреть все эти вопросы на материале «Жития протопопа Аввакума». XVII век — период интенсивного становления норм русского национального языка, а особенности состава и характер атрибутивных словосочетаний неразрывно связаны с языком эпохи и обнаруживают ее характерные черты. К сочинениям Аввакума можно в полной мере отнести слова В. В. Виноградова о том, что в индивидуальном творчестве нередко раскрываются полнее и острее общие свойства и процессы языкового развития².

Аввакум шире всех своих современников использовал формы, обороты, образные выражения живой народной речи.

На материале трех редакций «Жития», насыщенного разговорной речью в сочетании с традиционными церковно-книжными элементами рассматриваются в данной статье атрибутивные словосочетания с качественными, притяжательными и относительными прилагательными с учетом трех взаимосвязанных факторов: грамматической формы определения, лексического значения определения и определяемого и порядка расположения компонентов атрибутивного словосочетания. Целью исследования является выявление некоторых конструктивных особенностей синтаксиса XVII в., а также особенностей образно-стилистического использования атрибутивных словосочетаний в языке памятника.

Словосочетания с качественными прилагательными

Качественные прилагательные сыграли решающую роль в перестройке атрибутивного словосочетания, становлении современной препозиции в атрибутивной функции со значением обычного, невыделенного признака. Наличие кратких и полных форм прилагательных, их равноправное употребление в роли атрибута в древнерусском языке, а затем постепенное размежевание по функциям способствовало закреплению за определением препозитивного, а за краткой формой в роли предиката — постпозитивного положения.

Именная форма качественных прилагательных в препозиции

Именная форма качественных прилагательных, широко употреблявшаяся в древнерусском языке в качестве атрибута, к XVII в. оказывается вытесненной местоименной формой. В «Житии» сохранились за счет устойчивости, фразеологичности лишь отдельные словосочетания: а се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно възвѣщено (А., 45, 60)³ попросился я на великъ день для праздника отдохнуть (А., 54).

При логическом ударении на определении ясно видно значение выделенности, подчеркнутости признака. В таких случаях определение тяготеет к сказуемому: смиренъ нравъ имѣлъ покойникъ (В., 205), полну клетъ наволокли (В., 196).

¹ З. Д. Попова. Порядок слов в сочетаниях согласованного определения с определяемым в житийной литературе XVIII века. Славянский сборник, вып. 2. Изд-во Воронежск. ун-та, Воронеж, 1958, стр. 97.

² В. В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. Изв. Ин-та русск. языка АН СССР. Отд. лит. и языка, М., 1948.

³ См. условные сокращения к нашей статье «Конструкции с дательным беспредложным в «Житии» протопопа Аввакума» в этом же номере вестника. — Л. Ч.

Именная форма качественного прилагательного в постпозиции

В постпозиции краткое прилагательное выступает в функции атрибута с добавочным значением выделения, точного указания на конкретный признак, который сближает наблюдаемый предмет с другими предметами или отличает от них. Довольно многочисленные словосочетания с постпозитивными прилагательными обозначают качества и свойства лица, внешний вид, величину предмета: *юноша свѣтѣль*, на корме сидя, править (А., 10), *подобаетъ ти пастыря смиренномудра... взыскать* (В., 196), *в рукѣ у нея ано булавочка, крючикъ малехонекъ* (В., 147).

Большинство прилагательных имеет ярко выраженную эмоциональную окраску (при полном сохранении их реального значения). С. П. Обнорский считает, что с постпозицией прилагательного в отношении существительного сочетается известный оттенок эмоционального подчеркивания связей адъективного признака с именем¹.

Постпозитивные прилагательные синтаксически более самостоятельны, чем препозитивные. Это проявляется в возможности их отрыва от определяемого слова: *он мнѣ мужика вожа кормщика даль здорова* (Б., 117), *курочка у нас черненька была* (В., 321), а так же в том, что некоторые постпозитивные определения совмещают функции определения и неполного присоединительного предложения². На предикативное значение прилагательного, оторванного от определяемого слова, указывал И. И. Мещанинов. Он считал такие построения закономерными для разговорной и поэтической речи: *потомъ де меня привели во свѣтлое место, зѣло гораздо красню* (А., 78), *и всехъ де краше полата сияет паче всѣхъ и велика гораздо* (А., 78).

Местоименная форма качественного прилагательного в препозиции

К XVII в. качественное прилагательное в препозиции преобладает со значением обычного, невыделенного признака, хотя довольно часто употребляется препозитивное прилагательное для обозначения нового, для подчеркивания признака. Наиболее закономерно подчеркивание при противопоставлении: *сняли большую цѣпь, малую наложили* (А., 17), *и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, разве малая часть помянуть* (Б., 122).

В «Житии» выделяется две группы препозитивных прилагательных: определения, выражающие объективную или субъективную характеристику лица или предмета, и определения — постоянные эпитеты.

1. Определения, выражающие объективную и субъективную характеристику лица или предмета, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп по выражаемым ими значениям.

А. Устойчиво препозитивны определения с указательно-определятельным значением, без которых определяемое лишено смысла: *таже положи правую руку на плаху, по запыстье отсѣкли* (А., 63), *а жена с детьми в пустое мѣсто была сослана* (Б., 105). Близки к ним по значению словосочетания с определениями, выраженными порядковыми числительными: *и в четвертый день очхнулась* (А., 77).

¹ С. П. Обнорский. Русская правда как памятник русского литературного языка. Изв. АН СССР, VII серия, № 10, М., 1934, стр. 769.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I, Воронеж, 1874, стр. 129.

³ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 141.

Б. Прилагательные обозначают воспринимаемые чувствами качества и свойства лиц, предметов, вещей (внешний вид, внутренние качества, возрастная характеристика, социальное положение, размер, величина): в обѣдню ушелъ на дворъ к большому воеводе (А., 75), опять к Москве свезли томнова челоуѣка, посадя на старую лошадь (В., 198).

2. Препозитивные определения — постоянные эпитеты.

Препозитивными эпитетами выражается в «Житии» характеристика лица с религиозной точки зрения. В построенном по типу произведений полемической литературы памятнике дается положительная характеристика друзьям и отрицательная — врагам. Для положительной характеристики употребляются чаще традиционные прилагательные-эпитеты: истинный, благочестивый, святой, пречистый, премилостивый: присносущень истинный Богъ нашъ (А., 2), Святыи Діонисий Ареопажитъ во своей книге пишетъ (Б., 83). Эпитеты, отмечающие связь предмета с религиозным культом, также препозитивны: азъ же паки ему дальъ святыи воды (А., 70), не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дела (А., 40).

Называя свою повесть «вяканьем» (просторечием), многократно подчеркивая свое «небрежение о красноречии», Аввакум сознательно отказывается от известного ему стиля «плетения словес», от сочетаний с торжественными эпитетами, в противовес тяготению к ним других писателей XVII в.¹ Стилистические поправки, изредка приводящие к усилению величественности эпитетов, можно проследить по трем редакциям: прииде к нему мужъ в ризахъ свѣтлыхъ (А., 54, 73), прииде к нему мужъ во образе моемъ съ кадилом, в ризахъ свѣтлыхъ блещащихъся (Б., 125, 73), ризы де на тебѣ светло-блещащияся и зѣло красны были (В., 202, 73).

Сознательно отказываясь от пышных и сложных эпитетов, Аввакум часто использует эпитеты народноразговорные (бѣдный, горький) для характеристики друзей, людей, которым он глубоко сочувствовал: да не узналися бѣдные горюны (Б., 102), взялъ Пашков бѣдныхъ вдовъ от меня (А., 31). Этот эпитет употребляет автор и по отношению к самому себе: и протопопа Аввакума бѣднаго горемыку в то время с прочими остригли (Б., 86), увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня угасаеъ (В., 233). Эпитет бѣдный со стилистической окраской иронии встречается у Аввакума в лирическом воззвании при обращении к врагам: увы, бѣдные никониане, погибаете от своего злаго и непокориваго нрава (А., 60).

Экспрессивно изобразительная функция эпитетов в большей или меньшей мере ослабляет их смысловой вес.

Местоименная форма качественного прилагательного в постпозиции

В лингвистической литературе общепризнано, что увеличение смысловой нагрузки стоящего в постпозиции определения вызвано рядом причин: в этом положении, обычном для сказуемого, оно приобретает отте-

¹ В письмах, посланиях, челобитных Аввакум чаще использует такие торжественные эпитеты: херувими многоочития, серафими шестокрильнии, воеводы огнеопальныя, воинство небесных сил... (Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой, М. Г. Даниловой); бедной, бедной, безумное царшко. Что ты над собою сделалъ. Ну, где ныне светлоблещащияся ризы и уряжение коней. Где златоверхие полаты. Где бегряноносная порфира и венец царской. Где светлообразныя рынды (П. к С.). Цитируется по кн. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Гослитиздат. М., 1960, стр. 210, 229.

нок предикативности. А. А. Шахматов указывал на то, что атрибутивно-предикативная связь прилагательного может найти себе выражение в постановке прилагательного за существительным, в то время как определение обычно предшествует определяемому слову¹. Такие словосочетания в памятнике встречаются в определенном контексте: в описаниях природы и окружающей среды. Перечисление прилагательных, выступающих в роли предиката, вместе с существительными вызывает яркие зрительные образы: горы высокія, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стена стоитъ (А., 22), река мѣлкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, пальки болшіе, батоги суковатые, пытки жестокие, — огонь да встряска, — люди голодные (А., 26). Подобные примеры С. П. Обнорский рассматривает как стилистический прием устного народного творчества. Встречаются в памятнике и такие описания, где предикат относится к чисто эмоциональным эпитетам: страна варварская, иноземцы немирные (А., 31), зима еретическая на дворѣ (А., 43).

Постпозитивные прилагательные в атрибутивной функции по конструктивным особенностям можно разделить на две группы: качественные прилагательные, которые в именной форме не употреблялись, и прилагательные, у которых местоименная форма вытесняла именную.

В первой группе словосочетаний определяемое существительное представляет собой постоянное имя лица, название предмета, которое в данном контексте оказывается недостаточно определенным. Для уточнения, конкретизации имени и применяется определение, обозначающее какой-нибудь бросающийся в глаза признак. Главная номинативная роль в этих словосочетаниях принадлежит определяющему слову.

1. Качественное прилагательное употребляется в составе собственного имени. При отсутствии полной лексикализации имени возможна и препозиция: Афанасий великий рече (А., 7), Василий Великий пишетъ (А., 5), Великий Афанасий рече (Б., 7).

2. Качественное прилагательное дополняет, уточняет личное местоимение, к которому относится. Обособленные определения типа мы грѣшнии, азъ грешный представляют собой стереотипные выражения, часто встречающиеся в житийной литературе: азъ грешный и то возвѣщу вамъ (А., 47), но простите же меня грешнаго (Б., 151). Наряду с прилагательными церковно-религиозного содержания в «Житии» встречаются в таком же положении народно-разговорные прилагательные — эпитеты (бѣдной, миленькой и др.): и онѣ бѣдныя едятъ и дрожатъ (А., 22), онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ (А., 45). Разговорный характер таких конструкций еще более подчеркивается:

а) дистантным расположением прилагательного и местоимения: два ей горя бѣдной в избе стало (Б., 233), она за нас стояла в то время миленькая (А., 53), помяни его Господи во царствии своемъ бѣдененькова (Б., 93);

б) повторением предлогов при обоих членах конструкции²: потушить надобно о нихъ о бѣдныхъ (А., 60), но страхъ на нихъ напалъ на бѣдныхъ (Б., 131).

Постоянная постпозиция указанных прилагательных при личных ме-

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, Л., 1941, стр. 285.

² Повторение предлогов перед синтаксически связанными словами исследователи относят к явлениям живого языка. См. А. И. Евгеньева. Язык былин в записях XVII века. Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, т. 3, вып. 4, М., 1944, стр. 166.

стоимениях показывает, что словосочетания прочным синтаксическим единством не являются, а возникают лишь в контексте¹.

3. Определение постпозитивно, если оно имеет ясно выраженное уточняющее значение: то было в понѣдельникъ свѣтлой (А., 54), осетровъ с сорокъ свѣжихъ передъ меня привезли (А., 41).

4. Постпозитивно качественное прилагательное, являющееся постоянным эпитетом к нарицательному имени, если сам предмет уже известен и определение ничего нового не вносит: послалъ во церковь по святую воду сына своего (А., 69), и воду святую подносилъ (А., 69), отъ женъ да ядять сия хлѣбы священныя (В., 154).

Постпозитивными являются прилагательные, в которых местоименная форма вытесняла именную.

1. Прилагательные в краткой и полной форме в «Житии» еще употребляются в качестве однородных определений: а во дворахъ — травы красныя и цвѣтныя и благовонныя гораздо (А., 42), около ево горы высокіе, утесы каменные и зело высокі (А., 43).

2. Различные редакции памятника свидетельствуют о возможности употребления кратких и полных форм прилагательных в одном и том же словосочетании: оставили кусочекъ небольшой во рѣтѣ, в горлѣ накомъ резанъ (А., 64, 87), остался кусочекъ в горлѣ маленекъ, накомъ резанъ (В., 213, 87), а языкъ совершенъ обретется во рѣтѣ (А., 64, 86), в три дни у него языкъ выросъ совершенной (В., 86). Во фразе, взятой Аввакумом из евангельского текста, употреблено краткое прилагательное: согрѣшилъ окаянный, пролилъ кровь неповинну (А., 36, 48). В варианте Б мы видим более употребительное в XVII в. полное прилагательное: пролилъ кровь неповинную (В., 115, 48). Замена именной формы местоименной способствовала выдвижению прилагательного в препозицию: пролилъ неповинную кровь (В., 189, 48).

Для отдельных прилагательных, например, великий, многий, сохранилась постановка их в постпозиции: с победою великою и с богатством большимъ будете назадъ (А., 34), в нощи с горестію великою молихся Христу (В., 202), с ревностию великою и со слѣзами исповѣдалася мнѣ (В., 145). Однако с ростом употребления качественных прилагательных в препозиции растет и количество случаев препозиции названных прилагательных. О возможности употребления их в препозиции и постпозиции свидетельствуют примеры из разных редакций «Жития»: было в Даурской землѣ нужды великіе (А., 28, 36), тое великіе нужды было годовъ с шесть или семь (В., 109, 36), великіе пакости творилъ (А., 75, 101), пакости многія творилъ (В., 228, 101).

Сравнение употребления некоторых качественных прилагательных по трем редакциям памятника свидетельствует о неустановившемся в XVII в. порядке слов, о возможности употребления в одном и том же словосочетании препозитивного и постпозитивного определений, не отличающихся по значению, то есть об отсутствии во многих случаях видимых подтверждений того, что постпозиция играет исключительно предикативную роль: и возложилъ правую руку на пламя (А., 9, 11), и возложилъ руку правую на пламя (В., 90, 11), ему же Богъ далъ шубу новую да шапку (А., 17, 22), ему же Богъ далъ новую шубу да шапку (В., 99, 22), была у меня в дому моемъ вдова молодая (А., 76, 102), была у меня в дому молодая вдова (В., 223, 102). Рассмотр-

¹ Препозитивное прилагательное встречается в памятнике один раз: такъ онъ болнѣю ея в шокъ ударилъ (В., 147).

ренные выше примеры позволяют не согласиться с мнением некоторых исследователей, которые отмечают в языке XVII в. исключительно выделятельную, предикативную функцию постпозитивных определений¹.

Атрибутивные словосочетания с притяжательными прилагательными

Притяжательные прилагательные в древнерусском языке по своему значению, оформлению, словообразованию и синтаксическим свойствам были тесно связаны с существительными. Они выражали не отношение признака к предмету, а отношение предмета к предмету и употреблялись параллельно с именем существительным в родительном падеже. Словосочетания с притяжательными прилагательными в памятнике выражают различные отношения.

I. Отношение предмета к лицу.

1. Определяемое является принадлежностью лица, обозначенного определением: с писмомъ приступилъ к цареви коретѣ (А., 50), платьи княгинино на себя вздѣлъ (А., 75), совершенно бѣжить от тѣла Христова (А., 29).

2. Определяемое обозначает интеллектуальные способности, нравственные свойства, качества лица, обозначенного определением: да и надеюся на Христову милость (Б., 185), его же умъ челоуѣчь не вмести красоты его и доброты (А., 10).

3. В словосочетании, где определяемое выражено отглагольным существительным, определение образуется от существительного со значением субъекта и прямого или косвенного объекта:

а) определение со значением субъекта: покаянiе матерне колику силу сотвори (А., 34), по старцову Епифанiеву повелѣнiю говорю (А., 69), не послушалъ полуголова старцова моления (В., 213);

б) определение со значением объекта: послѣ Данилова стриженiя взяли другоу (А., 15), онъ же скончался послѣ Феодорова удавленiя два года спустя (В., 205);

в) определение со значением косвенного объекта: чти в царевѣ послании (А., 52), назидая себя страхомъ Господнимъ (В., 236).

II. Отношение лица к лицу.

1. Определяемое указывает на родственные отношения к лицу, обозначенному определением: сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили градъ (А., 19), да жена ево, Афанасьева, Фекла Симеоновна (А., 27).

2. Определяемое указывает на отношение зависимости одного лица от другого, обозначенного определением: прибрелъ к Москве, к духовнику цареву (Б., 105), зженоу быша ми дети духовныя, изрядныя рабы Христови (А., 13).

3. Если определяемое выражено отглагольным существительным, то определение образуется от имени лица, соответствующего прямому или косвенному объекту: исповѣдникъ Христовъ понуженъ бысть житие свое написати (В., 151), умеръ же бы Иванушко всяко, а то мученикъ Христовъ (Б., 124).

III. Отношение предмета к предмету.

Словосочетания, выражающие отношение предмета к предмету, представлены немногочисленными примерами: бѣды адовы обрѣтша мя (А., 8), венець терновъ на главу ему тамъ возложили (А., 15).

¹ З. Д. Попова. Указ. раб., стр. 97.

Притяжательные прилагательные тесно связаны в грамматическом и лексическом отношении с личными именами существительными, от которых они образованы. Такая связь, более характерная для древнерусского языка, в «Житии» проявляется в том, что прилагательные выражают некоторые синтаксические свойства существительных:

1. Выступают в качестве приложения: а мнѣ сказывалъ кормицкѣ ево Афонасьева дощеника (А., 37), да жена ево Афонасьева Фекла Симеоновна (А., 27).

2. Имеют при себе приложение: на дворець к Спасу на Силино покойника мѣсто (А., 15).

3. Выступают в качестве однородных членов с родительным падежом существительного: да при духовникове благословении и Нефорова Иванна... (В., 168).

Лично-субстантивными свойствами притяжательных прилагательных обусловлено их место в составе словосочетания, образующего тесное синтаксическое единство, чему способствует постоянное соседство определения и определяемого. В древнерусском языке препозиция и постпозиция притяжательных прилагательных не были соотносительными и функционально значимыми: оба способа расположения были в равной мере допустимы¹. В «Житии» при сличении трех редакций обнаруживаются примеры, подтверждающие это положение: и единъ нѣкто, архиепископъ двора дьякъ Иванъ Струна (А., 18,23), и единъ нѣкто двора архиепископъ дьякъ (В., 100, 23), послалъ и с подъячимъ двора патриарша (А., 51, 68), приежалъ с подъячимъ патриарша двора (В., 198, 68). В языке XVII в. в отличие от древнерусского языка наблюдается определенная функциональная соотносительность в употреблении препозиции и постпозиции притяжательного прилагательного.

Притяжательные прилагательные, стоящие в препозиции, употребляются в словосочетаниях, обозначающих географические названия, в названиях дат церковного календаря: на Байкалове море паки тонулъ (А., 25), и егда в Петровъ день собрался в дощеникъ (А., 75), сидель до Филипова поста (А., 24). В словосочетаниях, выражающих субъектно-объектные отношения, преобладает препозиция (17 случаев из имеющихся 24)². В других памятниках XVII в. исследователи отмечают преобладание книжных конструкций с постпозитивным определением, выражающим значение субъекта и объекта. Употребление препозитивных прилагательных в памятнике является, очевидно, результатом влияния живой разговорной речи.

В общей сложности в памятнике преобладают словосочетания с постпозитивными притяжательными прилагательными, что объясняется влиянием традиций церковно-книжного языка со свойственными ему многочисленными сочетаниями — штампами: молебная певше во имя Христово (А., 29), поклонихся, призывая имя господне краткими глаголы (А., 46). В то же время исследователи отмечают, что постпозиция притяжательных прилагательных в атрибутивной функции (без предикативного оттенка) является характерной особенностью и разговорной речи³.

¹ О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 61.

² В. И. Медведева. Указ. раб., стр. 149.

³ Там же, стр. 150.

Словосочетания с относительными прилагательными

Определения, выраженные относительными прилагательными, чрезвычайно разнообразны по значению. Одни из них тяготеют к качественным прилагательным, другие — к притяжательным. Относительные прилагательные обозначают признак статичный, неподвижный и имеют, как правило, местоименную форму.

Наиболее обширную группу составляют прилагательные с суффиксом *-ьск*. Они могут соотноситься с притяжательными прилагательными и в определенном контексте в силу своих лично-субстантивных свойств заменяют притяжательные прилагательные: *но помогала намъ по Христе боляроя, воеводская сноха* (А., 27), *не ухоронилъ от еретическихъ рукъ* (А., 56). Относительные прилагательные, приобретая качественные оттенки, занимают препозитивное положение: *еретическое соборище проклинаемъ* (А., 62), *не сый в мирскомъ ихъ нравѣ и прелести* (А., 3).

Изредка употребляются относительные прилагательные с материальным значением, имеющие, как правило, членную форму: *по каменнымъ горамъ не ядше блудилъ* (А., 38), *платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы отласныя и тафтяныя* (А., 26), и сама с нами кашку сосновую из котла клевала (А., 32).

Относительные прилагательные в препозиции

Относительные прилагательные находятся в препозиции в следующих случаях:

1. В словосочетаниях, обозначающих географические названия и названия монастырей: *отпускалъ онъ сына своего Еремея в Мунгальское царство воевать* (А., 34), *били метлами и шелепами до Богоявленского монастыря* (А., 17).

2. В устойчивых словосочетаниях, выступающих в предложении как одно целое: *да тайне держалъ римскую вѣру* (Б., 145), *бывало и в воскресные дни, едуци, пою* (А., 47).

3. В словосочетаниях, выполняющих синтаксическую функцию предложения: *быша тогда казанские чюдотворцы, и Филиппъ, словонецкий игумень, от святыхъ русскихъ*, (А., 58), и Евфимий, чюдовский келарь, молилъ (А., 60).

Постпозитивные относительные прилагательные употребляются:

1. В словосочетаниях, свойственных церковно-книжному языку: *не сведу рукъ с высоты небесныя* (А., 61), *пслушай мене царю небесный* (А., 35).

2. В словосочетаниях, представляющих собственные имена, определения указывают на сферу распространения власти лица на основе отношения к названию места правления или подвластного народа: *архиепископъ Симеонъ Сибирской устроилъ меня к месту* (В., 172), и ты яко Стефана Пермского, *свободишь меня* (А., 12).

3. В словосочетаниях с определениями, относящимися к именам нарицательным, которые обозначают лица, предметы и животных: *ты меня отнял у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ* (А., 70), *слово что медведь морьской бѣлой* (А., 38), *при дверехъ царскихъ стоялъ* (Б., 98).

4. В словосочетаниях, выражающих отношение части и целого: я в то время двери церковныя затворилъ (А., 18), и чрезъ порогъ олтарной в глаза ему плевалъ (А., 13).

Постпозиции относительных прилагательных способствуют некоторые особенности строения предложения:

а) наличие однородных определений как контактных, так и дистантных: лесъ гнали хоромной и городской (А., 26), гораздо о правилѣ прилежала о церковномъ и о келейномъ (А., 47);

б) наличие другого, препозитивного определения: хотя втай держалъ старое предание отеческое (А., 55).

Особо следует остановиться на вопросе о месте относительных прилагательных при отвлеченных существительных и при существительных собирательно-обобщающего значения. В этих случаях относительные прилагательные указывают на отношение действия, состояния, качества, называемого определяемым словом, к субъекту, прямому и косвенному объекту и занимают соответствующее положение в словосочетании.

1. В словосочетаниях, выражающих объектные отношения, прилагательные преобладают в препозиции: сказывалъ царю три пагубы за церковный расколъ (А., 20), на рыбной промыслъ бѣжалъ на базлукахъ (Б., 120).

2. В словосочетаниях, выражающих косвенно-субъектные отношения, прилагательные встречаются в равной мере в препозиции и в постпозиции: иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено (А., 65), свѣты мои, мученицы Христовы (А., 49).

3. В словосочетаниях, выражающих субъектное отношение, прилагательные употребляются в препозиции, постпозиции и дистантно по отношению к определяемому слову: бѣсовскимъ дѣйствомъ верхняя раскрылася доска (А., 80), а онъ без него, дьявольскимъ на учениемъ, напалъ на меня (А., 18).

* *
*

Анализ материала по трем редакциям «Жития протопопа Аввакума» дает возможность установить взаимосвязь ряда явлений, характеризующих синтаксическую и стилистическую роль, структуру и значение атрибутивных словосочетаний и сделать следующие выводы:

1. Именная форма препозитивных качественных прилагательных в функциях определения оказывается вытесненной из атрибутивного словосочетания местоименной формой; сохранившиеся постпрепозитивные именные формы употребляются в роли определения с полупредикативным, выделительным значением.

2. За счет разграничения по функциям кратких и полных форм прилагательных увеличивается число препозитивных прилагательных со значением обычного, невыделенного признака. Связь между определением и определяемым существительным в словосочетании тесная, образующая синтаксическое единство.

3. Атрибутивные словосочетания с качественными постпрепозитивными прилагательными не всегда являются средством выделения, подчеркивания признака: постпозиция может обозначать обычный, невыделенный признак. Многозначность постпозиции обусловлена в значительной мере тем, что порядок слов в предложении в исследуемый период еще не стабилизировался.

4. Многочисленные оттенки значения передают словосочетания с притяжательными прилагательными. В языке XVII в., в отличие от древнерусского языка, наблюдается определенная функциональная соотноси-

тельность в употреблении препозиции и постпозиции. Использование в словосочетаниях, выражающих субъектные и объектные отношения, препозитивных притяжательных прилагательных отражает явления живого языка того времени (в других памятниках XVII в. исследователи отмечают преобладание постпозиции).

5. Словосочетания с относительными прилагательными, выражающие разнообразные оттенки отношения, отражают тенденцию живого языка того времени к постановке прилагательного в препозиции.

6. Атрибутивные словосочетания выполняют разнообразные образно-стилистические функции: служат средством передачи торжественности, приподнятости речи, средством интимизации, лиризма, иронии. Наряду с атрибутивными словосочетаниями, характерными для книжного языка, в «Житии», как ни в одном другом памятнике письменности XVII в., получили широкое распространение атрибутивные словосочетания, представляющие собой живые, разговорные конструкции.

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ СЛУЖЕБНОГО THERE С РАЗЛИЧНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

В. Д. Берловская

Вопрос о сочетаемости служебного *there* с различными глаголами английского языка в учебной литературе не освещается вовсе, в результате чего у изучающих английский язык создается ложное представление о том, что служебное *there* способно сочетаться исключительно с глаголом *to be*, либо освещается очень узко. Так, М. Ганшина и Н. Василевская, Е. Е. Израилевич и К. Н. Качалова и другие сводят круг глаголов, способных сочетаться со служебным *there*, лишь к глаголам, связанным с представлением о пребывании, нахождении или существовании, т. е. к ближайшим синонимам глагола *to be*.

Однако исследования показывают, что неизмеримо более широкий круг глаголов способен сочетаться со служебным *there*. Каковы же критерии сочетаемости глагола со служебным *there*? На этот вопрос не дают ответа ни зарубежные (Г. Вендт, О. Есперсен, Г. Керм и Керат, Г. Поутсма, Ч. Фриз), ни советские ученые (Г. В. Боганова, М. В. Лазаркевич, А. Я. Лебедева и др.). Рассмотрим наиболее полные по объему и последние по времени наблюдения Н. П. Крупениной¹.

Н. П. Крупенина пытается дать классификацию глаголов, способных сочетаться с «десемантизированным *there*». В этой классификации 89 глаголов, способных сочетаться с *there*, искусственно, на наш взгляд, сгруппированы вокруг двух центральных глаголов *be* и *come*, которые, в свою очередь, признаются имеющими общие «точки соприкосновения». Так, вокруг *to be* группируются глаголы *exist, live, lie, stand* и даже *reign, smoulder, grow* и другие, составляя группу глаголов «бытия», а также глаголы *begin, follow, succeed, take place, occur, develop, form, formulate, hang*, составляющие группу глаголов «события». Глаголы движения, такие как *creep, settle, go* и другие, группируются, согласно данной классификации, вокруг глагола *to come*. Даже переходные глаголы приравняются автором к глаголам «бытия» или движения.

Не останавливаясь здесь на критериях зачисления Н. П. Крупениной каждого конкретного глагола в ту или иную группу, рассмотрим принципиальную правомерность подобной классификации. По нашему мнению, здесь смешиваются различные понятия. В философском понимании все действия, а следовательно и все глаголы, категориальным значением которых, как известно, является обозначение действия, включают понятие бытия, ибо «движение есть форма бытия материи...»².

¹ Н. П. Крупенина. Предложения, возглавляемые лексически-десемантизированным *there* в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1956, стр. 31—80.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1950, стр. 319.

Только в этом смысле, а не в семантическом плане, как у Н. П. Крупениной, можно говорить о том, что такому глаголу, как *to file*, присуще значение существования, наличия. Но такое широкое понимание значения каждого конкретного глагола ничего не дает для изучения данного грамматического явления, а классификация, под которую можно подвести любой существующий глагол, перестает быть классификацией.

Обратимся к общему списку глаголов и глагольно-именных групп зарегистрированных в роли сказуемых при служебном *there*¹:

1. abut (on) *	54. enter	107. overtake
2. account	55. erect	108. pass
3. add	56. escape	109. peep
4. advance *	57. exist	110. pencil *
5. appear	58. expose	111. perfect
6. append	59. express	112. play *
7. approach	60. fall (out *, upon)	113. prevail
8. arrise	61. file	114. proceed *
9. arrive	62. find	115. propose
10. assemble *	63. flame up *	116. provide
11. associate *	64. flash	117. pour
12. be	65. flit	118. publish
13. be apparent	66. float	119. push *
14. be available	67. flow	120. radiate from *
15. be present	68. follow	121. rage *
16. be in use *	69. form	122. reach
17. beam *	70. formulate	123. recognise
18. bear	71. gallop	124. reign
19. beat	72. gather	125. remain
20. begin	73. give	126. render probable
21. befall	74. glimmer *	127. repose *
22. bequeath	75. glow *	128. result *
23. bide *	76. go (up)	129. return *
24. blossom *	77. grow	130. require
25. break	78. hang	131. ride *
26. breathe	79. happen	132. ring
27. burst	80. have *	133. rise (up)
28. call (at)	81. impend	134. run
29. call upon *	82. imply *	135. rush
30. catch *	83. indicate *	136. sail
31. chance *	84. introduce *	137. say *
32. combine	85. issue	138. saunter
33. come	86. jump *	139. scatter *
34. create	87. know	140. seal
35. creep	88. lay	141. see *
36. crouch *	89. leap	142. seem
37. crowd	90. leave	143. set in *
38. dance	91. lie	144. settle
39. dangle *	92. linger	145. shine *
40. dawn *	93. live	146. shoot
41. debouch	94. lurk *	147. shout *
42. deduct	95. make *	148. show *
43. develop **	96. make out *	149. sink *
44. devise	97. mingle *	150. sit
45. die	98. mount	151. sit down *
46. display	99. move	152. smoulder
47. dwell *	100. need	153. sound *
48. emerge	101. note	154. spring (up)
49. employ	102. occur	155. spread *
50. encounter *	103. omit	156. stage
51. end	104. ooze *	157. stalk
52. enjoy	105. open * (up *)	158. stamp
53. ensue *	106. originate *	159. stand

¹ Некоторые из этих глаголов указаны в лингвистической литературе; глаголы, отмеченные знаком *, не упоминались ранее. ** Упоминался ранее лишь в форме действительного залога. В форме страдательного залога зарегистрирован впервые.

160. steal *	168. survive	176. unfold *
161. stir	169. sweep	177. waft
162. stretch	170. take	178. waken *
163. subsist *	171. take place	179. wake up *
164. substitute	172. take into account	180. walk *
165. succeed	173. tread *	181. want
166. superimpose *	174. turn	182. withstand *
167. surge	175. turn out *	183. write

Некоторые другие глаголы также могут употребляться в предложениях со служебным *there*. Однако и этот список, насчитывающий свыше 180 глаголов разнообразной семантики, с достаточной ясностью показывает, что сведение всех этих глаголов к семантике глаголов *to be* и *to come* в целом ряде случаев является искусственным и ничего не дает для понимания характера глаголов, используемых в этой синтаксической модели. Вот, например, начало одной из глав 3-й песни «Чайльд Гарольда»:

There **sunk** the greatest, nor the worst of men,
Whose Spirit, antithetically mixed,
One moment of the mightiest, and again
On little objects with like firmness fixed;...
Extreme in all things!

(Byron. Childe Harold).

Глагол *to sink* никаких «точек соприкосновения» с *to be* не имеет, и его можно свести к *to be*, лишь полностью игнорируя конкретное содержание *to sink*. Но такой подход вряд ли может помочь определить круг глаголов, типичных для данной модели. Или еще примеры с глаголами, до сих пор не зарегистрированными как сочетающиеся со служебным *there*:

There **were impending** more complications rent day,...
(Dreiser. Sister Carrie).

There **crouched** the marshes under the moonlight...
(Wells. The Door).

...There **radiated** from old Jolyon's wicker chair the perfect gaiety of three hearts.
(Galsworthy. The Man of Property).

And front and rear, and either flank, there **ride** the yeomen of the Barons, and in the midst King John.
(Jerome. Three Men in a Boat).

The front door bell pealed and there **sounded** the rustle of Sadie's print skirt on the stairs.
(Mansfield. Selected Stories).

Instantly there **flamed up** in his body the all-compelling desire.
(Dreiser. Sister Carrie).

...And over his wide, sensitive lips, framed by the thick black moustache, there **played** expressions that Mrs. Skene could not fathom.

(Carter. Fatherless Sons).

...When the gig drove up to the garden gate: out of which there jumped a fat gentlemen...

(Dickens. Oliver Twist).

и многие другие.

Семантика глаголов в данных предложениях не укладывается, по-видимому, ни в один из разделов классификации Н. П. Крупениной. Что же объединяет эти и многие другие глаголы разнообразной семантики и дает им возможность сочетаться со служебным *there*? По всем признакам, семантический принцип оказывается здесь недостаточным и следует обратиться к грамматической или точнее к лексико-грамматической характеристике этих глаголов.

Таким объединяющим фактором является, на наш взгляд, то, что все рассмотренные выше глаголы являются *глаголами субъектными*, т. е. такими, которые обозначают действия, связанные только или преимущественно с их субъектами, и не ориентированы на объект действия¹. Это позволяет выдвинуть следующее положение: *служебное there может сочетаться с любым субъектным глаголом, а также с любым глаголом являющимся нормально объектным* (т. е. ориентированным не только на субъект, но также и на объект действия), *но употребленным в субъектном значении*, т. е. без ориентации на объект. Однако структурные и смысловые возможности предложений со служебным *there* таковы, что оказывается возможным использовать в них и часть объектных глаголов, а именно *переходные глаголы*, например:

In this way there **was developed** a difference in meaning and emphasis...

(Bradley. The Making of English)

About this floor there **were scattered** a number of bristling flattish tufts of rich purple and black...

(Wells. The Door)

...In his soul who sought for her there **had been wakened** that wonderful vision to which alone are wonderful things revealed.

(Wilde. The Picture of Dorian Gray)

There **were assembled**, in that lower house of the domestic parliament, the women-servants, Mr. Brittles, Mr. Gilles, the tinker... and the constable.

(Dickens. Oliver Twist).

There **were shouted** invectives and pushes, and sometimes sharp slaps.

(Parker. Little Curtis).

Употребленные в форме страдательного залога и имеющие в качестве объекта действия подлежащее, эти глаголы не нуждаются больше в прямом дополнении для поддержки своей транзитивности. Таким образом, как и в случае субъектного глагола, в предложении со служебным *there* достигается ясность высказывания. Отсюда второй вывод: *служебное there может сочетаться с любым переходным глаголом в форме страдательного залога*.

В то же время мы располагаем данными, на основании которых можно утверждать, что возможность сочетаемости служебного *there* с пере-

¹ О субъектных и объектных глаголах, см. М. Ganshina and N. Vasilevskaya. English Grammar. Foreign Languages Publishing House. M., 1951, стр. 146—147.

ходным глаголом в форме действительного залога, вопреки утверждению некоторых исследователей (например, Н. П. Крупениной), безусловно существует. Например:

1. There **couldn't** anything **wake** them up all over, and **make** them **happy** all over, like a **gog-fight**...

(T w a i n. Huckleberry Finn).

2. ...For I saw him once proved at a just where many knights were gathered, and that time there **might** no man **withstand** him.

(T w a i n. A Connecticut Yankee in King Arthur's Court).

3. There **reaches** us from that place an exciting rumour...

(„Daily Worker”)

и т. д.

Однако для реализации такой возможности в современном английском языке требуется наличие дополнительных факторов, исключающих возможность смещения подлежащего с дополнением, а именно:

- 1) наличие прямого дополнения, выраженного личным местоимением в форме объектного падежа (примеры 1 и 2);
- 2) наличие обстоятельства между прямым дополнением, выраженным существительным, и подлежащим в постпозиции (пример 3);
- 3) наличие частичной инверсии (примеры 1, 2).

Иногда имеется сразу несколько факторов (примеры 1, 2, 3), но даже наличия одного из них достаточно для сочетаемости со служебным *there* переходного глагола в форме действительного залога.

Итак, служебное *there*, помимо глагола *to be* и его ближайших синонимов, может сочетаться: а) с любым субъектным глаголом, независимо от его семантики; б) с любым переходным глаголом в форме страдательного залога; в) с переходным глаголом в форме действительного залога, если это не нарушает ясность изложения.